

л е г е н д ы о т т е п е л и

ТИГРУШКА

Анатолий
Гладилин

РИПОЛ
КЛАССИК

Москва, 2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г52

Гладилин, А.

Г52 Тигрушка / А. Гладилин. — М. : РИПОЛ классик, 2016. — 320 с. — (Легенды оттепели).

ISBN 978-5-386-09151-4

Кто такие «шестидесятники» и в чем их феномен? Неужели Аксенов, Бродский и Евтушенко были единственными «звездами» той не такой уж и далекой от нас эпохи высоких дамских начесов и геометрических юбок? Анатолий Гладилин может по праву встать с ними в один ряд. Он написал легкую и изысканную, полную светлой грусти и иронии мемуарную повесть «Тигрушка», в которой впервые сказана вся правда о том невероятном поколении людей, навсегда свободных. Под одной обложкой с новой повестью выходит незаслуженно забытое переиздание «Истории одной компании». Этот роман оценят читатели «Коллег» Аксенова.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гладилин А. Т., текст, 2015
© Издание. Оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2016

ISBN 978-5-386-09151-4

ТИГРУШКА

Париж. 07 января 2015 года

Сегодня 7 января 2015 года. В России празднуют Рождество. Утром в Париже два террориста в черной одежде расстреляли в упор редакцию сатирического еженедельника, который осмелился опубликовать карикатуру на пророка Магомета. Естественно, французское телевидение и радио без перерыва говорят только про это. Первый час политкорректные французские журналисты повторяли, что никто не знает, откуда взялись эти террористы, с АК и гранатометами. Сбежали из сумасшедшего дома? В так называемых молодежных редакциях телевидения, 15-й и 16-й, высказывались более рискованные предположения. Может, это люди из ультраправого Национального фронта? А одна горячая голова бросила реплику — сам слышал: «А вдруг это русские?» Правда, более опытные и осторожные коллеги сдерживали пыл энтузиастов политкорректности — дескать, надо подождать официальной информации из Управления полиции. Наконец официальная информация пришла. Увы и ах! К величайшему сожалению прогрессивной французской общественности, редакцию «Шарля эбдо» расстреляли не ультраправые и даже — как обидно! — не русские. Убили журналистов наши любимые арабы, причем не

из Аравийской пустыни, а родившиеся и выросшие во Франции. Ай-яй-яй! Как же так? Ведь это противоречит всем нашим теориям.

На склоне лет (а видимо, в эту прекрасную пору я уже вскарабкался) трудно писать короткие рассказы. Почему? Ну естественно, по кочану, со всеми капустными составляющими солидного возраста. Стоп! Короткая ремарка (в следующий раз обозначим ее как К.Р.): наукой замечено, что даже очень образованный человек, карабкаясь по склону, забывает не только иностранные, но и массу слов своего родного, великого и могучего, зато неожиданно всплывает сленг его детства. В моем случае: блатной говор Казани военного времени. «Старушка не спеша дорожку перешла, ее остановил милиционер» — веселая антисемитская песенка, которую мы, семилетние пацаны, бодро распевали, не задумываясь... Впрочем там были и приличные слова: «Я никому не дам, все схавает Абрам, а курочку поделим пополам».

Да, так на чем мы остановились? На кочане и капусте? А выпрыгнувшая К.Р. наглядно доказывает, что на склоне каждая фраза влечет за собой какую-то историю, к данному повествованию отношения не имеющую, но которая вертится на языке и норовит брызнуть на бумагу.

К.Р. Мог бы продолжить: «...и на склон, тем самым убыстря скольжение». Ладно, я человек добрый, торможу лаптей («Вантя! Тормози лаптей, дядевня близко» — из казанского сленга).

Между прочим, за те самые ваши драгоценные минуты, которые вы потратили на чтение этих абзацев, в современном голливудском фильме произошло бы как минимум три убийства и сюжет резко закру-

тился. Но я человек мирный (в трех абзацах сделал себе два комплимента) и в моем возрасте глупо куда-то торопиться.

Итак, не будем подражать вещему Бояну, который, как известно, чтобы песнь сложить, любил растекаться мыслью по древу, и начнем действие в строгом рациональном стиле немецкой бюрократии. Мне позвонил начальник русской редакции «Дойтче велле», немецкого радио, делающего программы и на Россию:

— Наши редактора жалуются, что иногда вас трудно найти, а заказ срочный. У нас несколько ваших телефонов, но никто не знает, по какому вас искать. Я с немецкой пунктуальностью расчертил лист бумаги (начальник в Кельне был русским немцем, а потому обладал чувством юмора) — и записываю, как в адресной книге. Первый телефон. Обозначено — Маша. Кто такая Маша?

— Моя жена.

— Правильно. Армбрустер мне рассказывал, что вы однажды с ней приезжали к нам в Кёльн. Но если вас нет по этому телефону, то где вы? Второй телефон. Записано — Алла. Это кто?

— Моя старшая дочь.

— Вы у нее часто бываете?

— Учитывая, что там двое моих внуков, иногда даже ночью.

— Еще один номер. Записано — Алла.

— Раньше Алла жила на той квартире. И я там тоже бывал. Теперь не бываю.

— Какая у вас сложная жизнь.

— Это у Аллы сложная жизнь.

К.Р. Большой соблазн модернизировать диалог в манере «старины Хэма», однако соблазну не поддаемся (и возраст тому способствует).

— Понял, — сказал вежливый начальник из «Дойчевелле». — Номер вычеркиваю. А вот еще телефон. Записано — Ира. Это кто?

— Это мама моей младшей дочери Лизы.

— А с Лизой можно говорить, если вас там нету?

— Лиза, как и все четырнадцатилетние девочки, сразу забывает дела взрослых. Ира, наоборот, все аккуратно запишет и передаст.

Ну вот, благодаря дойтчевеллевской дотошности основные действующие лица заявлены. Слышу детский крик на лужайке. Это большое Алкино семейство, всех их люблю. И еще выделяется бас. Это Сережа Суренков, племянник Иры и двоюродный брат Лизы, которого, уезжая из Москвы, я запомнил веснушчатым карапузом, а когда вернулся в Москву (после провала августовского путча 91-го года), то меня в Шереметьеве встречал двухметровый гвардеец с метровым размахом плеч. (И почему так люди меняются, до сих пор для меня загадка!) Прекрасно понимаю, что на мои возрастные сантименты современному читателю, в памяти которого задержались только стихи Чуковского про Муху-цокотуху, и то из-за строчки «Муха по полю пошла, Муха денежки нашла» (такое с детства запоминается), решительно на... прибавьте сами глагольный корень. Так вот, видимо, чтоб не пропадала интрига, хвастливо заявляю, что в действующие лица моего повествования совершенно случайно втиснулись три знаменитых русских писателя (делать им было нечего?), а главное — главные герои не они, главный герой — усатый, полосатый, тигровой расцветки и с хвостиком. Но для начала, по моей врожденной занудливости, хотите вы или нет, я, подражая вещему Бояну, растекашусь все-таки

мыслию по древу и поведаю городам и весям о его предшественниках (не Бояна вещего, а усатого, полосатого, с хвостиком): Котяре, Басе, Фоне, Тише и Зое.

Лирическое отступление. Естественно, в моей памяти всплывают обрывки, ошметки (фу! почему ошметки? филейные части, вырезки, а переводя на литературный язык, романтические баллады, Песнь песней!) многочисленных рассказов моих друзей о своих хвостатых и пушистых, которые вошли в их жизнь на мягких лапах, но оставили незаживающие царапины... продолжить бы красивую фразу, завихрить ее, но тут возникает вопрос: где именно находится моя память, ибо последние годы она имеет скверную привычку прятаться, теряться... Прятаться где? Похоже на старый анекдот про немца, который старательно заучивал каждый день по два русских слова и, когда их набралось штук пятьсот, торжественно объявил, что они все у него в ...

Ладно, рассказываю лишь одну историю, которую точно не забуду. Автор ее — волевой спортсмен, человек положительный во всех отношениях. Так вот, идет он от автобусной остановки к своей даче, а идти надо по узкой дорожке через лес. Лето кончилось, холодно, темно. А за ним привязался котенок, бежит следом и отчаянно орет. То, что котенок, он разглядел, на дороге был столб с фонарем. Так вот, время пёхом от автобуса до дачи пятнадцать минут. «Ревела буря, дождь шумел». Ну, может, не совсем так, как про Ермака у поэта Рылеева, однако темный лес, котенку (явно милые дачники оставили) страшно. Бежит он, буквально цепляясь за ботинки волевого спортсмена, и орет. Пятнадцать минут. Пока человек не дошел до своей дачи и захлопнул перед носом котенка дверь.

— А почему ты не пустил его хотя бы на ночь? — наивно спросил я.

— Понимаешь, — объяснил волевой спортсмен, — трудно было бы выгонять его утром из дома. Я же не кошатник.

Как писал другой российский поэт, тов. Н. Тихонов, «...гвозди бы делать из этих людей».

Проехали. Я к тому, что будущего бандита, дворового хулигана с интеллигентными манерами, которого мы называли Котярой, я котенком не помню. А принесла его в дом Алка еще маленьким и неказистым (всех котов и кошек в наш дом приносила Алка). Помню только, что в июне 72-го года (от второго тысячелетия нашей эры оставался жалкий огрызок) приземлились мы в Литве, на дачу, которую сняли, кстати, не так далеко от того леса, за которым жил волевой спортсмен. Приземлились мы вчетвером: Алла, Маша, я и Котяра. Конечно, нас сбросили не на парашюте, но, как и в чем мы везли Котяру в самолете, кто его держал, решительно не помню.

М-да, с теперешней моей памятью, чтобы быть честным и правдивым, надо писать так:

«Прилетели мы в Вильнюс. Не помню. Не помню. Маленький зеленый поселок. Не помню, сколько одинаковых домиков.

Домик внутри не помню, но вроде неплохой. В тридцати метрах от каждого домика деревянный туалет, как в деревне, с выгребной ямой. Тетку, которая сдала нам эту дачу, не помню. Магазин — не помню где. Там был творог, а что еще — не помню. Была в километре речка, куда все дачники ходили купаться. Как называлась, не помню. Что делала на даче Алка, не помню. Не помню. Не помню. Куда-то и зачем я ездил

со старым евреем на его такой же старой «победе». Бодрый старикан получил разрешение на выезд в Израиль. В машине всю дорогу он громко пел патриотические песни времен Отечественной войны: „Артиллеристы, Сталин дал приказ“. И все же, что делала Алка? Не помню...»

Чудная получается проза. Постмодернизм.

Вернемся к нормальному, скучному письму. Каждый день, по многу часов, я диктовал Маше «Сны Шлиссельбургской крепости». Последние полтора года я провел в научном зале Исторической библиотеки, где собирал материалы о народнике Ипполите Мышкине и вообще о том времени. Книга была у меня в голове. Оставалось лишь выложить ее на бумагу. Срок сдачи в издательство поджимал: первое сентября. Алке такая скучная жизнь надоела, и в конце июля она вернулась в Москву. У нее была путевка на третью смену в писательский пионерлагерь в Малеевке.

А что делал Котяра? Местная публика встретила его прилет неодобрительно: «Кота на самолете? Столичные фокусы. У нас эта живность под каждым кустом».

Действительно, по поселку бродила банда худых, хвостатых, голодных, очень агрессивных уголовников. Видя эту компанию, Котяра даже не спускался с террасы, поэтому о его присутствии вскоре все забыли.

Помню (честное слово, помню!): Маша жарит купленную на рынке свежую рыбу, на запах у нашего крыльца собралась вся хвостатая разношерстная общественность, очень возбуждены. Впечатление, что вот-вот они бросятся на штурм, как солдаты и матросы в Октябре 1917 года на Дворцовой площади. Но Маша выставила на ступеньку тарелку с жареными хвостиками, остатками, ошметками. Вмиг тарелка оказалась

на траве. Куча-мала, визг, вой. За всем этим, прячась за Машины ноги, наблюдал Котяра. Потом штурмовики разбрелись в разные стороны. Я подумал, что, если бы юнкера, защищавшие Зимний дворец, сообразили бы вовремя вытащить на площадь из царских подвалов ящики с вином, глядишь, и не было бы Великой Октябрьской Социалистической. У революционеров опосля двух бутылок на рыло сменился бы ход мыслей...

В середине августа, в середине какого-то дня, к нашему домику, совершенно вдруг, подъезжают почти новенькие темно-зеленые «жигули»-пикап. За рулем Василий Павлович Аксенов. «Я, — говорит, — Киру и Леху отправил в Таллин, а сам сидел в Москве и писал. Вчера утром вышел на балкон — все в дыму. Города не видно, дышать нечем. Ну, думаю, надо тикать. Сел за руль и поехал».

Я знал, что в Москве очень жаркое лето и в районе Шатуры горят торфяники. Но чтоб дым пришел в Москву? Такого еще не бывало (и сколько раз потом было!).

— Васенька, как ты нас нашел?

— Язык до Киева доведет, — с усмешкой заправского шпиона ответил Аксенов.

Я сообразил: в писательском кооперативном доме, у метро «Аэропорт», в соседнем от Аксенова подъезде, живет наша родственница. Она-то знала наш адрес. И все-таки сориентироваться в незнакомых окрестностях Вильнюса? Значит, недаром Васины друзья, Овидий Горчаков и Григорий Поженян, прошедшие войну, говорили: «Мы бы Аксенова взяли в разведку».

На следующий день, вызвав некое волнение в соседних дачах, явился популярнейший в Литве человек — красавец, спортсмен, певец, художник Стасис Красаускас и уволок Аксенова на вечер в Вильнюс.

У Красаускаса с Аксеновым были какие-то особые отношения. Вася рассказывал: «Сидим со Стасисом в ресторане большой компанией. Стол ломится. Вдруг Стасис мне предлагает: „Пойдем выпьем“. Я показываю на дежурный взвод открытых бутылок. Стасис повторяет: „Пойдем в бар, выпьем“. Идем в бар, садимся у стойки, нам наливают по рюмке. Ну, может, парой фраз обменялись. Помолчали. Минут через десять вернулись к своему большому столу. Но для Красаускаса важна была эта пауза — посидели вдвоем».

Через два дня Вася уехал на Балтийское побережье, в Ниду.

...Кажется, я спутал жанры. Ведь пишу про Котяру, а вместо рассказа перешел на литературные мемуары. При чем тут Аксенов и Красаускас?

А при том. Не успел Вася уехать, как к нам пожаловала делегация: хозяйка дачи с двумя любезными соседями. С порога запричитали:

— Почему вы своего кота прячете? Дайте на него посмотреть.

Какой красавец! Какой кисанька! Иди сюда, дай я тебя поглажу.

Минут через пять:

— А какие люди к вам приезжают! Ваши друзья?

Я парировал:

— Стасис Красаускас — это же ваш национальный герой.

Мимо.

— Нет, тот, кто на машине приехал с московскими номерами.

Черная зависть ударила мне в голову. Вот что значит настоящая всесоюзная слава! Аксенова узнали даже в литовской глубинке.

— Да, это Аксенов, автор... — Я перечислил книги. Вежливо выслушали.

— А как он машину купил? В Москве можно? А у нас очередь лет на пятнадцать. Вы говорите, что для писателей есть специальная льгота? А ваш друг не может купить машину для нас? Сложно? А вы ему скажите, что мы ему дадим хорошие комиссионные...

— Мяу, — сказал Котяра.

А я заверил публику, что обязательно и непременно сообщу тов. Аксену о таком заманчивом предложении.

Тридцать первого августа мы прилетели в Москву. Дыма уже не было, но жара жуткая. Из дома я сразу побежал в ближайший продмаг. Мы-то с собой какую-то жратву прихватили, в Прибалтике даже полукопченая колбаса водилась, а вот с Котярой — проблема. Дело в том, дамы и господа, что специальной еды для кошек и собак в стране победившего социализма не существовало. Не существовало и спецпеска для других надобностей. Но с этим решалось просто: в большой Котярин таз я мелко нарезал страницы «Известий» и «Литгазеты» (знатоки утверждали, что «Правда» поделикатнее, но «Правду» я не выписывал), и когда перлы советской журналистики начинали пахнуть — выбрасывал все в мусорный мешок, таз промывал и нарезал туда свежую порцию газетятины. Так вот, вернемся к Котяриной еде. Я уже заметил, что начал катить бочку на Софью Власьевну — бью себя в грудь и извиняюсь! Дело в том, месье-дам, что еще до октябрьского переворота, и подозреваю, что даже до татаро-монгольского ига на славянских, русских, российских императорских землях кошек никто никогда не кормил. Заводили кошачье племя специ-

ально, чтоб они мышей ловили, которых в деревенских избах всегда водилось великое множество. Как человек объективный, не берусь судить, что происходило в барских хоробах — виноват-с, мои предки из крепостных Калужской губернии, а в калужских деревнях, может, крестьяне и бедствовали, но кошкам жратвы хватало. А про ленивых котов говорили: «Ишь как разъелся, мышей не ловит!» Какая котам полагалась диета после Великой Социалистической, не знаю, однако помню, что после войны в нашей огромной трехэтажной коммуналке на улице Генералов у соседки появился кот. Соседка мыла полы в коридорах Генерального штаба. А зарплата у уборщиц тогда всюду была одинакова, соседка явно не жировала, но она для своего кота, на общую кухню, куда выходила дверь ее комнаты, выставляла блюдечко с молоком, а иногда даже, демонстративно, пару кусочков вареной колбасы. Повторяю, коммунальная квартира была трехэтажной, общая кухня и туалет на втором этаже, т. е. настоящий проходной двор. Но насколько я помню, никто из соседей на кошачье лакомство ни разу не покусился.

Ладно, хватит исторических экскурсов. Как и почему так получилось, понятия не имею, но наш Котяра ел только рыбу. Московские гурманы иногда вылавливали на рыбных прилавках свежего карпа и прочие вкусности вроде корюшки, а Котяра предпочитал замороженное филе трески исландского производства.

Ныне могут сказать: «Ишь, какой ваш Котяра, зазнался, импорт ему подавай!» Опять же, как житель той эпохи, свидетельствую: верно, дефицит наблюдался на рыбных прилавках, и когда, к примеру, выбрасывали селедку, те, кто лез без очереди, получали по

морде, но, на Котярино счастье, этот исландский экспорт, лежащий брусками в белой бумажной упаковке с красными заграничными буквами, москвичи дружно игнорировали. Похоже, в гробу они его видали.

Итак, на чем мы остановились? На том, что 31 августа 72-го года я, не останавливаясь, бегу в продмаг, ожидая лицезреть жуткое зрелище: исчезло с верхних полок Котярино тресковое филе — растаяло оно за два месяца жары или москвичи его раскупили, чтоб хоть как-то охлаждать свои квартиры. Прибежал. Уф! Слава богу, устояла советская власть, и заграничные бруски в белой бумажной упаковке с красными исландскими буквами скупают на прежнем месте.

Отоварился, успокоился и подумал, что теперь я с чистой совестью имею право на некое баловство, а именно на три бутылки пива, которые засуну в морозилку и к моему ужину...

Разогнался и затормозил перед винным прилавком. Продавщица зевала.

— Мне, пожалуйста, три бутылки пива, жигулевского или рижского, — попросил я очень вежливо.

Продавщица захлопнула рот и выпучила на меня глаза. Два алкаша, явно поджидавшие третьего, чтоб скинуться на пол-литра, ойкнули: «Во дает!», а потом громко захохотали. На звуки такого веселья потянулись шляющиеся около полупустых прилавков граждане с авоськами: дескать, неужели выкинули сосиски? Словом, собралось некое сообщество, которое, глядя на меня, перешептывалось и пересмеивалось. Я, стараясь, как можно спокойнее спросил:

— Ребята, вы меня за фокусника принимаете?

— Друг, а ты не сердись, — миролюбиво ответил один из алкашей, — в Москве два месяца как нет пива,

ни капли. И тут ты как с неба свалился. Мол, гоните ему три бутылки. Цирк, да и только.

Зимой Алке исполнилось четырнадцать лет, и она старалась, при любом удобном случае, улизнуть из дома в компанию своих сверстников. Котяра очень обижался, и в конце концов мы с ним написали письмо: «Аля, зачем нас тогда завели, если никто с нами не играет и даже не рассказывает, что происходит в школе?» — и подписались: «Котяра, папа».

Следующим летом мы сняли дачу в подмосковном академическом поселке Абрамцево, который по указанию тов. Сталина был построен пленными немцами (а значит, отличного качества). И каждый академик имел там кроме дачи еще приусадебный участок с гектар. Нам сдала полдачи вдова академика-металлурга, как нам шепнули, его бывшая домработница, которая выкорчевала деревья и превратила свое персональное га в процветающее огородное хозяйство. Впрочем, об академиках (которых осталось уже мало), об их вдовах (которые никуда не делись), об академическом потомстве (которого, к великой радости Алки, хватало), о писателях, которые давно уже проводили лето в Абрамцеве: прозаики Юрий Казаков, Георгий Семенов, сатирик, один из авторов знаменитого мультфильма «Ну, погоди!» Аркадий Хайт, драматург, основатель и редактор телевизионного «Ералаша» Александр Хмелик, — короче, о том, кем и чем было интересно академическое Абрамцево, мы говорить не будем, и не из вредности, а потому что обещали другое — рассказывать только о хвостатых и полосатых.

Впрочем, одну подробность сообщу. Дело в том, что в довершение к сталинской милости около академического поселка бил целебный источник. Академи-

ческое сообщество уверяло, что эта вода лечит от болезней. Мы пытались выяснить, от каких именно. Ответ был категоричен: от всех, кроме воды в коленке. Но вода (не из коленки, а из источника) действительно была очень вкусной. Ежедневно я брал трехлитровую бутылку и по лесной тропинке спускался к источнику, который не фонтанировал вульгарно из земли, а тек из узкой блестящей трубы, каким-то образом выросшей посреди темного леса. От дачи академика-металлурга ходу было чуть больше полукилометра, и всегда за водой со мной ходил Котяра. Как собака. Нет, сравнение не точное. Собака дисциплинированно трусит за хозяином, а Котяра то забегал вперед, то отставал, то прятался в кустах, но явно держал меня в своем поле зрения. Иногда мне казалось, что он потерялся, но когда я возвращался к калитке в дачном заборе, Котяра, как по волшебству, обгонял меня на несколько прыжков. С этих походов за водой у нас с Котярой началась суровая мужская дружба, или, скажем точнее, он меня принимал за своего старшего брата. Поясняю. В отличие от прошлого дачного сезона, Котяра не отсиживался на своей веранде, а активно осваивал чужие территории. Не блуждал, сам находил дорогу домой. А если не возвращался, то был уверен, что я его найду. И действительно, если он запаздывал, я шел на его поиски, ориентируясь по звуку. Заслышав яростные кошачьи вопли, я направлялся к месту происшествия и наблюдал одну и ту же картину. Соседний пахан, огромный косматый, дымчато-серый головорез, ходил вокруг большого дерева, бил хвостом землю и неприлично ругался на кошачьей фене. А на верхних ветках дерева сидел Котяра и отвечал ему короткими репликами, типа: «Откуда этот урод взялся?» Я прогонял дымчато-

серого палкой, что удавалось не сразу, не бить же мне палкой кота! Я его отпихивал от дерева, и в конце концов он гордо удалялся, не забыв высказать на своей фене все, что он про меня думает. Когда стихало, Котяра медленно спускался, причем задерживался на последней ветке, всем своим видом показывая, как ему там хорошо, и непонятно, почему я за ним пришел. Но раз пришел, ладно, так тому и быть — прыгал на траву и, гордо подняв хвост, рысцой к нашей даче. Чтоб сказал спасибо, ласково потерся об мою ногу — фигу!

Лето 74-го года мы провели в полюбившемся нам Абрамцево, но уже на другом конце поселка, на даче номер девять академика Абрикосова. В отличие от образцово-колхозных грядок вдовы металлурга, участок дачи номер девять представлял собой дикий кусок сибирской тайги, где были места, куда еще не ступала нога человека, и приехавший к нам в гости писатель Жора Садовников собирал, не выходя за калитку, лукошко белых грибов. Кроме того, там мелькало заманчивое привидение с аппетитными загорелыми бедрами — француженка, жена Алексея Абрикосова, сына академика, ставшего потом тоже академиком и лауреатом Нобелевской премии по физике. Впрочем, у его юной племянницы, иногда навещавшей номер девять, женские прелести были не хуже, чем у французского манекена.

Но, чур меня, чур, остановим поток воспоминаний и вернемся к нашему хвостатому, полосатому. На девятой даче Котяра озверел. Его абсолютно не интересовали абрикосовские красотки, все свое свободное время он проводил в жестоких битвах с черным котом, который считал себя хозяином здешних окрестностей, — и вдруг появился соперник! Черный кот был

опытен и лют, однако Котяра решительно не уступал ему девятой дачи. После непродолжительной толковищи, типа «ты кот или черт? я кот, а ты черт! официально? официально! в морду хочешь? сейчас получишь!», они сплетались в яростный черно-серый клубок, от кошачьей свары дрожали стекла. Я быстро натягивал плотные осенние брюки, брал палку и бежал разнимать дерущихся, то есть отодвигать палкой черного разбойника. Спрашивается: при чем тут брюки? А при том, что черный кот в конце концов понимал, что он один против двух, и благоразумно смывался, а Котяра в пылу бешенства готов был вцепиться во все живое и пару раз бросался на меня. Если бы не брюки, он бы располосовал мне ногу. Для страховки я сдерживал его палкой и читал стихи: «Послушай, в посадке, куда ни одна нога не ступала, одни душегубы, / твой вестник, осиновый лист, он безгубый...» Пастернак Котяру успокаивал: минут через десять он даже позволял себя погладить — то ли в благодарность за союзничество против черного, то ли за свое приобщение к высокой поэзии.

Да, еще одна важная подробность. В июле мы с Алкой уехали в Коктебель, по путевке, на двадцать четыре дня, в знаменитый писательский Дом творчества. Маша в огромной пустой даче боялась оставаться и вернулась в Москву. Кто же был на девятой с Котярой? Ира. Так состоялось их первое официальное знакомство. В тот год у меня с Ирой были сложные отношения, вернее, их не было. Поэтому, жила она на даче одна или с кем-то, мне неизвестно. Ира свою личную жизнь не афишировала, а Котяра не ябедничал. Впрочем, они явно были довольны друг другом (Ира с Котярой). И в августе у него было всего две драки с чер-

ным пришельцем, из чего я заключил, что решающую битву, что-то вроде Курско-Орловской дуги, он выиграл в мое отсутствие.

Последнее лето перед нашей эмиграцией мы тоже провели в Абрамцево, и хочу лишь сказать, что Котяра попросту терроризировал хвостатых и пушистых всего поселка. Куда подевались Черный и Серый дымчатокопосматый, не знаю. Помню, что, делая круги по академическим аллеям, каждый день в разных местах слышал Котярины вопли и, подойдя поближе, видел около большого дерева патрулирующего Котяру, а на верхних ветвях всегда жалобно мяукающего всегда разной расцветки бедолагу. «Котяра, ну как тебе не стыдно, имей совесть!» — читал я что-то вроде педагогических нравоучений.

Иногда в ответ ноль внимания, фунт презрения, иногда, недовольно фыркая, шел за мной. Возможно, он не хотел терять партнера по бойцовским тренировкам, которые мы с ним проводили дома в зимнее время. Я надевал толстый пиджак, зимнюю кожаную перчатку, обвязывал на всякий случай руку шарфом и приглашал на игру «Поцарапаемся-покусаемся». Естественно, я только водил ладонью в перчатке перед его носом, а уж Котяра царапался и кусался за нас двоих. И вообще он обнаглел. Алку, правда, не трогал, но, когда ему казалось, что пора его кормить, гонялся за Машей с грозным рыком и даже слабо прикусывал ноги. Если это было при мне, то я его наказывал: шлепал газетой, свернутой в трубочку. Он это молча терпел, но в следующей нашей игре «Поцарапаемся-покусаемся» неистовствовал, наглядно показывая, что бы он со мной сделал, если бы не считал меня за старшего брата.

А потом наступила эпопея с отъездом. Нам неожиданно быстро дали разрешение, но срок на сборы две недели. Я сбивался с ног из-за всех бюрократических формальностей и хлопот, а каждый вечер к нам приходили друзья, знакомые, близкие люди прощаться. Каждый вечер застолье. (То есть на каждый вечер надо было доставать провиант в условиях советского дефицита.) Мы брали с собой в эмиграцию только книги и постельное белье, которые, согласно правилам, надо было за два дня до отлета привезти в Шереметьево и сдать в багаж. Все остальное, а именно: мебель, одежду, телевизор, «Спидолу», пластинки, кухонную утварь — отдавали друзьям и близким. Нашлась хозяйка и для Котяры, которая обещала его взять к себе буквально через пару часов, как за нами захлопнется дверь.

Все, кто уезжал из СССР в ту эмиграцию, сравнивают процедуру прощания с собственными похоронами. Слушали проникновенные речи, плакали и расставались с друзьями и близкими, твердо зная, что уже никогда мы их не увидим. Словом, было не до Котяры. И не было времени с ним разговаривать, что-то объяснять. Накануне нашего отлета он перестал есть и пить, лег в свою миску, в которую ему обычно клали рыбу, закрыл мордочку лапами и не произносил ни звука, не реагировал на наши поглаживания и всхлипы.

В принципе, я довольно часто уезжал в командировки. Как он на этот раз догадался, что я не вернусь? Как он вообще все понял? Загадка. Но вот эта картина: Котяра, неподвижно лежащий в своей миске, закрывший лапами мордочку и не реагирующий ни на что, навечно в моей памяти.

Мы прилетели в Вену, потом обосновались в Париже, и связь с Москвой окончательно оборвалась. Мы

не получали письма из Москвы, в Москве не получали наши письма и, за редким исключением, посылки. Я понимал, что не имею права звонить в Москву: у моего собеседника рано или поздно, но обязательно будут неприятности. Только Ира ничего не боялась, и ей нечего было терять, ибо ее социальный статус был практически нулевой. Вот от нее и шла информация, и в первую очередь о Котяре, которого она взяла у незадачливой женщины, решительно с ним не справлявшейся. До сих пор я храню присланные Ирой фотографии: Котяра на телевизоре в позе копилки, Котяра, вырывающийся из ее рук (с иронической припиской: «Вот он всегда такой»). В общем, Котяра вполне обжился у Иры, они со своим племянником Сережей брали летом Котяру в Пярну, где он (Котяра, а не малолетний Сережа) гонял соседских котов и имел успешные романы с эстонскими хвостатыми дамами (приписка Иры в письме: «Сама видела»). Иногда я даже думал: а что, если вдруг по волшебству я прилечу в Москву, признает ли меня Котяра? Увы, Москва была для меня совершенно закрыта, я занимал все более влиятельное положение в парижском бюро вражеской радиостанции, зато через два года, как по волшебству, в Париж по гостевому приглашению приехала Ира. Разумеется, я сразу понял, что волшебство было делом рук кудесников с Лубянки, но далеко не сразу осознал, насколько это хорошо продуманная комбинация. Об этом я более подробно рассказываю в своей новой книге («Вторая попытка мемуаров»), над которой сейчас работаю. Надеюсь, что мне удастся ее закончить, а пока не будем отвлекаться от Котяры. Итак, по словам Иры, он превратился в матерого хулигана, в Москве при первой возможности выскакивает на лестницу, убегает во

двор и ведет жестокие сражения по периметру всей улицы Марии Ульяновой. Возвращается с победными воплями, слышными за квартал, весь в царапинах и ссадинах, но ужасно гордый собой. Приходится его мыть и врачевать. Единственное, кого никогда не обижает, это Ирину маму, Людмилу Михайловну, которая, несмотря на почтенный возраст, продолжает преподавать латынь в Московском университете. К ней на дом приходят студенты, она им дает дополнительные уроки, а Котяра сидит в ее комнате и внимательно слушает. Ира уверена, что он скоро заговорит на латыни.

Ира вернулась в Москву в начале января 79-го года, а через три месяца сообщила мне важную новость. Я человек суеверный, ни с кем с нею не делился, молчал, как красный партизан на допросе, но Ирины московские дела меня все больше интересовали, а посему мне захотелось написать что-то о Москве, и я сочинил смешной рассказ про Котяру. Он прозвучал через все советские глушилки на коротких волнах вражеского радио и был напечатан Сергеем Довлатовым в Нью-Йорке, в его газете «Новый американец».

Лирическое отступление на литературные темы. О наших отношениях с Довлатовым можно прочитать в моей книге «Улица генералов. Первая попытка мемуаров», изданной в Москве в 2008 году и через два года вошедшей в мой трехтомник. (Даю это наглое сообщение, потому что сейчас практически никто книг не читает, и, значит, меня никак нельзя обвинить в саморекламе.) Обычно все, что я сам считал интересным из моих передач по «Свободе», я пересылал в Нью-Йорк Андрею Седых, редактору «Нового русского слова». Он без единого замечания все печатал и плюс платил

мне в долларах. У созданной Довлатовым, в компании с Вайлем, Генисом и Рубиным, газеты, конкурентной «Новому русскому слову», денег не было. Но Довлатов просил меня поддержать их «Нового американца», однако мой рассказ про Котяру вызвал возражение его редколлегии: дескать, слишком несерьезно. Довлатов мне объяснил по телефону, что ему как раз нравятся такие озорные вещи, и он, употребив свою власть главного редактора, стукнул кулаком по столу и поставил рассказ в номер. Я, конечно, догадался, что именно возмутило его высокоидейных коллег. Мой рассказ кончался примерно такой фразой: «Котяра, пожалуй, единственный индивидуум в Советском Союзе, который ведет себя, как ему заблагорассудится, и даже КГБ его не трогает». Господа-диссиденты, видимо, заподозрили скрытый комплимент компетентным органам, а это было крайне немодно в тогдашней русской эмиграции.

Тут для меня обидны две вещи. Во-первых, после трех переездов во Франции с квартиры на квартиру потеряны две трети моего архива, в том числе вырезка из «Нового американца» с рассказом о Котяре. Сохранись у меня хоть какая копия, я бы перепечатал здесь полностью.

Во-вторых, и это самое обидное, что в то время, когда я по радио и в нью-йоркской газете пел, можно сказать, дифирамбы Котяре, его, Котяры, уже не было.

Много совпало обстоятельств и радостных, и печальных. 21 сентября 79-го года родилась Лиза. И в том же сентябре в пятиэтажке, на улице, названной в честь сестры Ленина, начался капитальный ремонт. Двери подъездов и квартиры были распахнуты настежь, всюду сновали строительные рабочие. Наступи-

ли холода. Ира жаловалась на вечные сквозняки и боялась, как бы Лиза не простудилась. Естественно, здоровье моей дочери меня волновало больше всего, плюс возникли другие проблемы, о которых в основном мы и говорили по телефону. Правда, однажды я спросил про Котяру. И Ира, после секундной запинки, ответила веселым голосом, мол, Котяра молодец, как обычно, хулиганит, пользуется тем, что двери открыты, и, когда хочет, убегает на улицу и возвращается, когда ему заблагорассудится. Помню, что-то в ее веселом голосе мне показалось фальшивым, однако мы обсуждали более серьезную тему: Лизе уже два месяца, а официально ее в Москве как бы не существует. В ЗАГСе ее категорически не хотят регистрировать как Елизавету Анатольевну Гладилину, а Ира в ответ: «У моей дочери в паспорте, в графе отец прочерка не будет!» Ладно, обо всем этом в моей новой книге, которую надеюсь и т. д. Читай выше. А тогда Ира просто не хотела меня расстраивать.

Так что же произошло с Котярой? Никто не знает. Однажды он ушел и не вернулся. Могу лишь высказать свои предположения. Отважный кот, привыкший к уличным поединкам со своими хвостатыми соперниками, спасся бы от большой собаки, вспрыгнув на дерево, а почувствовав более серьезную опасность, спрятался бы в кустах. Но то летом. А в ноябре листва опала, все хорошо просматривается. По-прежнему рискуя вызвать неудовольствие прогрессивной российской общественности, утверждаю, что Котяру убило не КГБ. Увы, в Москве всегда было полно пьяных отморозков, а на улице Марии Ульяновой разбросаны строительный мусор, палки, доски, лопаты, а пьяные отморозки в высоких осенних сапогах и в зимних перчатках...

Извините, я выключаю свое писательское воображение. Все. Точка. А если (вдруг, кто знает?) мы с Котярой встретимся на том свете, то я буду просить у него прощения.

Когда Ира поняла, что меня в Москве больше всего интересует Лиза, ее здоровье и все проблемы, с ней связанные, она мне рассказала про Котяру. Я воспринял эту новость, скажем так, сдержанно. Но Алка догадалась, в каком я состоянии, и решила, что она знает, как мне помочь. Не предупредив ни меня, ни маму, она принесла в нашу парижскую квартиру на бульваре Понятовского котенка. Котенок был выходец из почтенной эмигрантской семьи русских философов и литераторов, и котенка дал ей в руки сам Никита Алексеевич Струве, сказав, что это кот. Честно говоря, мне это животное было ни к чему, но я увидел, что Маша рада. И потом, раз Алка принесла... Назвали котенка Вася. По раскраске он отличался от Котяры, но какой именно была эта раскраска, хоть убейте, не помню. Странно, ведь выходец из семьи Струве прожил у нас одиннадцать лет, точнее сказать — прожила. Никита Алексеевич, наверно, поторопился с определением пола котенка, а мы, разумеется, поверили на слово профессору Сорбонны и хозяину престижного русского книгоиздательства. Короче, месяцев через девять выяснилось, что у нас поселилась кошка. А я то гордо сообщил Аксенову, что мы в честь его назвали кота! Пришлось Васю переименовать в Басю, и она, похоже, не заметила замены одной согласной буквы в ее имени. С годами, конечно, я привык к Басе, гладил ее, брал на колени, но она оставалась для

меня Алкиной и Машиной кошкой и ни в коем случае не вытесняла из памяти Котяру. Лишь один раз я восхитился ее отвагой, когда она на уровне восьмого этажа перепрыгнула из окна нашей спальни в кухню соседей. Представьте себе остоленение французов, когда, придя с работы, они обнаружили в своей кухне хвостатую пришелицу. Ну не ветром ж ее к ним занесло, не с крыши сдуло! Восьмиэтажный дом на бульваре, названном в честь наполеоновского маршала, поляка королевской крови, Понятовского, был построен в форме квадрата, с квадратным внутренним двором, и наша квартира с соседской соприкасалась под прямым углом. Согласно геометрии, мы не могли заглядывать в окна друг к другу, но Бася разрешила эту задачу по гипотенузе, и соседи быстро догадались, откуда последовала гостья. Они нам позвонили по телефону, я тут же явился с извинениями и коробкой конфет, а Басю посадил себе на плечо. Так мы познакомились с семейством журналиста из «Фигаро». Журналист-зануда про подвиги Баси в своей газете ничего не написал, но проказница, совершив еще один головокружительный прыжок через три десятилетия, попала на страницы российского литературоведения. В книге, подготовленной литературоведом Виктором Есиповым, «Василий Аксенов. Одинокий бегун на длинные дистанции» (издательство «Астрель», 2012 год), опубликовано мое письмо Аксенову, датированное 2 декабря 1981 года:

«Вася, Вася! Тебя, конечно, в первую очередь интересует Бася. Спешу сообщить, она, естественно, ужасно снялася и в платье белом, и в платье голубом! Теперь можно перейти к менее срочным новостям...»

Приезжая в Москву по своим литературным делам, я несколько раз помогал Виктору Есипову разбирать архивы Аксенова. Иногда в Париже я получал от него послания с просьбой объяснить, кто есть кто. В частности, по поводу этого письма Есипов спрашивал: «Что за женщина Бася? Надеюсь, это лицо выдуманное?» В моих комментариях я рассказываю, что Бася существовала реально, и хоть не женщина, но женского пола, и про наши с Аксеновым фривольные шуточки, и как у меня сорвался грандиозный план встретить прилет Аксенова в эмиграцию хором слависток, которые громко бы спели в парижском аэропорту: «Вася-Вася, я снялся в платье бело-голубом». Думаю, Аксенов был бы доволен.

Разумеется, юные француженки не подозревали, что в этой песенке, которой в Москве якобы приветствуют знатных гостей, есть еще две строчки, известные всем мальчишкам, побывавшим в пионерских лагерях, и... Хватит, я же поклялся, как Владимир Владимирович, да не тот, а Маяковский, что буду наступать на горло собственной песне и повествовать лишь о пушистых и хвостатых.

Впрочем, дальше ничего особенно интересного в биографии Баси не было. Когда мы с Машей переехали в парижский пригород Мэзон-Альфор, где купили квартиру, Бася последовала за нами, а Алка осталась в Париже. Правда, Алка отвезла Басю к ветеринару, чтоб тот ей сделал операцию. В Мэзон-Альфоре наша квартира была на втором этаже, окна выходили в роскошный парк, и мы боялись, что на страстный призыв местных хвостатых Ромео Бася прыгнет в парк и покалечится.

Значит, о здоровье Баси мы позаботились, а все остальное пустили на самотек. Каждый день мы с Машей уезжали в Париж, в наше бюро на avenue Rapp (думаю, что не случайно именно на avenue Rapp сейчас строится Российский религиозный центр, ведь в нашем бюро работали такие люди, как Александр Галич, Виктор Некрасов, Владимир Максимов, Андрей Синявский), а Бася чувствовала себя хозяйкой квартиры, привыкла к размеренному буржуазному образу жизни, без особых эмоций наблюдая то, что происходит за окном и на экране телевизора. Она довольно спокойно встретила появление Иры с восьмилетней Лизой, но я тут же снял для них квартиру в соседнем доме, однако, когда через пару лет Алка начала приезжать в гости сначала с маленькой Аней, а потом с маленьким Лелей, поведение Баси резко изменилось. Она стала агрессивной, особенно в отношении Лели: шипела, злобно мяукала, готова была броситься на него и царапать. Когда Алка с детьми возвращалась к себе домой, в престижный парижский район, где они снимали фатеру в башне на 14-м этаже, Бася — в знак протеста — гадила и на кроватях, и на диване. Мы обратились за консультацией к ветеринару, тот сказал, что, увы, конфликт весьма характерный и лекарства тут бесполезны. Бася считает себя хозяйкой, а не нас, и нам самим надо решать, что для нас важнее: кошка или внуки. Я провел с Басей душевную беседу, она внимательно выслушала — и продолжала свою агрессивную линию поведения. Алка заявила: «Я к вам Басю привезла, я ее и отвезу в специальный центр, куда сдают кошек и собак». Я вместе с Алкой поехал за тридевять земель в эту кошачью-собачью богадельню, подписал бумагу, где указывалось, что мне никогда не

вернут Басю, выписал дарственный чек в Фонд помощи бесхозным животным, а Бася, когда мы ее выпустили из сумки, сама резво побежала в глубь коридора, побежала, не оглядываясь...

► ► ►

В середине 1988 года Алка собирала грибы в окрестностях Фонтенбло с Пришельцем из космоса. Как он был заброшен на Землю — на летающей тарелке или на искусственном метеорите, — Алка мне никогда не рассказывала. Алка мне намекнула, что Пришельцем из космоса сразу заинтересовались французские власти, и не только французские. Но так как Пришелец из космоса шел на контакт только с теми, с кем он хотел, а с официальными властями не хотел и тут же растворялся в воздухе, то французы умоляли Алку не прекращать контакты с космическим Пришельцем, но в то же время настойчиво рекомендовали их не афишировать. Признаюсь только, что я, конечно, ощущал присутствие Космического Пришельца, но никогда в глаза его не видел. Про прогулку в окрестностях Фонтенбло я знаю лишь со слов Алки.

Итак, погода хорошая, лес абсолютно безлюден, но Алка понимает, что он просто оцеплен определенной службой и за Пришельцем из космоса наблюдают не только французы, но и астрономы в погонах из каких-то космических спецподразделений Америки, Китая, Советского Союза, Японии, Германии, Аргентины, Южной Африки, однако все искусно замаскировались, поэтому и кажется, что лес безлюден. Пришелец из Космоса хоть и был хорошо натренированным суперменом, но собирать грибы в лесу не привык, быстро устал и сел на пенек отдохнуть. Вдруг из лесной чащи

буквально вылетел котенок, без всяких «мяу» вскочил ему на колени, свернулся в клубок и заурчал. Пришелец из космоса застыл и не шевелился. Когда Алка подошла к пеньку, Пришелец из космоса заговорил:

— Меня учили, что на Земле бывают дрессированные собаки. Но дрессированных котят в природе не бывает. Это вам кажется, что котенок урчит, а я способен понимать его речь. Котенок горько жалуется, что его бросили, что он голоден и всего боится. И что он верит только мне, что я могу его спасти.

— Что же, — ответила Алка. — У меня, правда, не было планов сейчас заводить какую-либо живность, но этого котенка придется приютить.

Она посадила космического Пришельца вместе с котенком в свою машину, дома котенка помыли, накормили и назвали Фоней.

Летом 1990 года Алла сняла домик в лесном районе в центре Франции, рядом с большим парком и прудом. Дело в том, что у Алки появилась Аня, которой исполнился уже год, а нянчить ее она не могла: масса работы в Париже, — а посему Анька и Фоня были поручены нам с Машей. Естественно, меня тянет вспоминать, как мы с Анькой гуляли по лесным дорогам, но так как я катил ее коляску в хорошем темпе — она сразу засыпала. И раз она ничего не помнит, то кому мои рассказы интересны? А вот Фоней совсем не надо было заниматься. Он превратился в огромного кота-охотника, шастал по парку и по соседним зарослям, а когда Алка приезжала на уик-энд, притаскивал по утрам к порогу трофеи своей охоты: то полкролика, то полптицы, то сразу нескольких мышей. Это приводило в восторг приезжавших с Алкой гостей, а на мои слова, что, мол, это не очень отвечает правилам гигиены, никто не обращал внимания.

К сожалению, в русской литературе Фоня не упоминается, хоть имел в своей жизни массу светских знакомств. Ведь пообщаться с космическим Пришельцем стремились не только ученые и любопытствующие спецслужбы, но и киношники, художники, музыканты, известнейшие актеры, богатые меценаты и даже несколько коронованных особ. Сам... (не имею права называть фамилию) гладил Фоню и играл с ним в веревочку, сама... (не имею права называть имя) своими красивыми пальчиками накладывала в блюдечко Фоне еду. В Париже Фоня снисходительно принимал ласки и заигрывания с ним высокопоставленных гостей, а когда летом оказывался с Алкой и ее детьми на Корсике, то там занимался в основном тем, что свиреподрался с местным кошачьим бандформированием. Но что удивительно: Фоня, к которому на Корсике близко не рисковали подходить даже большие собаки, покорно и без звука позволял маленькому Леле складывать и растягивать себя. Маленький Леля просто не соображал, что это живое существо, а не мягкая игрушка. И Фоня великодушно все ему прощал.

В начале ноября 1994 года я улетел в Лос-Анджелес, а в конце месяца в Париже произошла космическая катастрофа. Не такая большая, чтоб о ней заговорили на первых полосах мировой прессы, но достаточная для того, чтобы в тех странах, у которых были свои интересы в космосе, ученые соответствующей отрасли и спецслужбы, прикрывающие эту отрасль, встрепенулись. Они мобилизовали своих корреспондентов, аккредитованных в Париже, кое-что им шепнули, и те стали рыскать по городу в поисках свидетелей. Каких только нелепиц не писали: о десанте с «летающих тарелок», о яростной стычке экипажей двух космических

кораблей с Марса и Юпитера в зале знаменитого парижского мюзик-холла «Сумасшедшая лошадь», ну и прочие несурезицы... противно перечислять. Профессиональнее всего сработали американцы. «Нью-Йорк таймс» на первой полосе сообщила, что в Париже несколько лет жил Пришелец из космоса, причем ни от кого не прятался, охотно ходил в гости к местной театральной и музыкальной элите, и что его пребывание в Париже не было тайной не только для французских спецслужб, но и спецслужб других стран, которых во Франции воз и маленькая тележка. Однако, продолжала газета, все они почему-то делали вид, что космического Пришельца в упор не видят. После «Нью-Йорк таймс» американская пресса начала бурно фантазировать на эту тему. В конце концов возобладало мнение, что космический Пришелец специально был заброшен из дальних миров, чтоб организовать на Земле глобальное потепление. Кстати, этой дурацкой гипотезой ловко воспользовалась парижская мэрия: чтобы воспрепятствовать этому потеплению, они все весьма многочисленные места на окраинах города для бесплатной стоянки машин моментально сделали платными и вдвое подняли цену за паркинг.

Что касается французских газет, то они на удивление лениво реагировали на загадочное происшествие в Париже: дескать, это очередная разборка между арабскими и израильской разведками, которые что-то не так нахимичили, и в результате что-то шарахнуло. Наверное; такую им дали команду сверху.

Панический звонок Маши застал меня в доме Аксеновых в Вашингтоне. Я тут же прилетел в Париж. Можете себе представить, какая там была обстановка, какие хлопоты, какая нервозность. В общем, в резуль-

тате этой всеобщей растерянности я как-то не заметил, что исчез Фоня.

Я долго не спрашивал, где Фоня и что с ним. Надеюсь, что он просто сбежал и зажил независимой жизнью. Ведь он такой сильный и самостоятельный. Впрочем, у меня была своя теория происшедшего, которой я не делился даже с Алкой. Я подозревал, что космический Пришелец мог взять с собой Фоню. Ведь Фоня тоже любил авантюры.

Про Алкиных кошек после Фони у меня как-то нет вдохновения рассказывать. Скорее дам что-то вроде служебных характеристик. Через год после космической катастрофы вся большая Алкина семья переехала в парижский пригород, в квартиру на первом этаже, с небольшим садиком. Но первый этаж и садик означают, что к вам в гости начинают приходиться полевки. А раз для этих шустрых гостей страшнее кошки зверя нет, то появилась Тиша, серебристо-серая красotka. При ней нашествие мышей прекратилось. Тиша вела себя скромно, не капризничала, и вообще было впечатление, что Алка взяла ее из Института благородных девиц. Все ахнули, когда она принесла пятерых черных котят. С кем она согрешила, до сих пор непонятно. В округе я не видел ни одного черного, я имею в виду кота. Ладно, проехали. Алка раздала четырех котят знакомым, оставив в доме черную кошечку Зою. Когда Зоя подросла, я сам наблюдал с веранды, как Тиша в саду учила ее ловить мышей.

Конечно, хочется поведать о строительных подвигах профессора философии, главы Алкиной семьи. Они с Алкой купили в том же пригороде развалюху, где, на

мой взгляд, всего-то симпатичного был сад. Однако профессор философии, в свободное от Канта и Гегеля время, возглавил бригаду ремонтников (не из философов), и они за короткий срок соорудили трехэтажный дом, похожий на картинку с праздничных конфетных коробок, куда потом (в дом, а не в коробки) все переселились. Увы, архитектура не наша тема, вернемся к пушистым и хвостатым. Новый нарядный дом нравился взрослым и детям, а вот в кошачьем семействе произошел разлад и раздор. Черная Зоя оказалась коварной интриганкой и стала выживать свою мамашу из дома. Красавица Тиша, бывшая всегда образцом приличия и хороших манер, не могла понять, почему ее дочь ведет себя как деревенское хамло и кухонная скандалистка. Пришлось кормить их из разных мисок, а Зоя вообще пыталась не пускать Тишу на порог. Дети еще были малы, чтобы разобраться в кошачьей ситуации, а внимание взрослых сосредоточилось на годовалой внучке, которую я катал в коляске по новым маршрутам.

Думаю, что у Тиши преобладало чувство жесточайшей обиды: «Ну почему она, натура хрупкая и ранимая, сделавшая столько хорошего для Алкиной семьи, должны терпеть наскоки и угрозы от этой неблагодарной твари? Ну не может она драться при людях со своей дочкой, она не так воспитана! Ну почему никто не замечает хамства и агрессии этой черной чертовки, почему никто ее, Тишу, не защищает?» Домоседка и скромница Тиша стала пропадать по вечерам, потом по ночам, по несколько дней не возвращалась домой, и кажется, никого это не заботило, а черная образина (черт бы побрал ее отца, бандита с большой дороги) наглела и зверела и бросалась на Тишу, как немецкая овчарка.

Да, такая деталь. Тишу после родов ветеринар прооперировал, а вот Зоя была свежачок, все соседские коты ею очень интересовались, и может, чтоб понравиться Зое, шипели вместе с ней на Тишу. Не знаю, не знаю. Но полагаю, что Тиша не ночевала под кустом. Скорее всего, серебристо-серую страдалицу, явно из состоятельной семьи, заметила какая-нибудь одинокая старушка с параллельной улицы, начала ее прикармливать, ласкать и переманила к себе. В конце концов Тиша предпочла новое местожительство, где к ней относились по-человечески.

Иногда дети замечали ее на своей улице. Тиша убегала. Профессор философии утверждал, что Тиша по каким-то признакам знает, когда они возвращаются с летних каникул, и приходит их встречать, но держится на расстоянии.

Через много лет, уже никого не боясь, Тиша вернулась домой. Пришла умирать. Утром ее трупик обнаружили в саду, в нескольких шагах от веранды.

Что можно сказать про Зою? Сволочь, склочница, ночью шляется по окрестным садам и огородам, днем отсыпается на чистых постелях детей (чуть было не добавил: «Не снимая сапог»). Но это Алкина кошка, и я вынужден быть к ней толерантным. Кроме того, когда вся Алкина семья отправляется на каникулы, я прихожу раз в два дня в их дом, насыпаю Зое кроки, кладу кусок паштета, меняю песок в большой коробке, наливаю воду в чашечки и т. д. Как правило, Зоины блюдца с едой пусты, как правило, сама она отсутствует, и я надеюсь, что все-таки это она все съела, а не соседский кот, с которым у нее был роман и который наверняка знает потайную форточку в доме, специально приоткрытую для Зоиних путешествий.

Мышей она принципиально не ловит. Однажды одна полевка нагло разгуливала по кухне. Дети зашумели, поднялись в спальни, нашли и разбудили Зою, притащили ее вниз и буквально ткнули носом в мышь. Зоя не шевельнулась. Мышь подождала-подождала и медленно поползла под диван. Леля надел перчатки, отодвинул диван, изловил мышь и отнес ее через улицу в кусты, на ничейную территорию. Зоя за этим наблюдала с явной скукой.

Впрочем, был день, когда я понял, что она неплохо соображает. В августе 2003 года на севере Франции случилась убийственная жара. В Париже за две недели умерло порядка десятка тысяч стариков. Злые языки потом говорили, что еще бы две недели такого пекла, и в Securite Sociale (организация, которая платит пенсии пенсионерам) был бы великий праздник. Еще бы, сразу бы исчез сорокалетний дефицит, который благодаря политкорректной политике... Стоп. О всех французских глупостях я уже написал в книге «Жулики, добро пожаловать в Париж».

...Занимаюсь, занимаюсь скрытой саморекламой, а надо заниматься Зоей.

Так вот, в разгар этого ужаса мы с Машей приехали в Алкин дом, надеясь, что найдем там немного прохлады. Насчет прохлады — фигу с маслом, а нашли мы Зою, которая окотилась. Черные слепые котятки ползали по полу. Алка предвидела это событие и приготовила большую картонную коробку с ватным одеялом. Я на глазах у Зои по очереди переложил котят в коробку, показывая непутевой мамаше, что котяткам лучше лежать на мягкой подстилке. Зоя следила за всеми моими действиями без звука и не двигаясь. Когда я отошел от коробки, она методично перетаскала

котят, одного за другим, в угол, на каменный пол. Я подумал-подумал и неожиданно решил, что, пожалуй, она права.

...Я немного отвлекся. Продолжим характеристику Зои. Сволочь, склочница... Кажется, я повторяюсь. Ладно, продолжим. Типичная дворовая шпана. И выглядит соответственно (Алка, прости!). Никаких кошачьих нежностей с домашними. «Мяу» — лишь для того, чтоб ей открыли дверь. Когда семья в полном составе приезжает с каникул, она, конечно, тут как тут, но не для того, чтобы выразить свои радостные эмоции, а для того, чтобы проскользнуть на кухню, к блюдцу с кроками и паштетом.

Правда, в одно лето Алкино семейство путешествовало два месяца. Дети то со взрослыми, то под Москвой, в так называемом пионерском лагере в Черноголовке. А в Алкином доме жил кто-то из москвичей. Они и кормили Зою. Т. е. оставляли ей еду. Иногда даже видели черную тень. Потом они уехали, и я, как обычно, наведывался через день. Кроки из блюдец исчезали регулярно, но у меня складывалось впечатление, что Зоя как сквозь землю провалилась. Когда наконец Алка нам позвонила, дескать, они все благополучно вернулись домой, я спросил:

— Где Зоя?

— Где Зоя? Сидит на столбе у ворот и вот уже час орет. По интонации думаю, что матерные слова...

Между прочим, сейчас я подсчитал, что Зоя в солидном возрасте. Во время недавнего, последнего переезда Алки из старого в новый дом у Зои были свои переживания и приключения, она даже прибавила в весе, т. е. стала похожа на домашнее животное. Обеспокоенная Алка повезла ее к ветеринару, и тот с удив-

лением констатировал, что Зоя в хорошей спортивной форме. Видимо, в процессе своих скитаний по окрестным зарослям и огородам Зоя нашла для себя, на зависть парижским модницам, полезную вегетарианскую диету (повторяю, мышцы ее не интересуют, впрочем, и модниц тоже). Ну раз так, то дай ей Бог долгих лет, на радость моей старшей дочери.

Во Франции, стране всяческих свобод, у моей младшей дочери, Лизы, были свободные отношения с бойфрендом Жюльеном. Учились они в разных школах, но в параллельных классах. Лиза получила бакалавриат, Жюльен экзамены завалил. Лиза поступила в университет и закончила самый престижный юридический факультете Сорбонны, «Ассас». Папа Жюльена устроил его в коммерческую школу за большие деньги. Лиза со своим престижным дипломом работу по специальности не нашла: в свободной Франции юристов оказалось как собак нерезаных. Жюльена сразу взял в свое бюро бывший компаньон его отца. В свободной Франции среди предпринимателей эта система налажена: ты берешь моего сына, а я — твою племянницу. Впрочем, я про них, деловых людей, ничего плохого не могу сказать. Однажды родители Жюльена пригласили нас с Ирой на рождественский праздник. Они нам очень понравились. И папа, и мама (мама книги читает, что очень редко в свободной Франции), и сестра, и бабушки, и две тети. А еще нам понравились два дома, цветочная парниковая плантация, три кота, четыре собаки, пять лошадей и две косули, которые живут в части леса, принадлежащей семье Жюльена. В общем, солидная территория и всего в 50 км от Парижа.

Ужас! Верно говорят, что старость не радость. Понесло меня, готов был рассказать про дикого кабана, который приходит к ним в гости, а ведь мы условились — только про пушистых и хвостатых. Кабаны вроде бы с хвостиком, но в категорию пушистых не попадают.

Сейчас подойдем к пушистому, он близко, рукой подать. Итак, хроника событий. Когда Лиза нашла работу, они с Жюльеном стали жить вместе. Папа купил Жюльену квартиру в парижском пригороде. Благодать! Парень из хорошей семьи, и материальное будущее обеспечено! Однако надо знать Лизу. Вечером после работы Жюльен приезжал домой, садился за обеденный стол и включал телевизор. Лиза после работы готовила ужин и кормила Жюльена. А Жюльен смотрел телевизор. Так он привык проводить вечера, пока жил с папой, мамой, сестрой, бабушками, тетями, лошадьми, собаками, косяками, и даже лесной кабан его не тревожил. А Лизе чего волноваться? Завидный жених, квартира, материальное будущее обеспечено. Однако надо знать Лизу. Она представляла себе семейную жизнь несколько другой. Короче, перед тем как съехать от Жюльена, она сказала:

— Жюльен, ты мне обещал одну вещь.

— Какую? — насторожился Жюльен, видимо ожидая, что в свободной Франции женщины в подобных ситуациях требуют некоторую (круглую) сумму денег.

— Ты обещал, — сказала Лиза, — что подаришь мне котенка от той рыжей кошки, которая так мне понравилась.

И Жюльен, надо отдать ему должное, свое слово сдержал. Так у Лизы и Иры появился Тигрушка.

Портрет (чтоб обойтись без сюсюканий). Если смотреть на Тигрушку сверху, настоящий царь бенгальских

джунглей. Если смотреть снизу, неприличное для грозы джунглей белоснежное брюшко, такой же расцветки лапы и нижняя часть мордочки. Вот это некоторое несоответствие должно было насторожить Иру и Лизу. Но Жюльен сказал, что это кот, и они ему поверили (как в свое время мы поверили Никите Струве, что Бася — кот Бася). Через год, как вы догадываетесь, их любимец оказался кошкой. Однако, устроив военный совет, Ира и Лиза постановили: Тигрушка навечно будет котом, он так воспитан, а то, что это не совсем соответствует природе, интеллигентные глупости. Ведь Тигрушка никуда из квартиры не выходит, с кошачьим племенем не общается, значит, и к ветеринару ему не надо.

Мои вздохи, дескать, напрасно надеетесь, что Тигрушка будет вашим защитником от злых волков, собак, квартирных воров и прочей парижской нечисти, ведь он боится выйти даже на лестничную площадку, Лиза и Ира гордо проигнорировали. Но тут появился классик российской литературы Андрей Битов.

...Соблазны, соблазны, соблазны. В данном случае, не страсти-мордасти, а соблазнительное желание хоть в нескольких абзацах удалиться от нашей магистральной темы. Увы, человек слаб.

Значит, так, первая официальная встреча между советскими литераторами и писателями-диссидентами, уехавшими в эмиграцию, состоялась в феврале 1988 года в Дании, в культурном центре «Луизиана» под Копенгагеном. Называлась она маскировочно-нейтрально: «Международная университетская конференция славистов по проблемам русской культуры». Ваш покорный слуга там присутствовал, выступал, а когда все шли на коктейль, диктовал по телефону корреспонденции для «Свободы».

Резонанс от этой конференции был такой, что город Страсбург, отмечающий осенью того же года свое тысячелетие (1000 лет!) серией культурных мероприятий, решил включить в эти торжества встречу советских и эмигрантских писателей, причем завершающим этапом будет диспут литераторов перед публикой, и не где-нибудь, а в большом зале Европарламента (замечу в скобках, что надо вешать прозаиков, которые пишут такие длинные фразы). Страсбургский университет с энтузиазмом поддержал идею, однако на факультете славистики сообразили, что лучше бы для порядка найти человека, который смог бы составить список приглашенных с обеих сторон. Далее, серия случайностей, кто-то что-то вспомнил, и вот в мой парижский кабинет на 20, avenue Rapp явилась делегация из Страсбурга. Мол, город оплачивает все расходы, желательно пригласить известных литераторов, но таких, чтоб они не передрались сразу между собой, а смогли вести интеллигентную дискуссию, достойную парламентских стен. Из советских я написал фамилии тех, кто был в «Луизиане» (но не всех!), и прибавил: Андрей Вознесенский (большой опыт выступления в Европе и Америке), Андрей Битов, Григорий Горин, Анатолий Приставкин, Людмила Петрушевская. Набросал и список эмигрантов, тут было проще, особого выбора не было. С обеих сторон не все из тех, кто выступал в «Луизиане», смогли приехать (в частности, Аксенов). Я предложил Андрею Донатовичу Синявскому возглавить нашу делегацию, но он сказал: «Нет. Вот ты и команду». В последний момент Максимов и Горбаневская отказались (Володя Максимов вообще считал, что обе встречи, и в Копенгагене и в Страсбурге, организованы КГБ), а у меня на руках два билета на самолет,

купленные за казенный счет. Не пропадать же добру! Я взял с собой Иру и Лизу (Маша и Алла уехали первый раз после эмиграции в Москву).

Наплел я массу подробностей. А к чему? К тому, что на заключительном вечере в конференц-зале Европейского парламента Битов и Ира сидели рядышком на эстраде в президиуме. Оказывается, Битов и Ира хорошо знали друг друга еще по Москве. Через год в Мэзон-Альфоре Ира устроила на своей квартире прием в честь Битова. Пока женщины возились на кухне и накрывали на стол, я под шумок затолкал Битова в комнату Лизы, включил магнитофон и сделал с ним длинное интервью для «Немецкой волны».

Проходит некое количество лет. Ира и Лиза живут уже в пятнадцатом районе Парижа, в муниципальной квартире, которую мне удалось для них выбить через тов. Жака Ширака.

Слышу возмущенные голоса: мы когда-нибудь вернемся к Тигрушке? А мы уже вернулись, Тигрушка живет с ними, в пятнадцатом, так что продолжение следует. А продолжение такое. В Париж приезжает Битов, пытается разыскать Иру, но Ира в Москве, а он находит только Лизу. Он приглашает Лизу в знаменитый парижский ресторан, где вечером Пен-клуб устраивает банкет, и Битов, как председатель российского Пен-клуба, обязан там присутствовать. После пышного банкета с литературными речами Битов ворчит: «Мне давно надоели наши писатели, а иностранные тем более. Столько глупостей наслушался на конгрессах Пен-клуба! Ты можешь меня тихо увести из гостиницы и где-нибудь спрятать?» Лиза отвечает: «В вашем распоряжении мамина комната». Лиза посадила Битова в свою машину, заскочили в гостиницу за его чемоданом, и Битов посе-

лился в Ириной комнате, т. е. исчез с литературного горизонта. Три дня Битов жил у Лизы. Днем Лиза на работе, а Битов блаженствует, рассказывает в пижаме по квартире, пьет вино, в восторге от Ириной домашней библиотеки, и в гробу он видал парижские красоты. Лиза пытается кормить его ужином, но Битов категоричен: «Ты не мама, готовить не умеешь, я сам себе что-нибудь сварганю». Из Москвы Ира по телефону дает указания: «Следи лишь за тем, чтоб у него были вино и лимоны». А Лиза с удивлением замечает, что Тигрушка, который обычно был суров к гостям мужского пола, так вот, на этот раз Тигрушка от Битова не отходит, сидит у него на коленях и спит с Битовым на Ириной постели.

Лиза привыкла, что, когда она возвращается с работы, Тигрушка встречает ее у двери и даже иногда царапает за столь долгое отсутствие. В эти три дня ничего подобного не происходит. Тигрушка просто не смотрит в ее сторону.

На четвертый день Битову пора улетать в Москву. Лиза на работе. Битов пакует чемодан, а там Тигрушка, который орет и решительно отказывается вылезать из чемодана. Потом все это Битов рассказал Лизе уже из Москвы по телефону, а в тот день, когда Лиза вернулась домой, она нашла на столе записку:

Да, не легко мне было расставаться:
Мяукал чемодан — пришлось распаковаться.
За что любовь твою, Тигруша, я снискал?
Когда б меня еще кто так не отпускал...
(Подражание Ломоносову)
5.9.6. А. Б.

И еще несколько дней Тигрушка вдруг начинал орать и кидаться всем телом на входную дверь, которая, между прочим, цельнометаллическая...

Записку Битова Лиза хранит. Вот так Тигрушка вошел в литературу. Далеко не каждой кошачьей личности посвящает стихи классик русской словесности. Более того, удостоился он внимания Ирины Барметовой, самой элегантной главной редакторши русских журналов... Стоп! Миша Генделев в аксеновском номере «Октября» сплел Ирине Барметовой такие кружева, что после этого я не решаюсь соваться суконным рылом в калашный ряд.

Итак, Ирина Барметова собирала материалы к юбилею Василия Аксенова. Мы с ней обсуждали какие-то детали публикаций. И вдруг ко мне вопрос:

— А как вы относитесь к Андрею Битову?

— У меня к нему сложное отношение.

Ирина Барметова привыкла к литературным склокам и интригам, поэтому лицо ее не дрогнуло, лишь голос посерьезнел:

— Могли бы вы рассказать — почему?

Я выложил все как на духу. Разумеется, Андрей Битов — прекрасный прозаик, но когда он жил в гостях у моей младшей дочери, то вскружил голову ее любимому коту, Тигрушке, который не совсем кот, точнее, юная кошечка. Словом, обольстил, а потом смотался в Москву. У Тигрушки драма неразделенной первой любви. Самоубийственные броски на входную дверь. Лиза была в ужасе. А мне что делать, не вызывать же Битова на дуэль?

Барметова молчала секунд десять, потом, не меняя тона, спросила:

— И что теперь с Тигрушкой?

— После того как Лиза с мамой возили его к ветеринару, успокоился.

— Тогда вернемся к Аксенову.

Сегодня 7 января 2015 года. В России празднуют Рождество. Утром в Париже два террориста в черной одежде расстреляли в упор редакцию сатирического еженедельника, который осмелился опубликовать карикатуру на пророка Магомета. Естественно, французское телевидение и радио без перерыва говорят только про это. Первый час политкорректные французские журналисты повторяли, что никто не знает, откуда взялись эти террористы, с АК и гранатометами. Сбежали из сумасшедшего дома? В так называемых молодежных редакциях телевидения, 15-й и 16-й, высказывались более рискованные предположения. Может, это люди из ультраправого Национального фронта? А одна горячая голова бросила реплику — сам слышал: «А вдруг это русские?» Правда, более опытные и осторожные коллеги сдерживали пыл энтузиастов политкорректности: дескать, надо подождать официальной информации из Управления полиции. Наконец официальная информация пришла. Увы и ах! К величайшему сожалению прогрессивной французской общественности, редакцию «Шарля эбдо» расстреляли не ультраправые и даже — как обидно! — не русские. Убили журналистов наши любимые арабы, причем не из Аравийской пустыни, а родившиеся и выросшие во Франции. Ай-яй-яй! Как же так? Ведь это противоречит всем нашим теориям!

Писать про Тигрушку сегодня у меня не получится. Хочу лишь заметить, что ни один кот ни разу не совершал террористического акта и в политкорректности не замешан.

С ними жить проще и спокойнее, чем с людьми.

Трудовые будни Тигрушки. Просыпался раньше всех, проверял на кухне, полны ли его блюдца, но к еде не притрагивался. Если Лиза не реагировала на включившуюся, как будильник, тихую музыку, вскакивал к ней на кровать и орал, чаще всего не попадая в такт мелодии. Когда Лиза в спешке пила чай, Тигрушка позволял себе пару кроков. Лиза убегала на работу, а Тигрушка шел в комнату Иры. Закрытых дверей в квартире для него не существовало. Он знал, что Иру нельзя будить, что Ира будет спать долго, поэтому ложился рядом с ней на одеяло, иногда под одеяло, а иногда (по словам Иры, явно из хулиганских соображений) наваливался на нее. Ира просыпалась, сбрасывала его, опять засыпала (если удавалось). Тигрушка пробирался одному ему известными тайными тропами (то есть по книжным полкам) к раскрытому окну, прыгал на раму и следил оттуда за полетом голубей. Следил через верхние стекла, т. к. открытое пространство всех окон было загорожено мелкой решеткой. Когда ему надоедало, он мягко спрыгивал на кровать, а если считал, что Ира слишком заспалась, то спрыгивал на нее с вытянутыми лапами. «Сволочь, вредина, — комментировала Ира, — как будто он не видел, что я заснула в четыре утра». Ира, приняв штук пять таблеток, вставала и сначала поила Тигрушку в ванной из крана, а уж потом занималась своими делами. На кухне Ира готовила себе легкий завтрак, Тигрушка ел кроки и паштет, а затем, устав от трудов праведных, куда-то прятался — в шкафы с бельем и одеждой или на верх книжных полок, в пустые коробки из-под обуви. Попробуй его найди! Если Ира возилась в Лизиной комнате, то порой из этих коробок показывались Тигрушкины уши. Чем он там

занимался? Может, спал, а может, утаскивал туда томик Плутарха и по нему изучал войны Александра Македонского. Если Ира наконец была готова к походу с продуктовой тележкой по ближайшим магазинам, то она громко говорила: «Тигрушка, не скучай, я скоро вернусь». Он тут же откуда-то выскакивал и провожал ее тревожными глазами: мол, не обманешь? Вернувшись с улицы, Ира колдовала на кухне.

...Понимаю, что похоже на нудные страницы советского производственного романа. А мы про что? Про трудовые будни, так что терпите.

Когда на плите, на медленном огне, урчали кастрюльки, Ира шла в свою комнату отдохнуть, и к ней на постель прыгал Тигрушка. Иногда лежал тихо, иногда мелко шкочил, и Ира призывала к его совести. Вдруг в какой-то момент стремглав бежал в переднюю и усаживался возле двери. Минут через пять поворачивался ключ, и входила Лиза. Если Лиза и Ира ужинали в большой Лизиной комнате, он сидел рядом на стуле, но со стола ничего не тащил. Если ему давали на блюде кусочек какой-нибудь вкусности, он для приличия ее облизывал, однако предпочитал свои кроки и паштеты, ждавшие его на кухне. Разумеется, лучший повар Франции, Ги Савуа, повесился бы с горя от такого клиента, но Ги Савуа к ним не приглашали.

Ира и Лиза укладывались спать в разное время. Тигрушка бегал из комнаты в комнату, проверял, ложился то к одной, то к другой, а потом, когда всюду гас свет, куда-то исчезал. Или занимал стратегически важный пост на своем коврикe в совмещенном санузле.

Так шли хорошие Тигрушкины годы. Разумеется, бывали краткие периоды тоски и горя, когда Лиза и Ира одновременно уезжали (как правило, в разных направ-

лениях). А в квартире поселялся кто-то из знакомых, кто кормил и ухаживал за Тигрушкой. Тигрушка общался с ними вежливо, но держал дистанцию. Когда речь шла всего о двух-трех днях и некого было найти, я приезжал к Тигрушке на несколько часов, играл с ним, он гонялся за веревочкой, за шариком, позволял себя гладить, когда я поил его водой из-под крана, и мы с ним пели песню на мотив «Каховки» Михаила Светлова:

Тигрушка, Тигрушка, совсем не игрушка,

И вся наша жизнь три-та-та.

Мы вместе с Тигрушкой, схватив погремушку,

Поймали большого кота.

Как ни странно, несмотря на чудовищный текст (впрочем, я никогда в стихотворцы не стремился), песня Тигрушке нравилась. Заслышав ее, он сразу вылезал из своих тайных укрытий, а раз Тигрушке нравилась, то Ира вынуждена была ее терпеть. Лишь однажды иронично заметила: «Предположим, вы поймали большого кота. И что бы вы с ним делали?»

Конечно, Тигрушка радовался, когда Ира наконец появлялась дома, но настоящим праздником для него было возвращение Лизы. Он буквально сходил с ума, носился по квартире, прыгал чуть ли не до потолка, совершая очень сложные пируэты на зависть прославленным чемпионам по фигурному катанию, но через пару дней коварно нападал сзади на Лизу и безжалостно царапал ей ногу, как бы в наказание за свои страдания. Лиза вздыхала: «Мой кот, имеет право». С ней никто не спорил.

Разумеется, брать его в путешествия и не пробова-ли. Он с предельной осторожностью высовывал нос за порог, когда была открыта входная дверь, а в машине, когда его возили к ветеринару, орал как зарезанный.

Тому, что Лиза стала для Тигрушки главной, светом в окошке, божеством, которое он любил, ревновал и от обиды, что она с ним мало проводит времени, царапал, способствовало еще то, что Ира исчезала подолгу из дома. Более того, он даже не догадывался, что она, как бывает с женщинами, начала ему потихоньку изменять.

Но тут в какой-то степени была моя вина. И я опять вынужден повернуть повествование на литературные темы.

Весной 2007 года мне в панике из Биаррица позвонил Аксенов:

— Толька, выручай! Мне срочно надо в Москву по издательским делам, Майя больна, я не могу ее взять с собой и не могу оставить в пустом доме. Пришли кого-нибудь, кто бы сидел с Майей в мое отсутствие.

Поясняю. Майя Афанасьевна — жена Аксенова. То, что он не может оставить ее одну, мне понятно. Аналогичный вариант у меня с Машей. Мы часто обсуждали с Васей его ситуацию. Да, ему пора найти для Майи компаньонку, ибо все обещания Алены (ее дочери, живущей под Вашингтоном) прилететь в Биарриц оказываются пустым звуком. Однако сейчас читать Васе мораль — дескать, раньше надо было думать — глупо. Я чувствую, он очень нервничает, буквально лезет на стенку. Я ответил: «Васенька, успокойся, постараюсь к завтрашнему дню что-нибудь придумать».

А о чем думать? У меня же не бюро добрых услуг. И я поехал к Ире. Долго уговаривать ее не пришлось. Аксенов — старый друг всей моей большой семьи, а с Майей у Иры еще в Москве были свои отношения. Смущало Иру только собственное здоровье: «Ведь я начинаю функционировать лишь к двум часам дня». На что я заметил:

— Ты не из тех баб, кто не умеет за себя постоять.

На следующий день я посадил Иру в скоростной французский поезд TGV Париж — Биарриц, Вася был в восторге, а Майя встретила Иру как лучшую подругу.

Вася обещал вернуться из Москвы через три недели, а вернулся через шесть. Видимо, что-то он почувствовал не то, друзья всполошились, в подмосковном бывшем правительственном санатории «Барвиха» ему поставили в сердце «стенд», и сразу как бы все наладилось. Это был первый звонок...

Тем временем в Биаррице дамы жили душа в душу. Правда, однажды Ира сказала: «Майя, ты нарушаешь конвенцию. Если еще раз ты меня перехватишь утром, когда я, ничего не соображая, иду в ванную, я вынуждена буду уехать в Париж». Майя Афанасьевна поклялась, что больше никогда ничего подобного. И они вместе гуляли, сидели в кафе, стряпали, соревнуясь, кто лучше, и вели долгие женские беседы до двух-трех часов ночи.

А я, старый дурак, так и не сообразил, что Василий Павлович темнит и с такой страстью и отчаянием не рвутся в Москву по литературным делам. Катю впервые я увидел через несколько месяцев на вокзале в Москве, когда все московские участники аксеновского фестиваля в Казани садились в спальный вагон. Слава богу, что Вася дожид до своего праздника. И спасибо товарищам казанцам! В Москве такого торжества Аксенов фиг бы дождался. О казанском фестивале много рассказывали в газетах, по радио и телевидению, сняли даже кино, и при свете юпитеров, под все фиксирующими кино- и телекамерами, Василий Павлович крепко держал Катю за руку.

Пятнадцатого января 2008 года, в час дня, он поехал из дома на Котельнической набережной к Кате. Ка-

тя ждала его на перекрестке, у них были общие дела в городе. Не дождавшись, она побежала вверх по улице, по которой всегда приезжал к ней Аксенов, и увидела приткнувшийся к тротуару его «Ситроэн-4», дверца открыта, Аксенов лежит на сиденье без сознания. Именно она вызвала «скорую помощь» и поехала с Васей в Яузскую больницу. Там она металась по кабинетам и умоляла врачей что-то сделать, но в хорошей Яузской больнице врачи ничего не делали. И не потому, что злодеи, а потому, что не понимали, что с Аксеновым. Мешала эта хреновина, которую установили в Барвихе. В богатейшем городе мира только в двух институтах — Склифосовского и Бурденко — имелись аппараты, которые могли поставить точный диагноз. В конце концов, к полуночи, Аксенова привезли в Склиф, и там сразу увидели огромный тромб в сонной артерии. Операция прошла успешно, однако в течение двенадцати часов в мозг не поступала кровь. Для тех, кто хоть немного разбирается в медицине... Но все это было уже без Кати. В Яузской больнице, часов в семь вечера, к ней подошел Алеша Аксенов и сказал: «Катя, минут через пятнадцать сюда приедет Майя Афанасьевна». И Катя поняла, что ее время прошло, ей пора исчезнуть.

Вася, Вася, Васенька! Не мне говорить, какое ты место занимал в светлой плеяде молодых гениев нашей литературы шестидесятых, но такой фантастической работоспособности, пожалуй, ни у кого из них не было. Сейчас о тебе написаны тома, появилась новая специальность — аксеноведы, однако мне трудно подсчитать, чего больше — книг о тебе или твоих книг, а ты, как стахановец, выдавал на-гора по книге в год. И слава тебя не слепила, ты никогда не вставал в гор-

дую позу писателя-профессионала: дескать, я занимаюсь высокой словесностью, а со всеми бытовыми глупостями ко мне не лезьте. Ты понял, что успех не всегда приносит деньги, а около тебя близкие люди — Кира, Алеша, мама, папа, Майя, Алена, Ванечка, — и есть другие, которым ты просто обязан помогать. А потому ты вкалывал, как чернорабочий. В СССР писал киносценарии, пьесы, статьи, рецензии, а в Штатах держался обеими руками за две радиостанции, «Голос Америки» и «Свободу». И главное, двадцать лет подряд преподавал в американских университетах, читал лекции и вел семинары на английской и русской фене, в конце концов получил научную степень старшего профессора, а таких в Америке на пенсию не увольняют, таким позволено преподавать до конца своих дней. Теперь о тебе как об американском профессоре никто не вспоминает, а, между прочим, у тебя и в этой области был поклонник. Последний раз, когда я жил в твоём американском доме в Вашингтоне, я увидел на стене большую фотографию: ты на своём университетском семинаре, окружённый группой студентов, а рядом с тобой — улыбающийся президент Соединённых Штатов, Рональд Рейган. Помнится, я оторопел и спросил тебя: «Это что, смонтировано?» Ты усмехнулся и сказал: «Конечно монтаж». Позже я понял, что ты на меня обиделся, но виду не показал. И я понял, почему ты обиделся: я тебе не поверил! Разумеется, не к каждому профессору вашингтонского университета Джорджтаун захаживал в гости президент Соединённых Штатов, играла роль ещё и политика, да не об этом речь. Ты всю жизнь щедро, без оглядки тратил свои силы. И после казанского фестиваля у тебя были четкие планы лет на двадцать вперед. Продать дом в Биаррице,

купить там квартиру для Майи, с Майей не разводиться, а самому с Катей снять дачу в Подмоскowie и, конечно, работать, работать, издавать новые книги, пробить, наконец, в кино свой сценарий по роману «Остров Крым» и, естественно, как обычно, финансово содержать всех своих близких. Ты не захотел услышать предупреждающего звонка и продолжал писать, выступать в прессе, бегать, заниматься йогой.

Можно сказать, что по-настоящему тебя оценил только Господь Бог и милостиво дал тебе легкую смерть. Но тут твоя известность, твоя литературная слава сослужили плохую службу. Не знаю, на каком высоком уровне (но не на Небесном) было принято решение обязательно вытащить тебя из комы, и тут не скупилась, исправно оплачивали твое содержание (кто? даже Алеша Аксенов не знает) в палате для избранных в Склифе и в Бурденко и врачей, которые полтора года мучили твое брeнное тело.

Что касается Алеши, Майи и Алены... Увы, человек слаб и невольно мечтает о чуде в самых безнадежных ситуациях. Я, например, не уверен, что бы я тогда ответил, если бы меня спросили: продолжать попытки вернуть Аксенова из небытия или отпустить его с миром на вечный покой?

Ладно, постараюсь в своей новой книге («Вторая попытка мемуаров») рассказать обо всем этом более спокойно и обстоятельно. Итак, зима — весна 2008 года. В Москве рутина. Каждый день Алеша Аксенов приезжает в Склиф, потом это был Институт Бурденко. Каждый день (но в другие часы и неофициально) туда же приходит Катя. Майя приезжает, когда ей позволяет здоровье. В Москве готовится издание «Таинственной страсти», и изредка газеты публикуют информацию из госпиталя.

А кто занимается делами Аксенова в Биаррице? Ведь дом поставлен на продажу, и покупатель, очень заинтересованный сосед, нетерпеливо топчется у порога. Делами в Биаррице занимается Алена, ибо только у нее на руках все аксеновские доверенности. После 15 января Алена моментально примчалась в Москву, ежедневно сидела в Склифе у постели, она ведь не только почитала Аксенова, она была ему бесконечно предана, плюс, когда надо, бешеная энергия. Недаром в Америке Василий Павлович поручал ей свои административные хлопоты. Словом, у Алены масса достоинств, прекрасный английский, но по-французски она «ни ну, ни тпру, ни кукареку». Поэтому по дороге в Биарриц Алена сначала прилетела в Париж, ночевала у Иры, и потом они уже вместе сели в скоростной поезд на Монпарнасском вокзале. То есть Ира опять надолго застревает в Биаррице. Конечно, физическая помощь — складывание и сортировка книг, разбор вещей и вообще подготовка дома на продажу — от Иры нулевая. Зато все переговоры с нотариусом, с банком, с налоговой инспекцией и прочей бюрократией Алена вела только через Иру. И соблюдала конвенцию. Дальше тайны девичьи я не разглашаю.

В конце августа была назначена официальная подпись у нотариуса, т. е. дом продавался, а в начале августа Алена решила слетать на недельку в Москву — проведать маму, посетить Институт Бурденко. В Москве — трагическая смерть Алены. Майя впадает в полную прострацию. Ира продолжает сидеть в Биаррице, ибо все с домом застопорилось, права подписи нет ни у Майи, ни у Алеши. Ира смогла договориться с нотариусом и с покупателем-соседом, чтоб те ждали. И она ждет — страшно бросать дом без хозяина. И вот тут тайны девичьи я вынужден нарушить. Ждет Ира не одна, а с

тремя... котятами. Видимо, еще Вася и Майя подкармливали пришлую кошку, уже при Алене она привела трех котят. Алена и Ира — обе кошатницы — выставляли для них в саду еду, но в дом не пускали. К сентябрю котята подросли и, пользуясь тем, что Ира одна, при первой возможности врываются с дом и прятались под кроватями. Повторяю, дом чужой, поэтому Ира выгуривала котят в сад, но утром она видела в нижнем окне три кошачьи мордочки. Стоя на задних лапах, они наблюдали, проснулась Ира или нет. Из всех трех выделялся симпатичный, с хорошими манерами товарищ, которого они с Аленой прозвали Клочок. Осенью Ира вернулась в Париж в смятенных чувствах. Котята, конечно, привыкли к улице, но смогут ли они, особенно ее любимец Клочок, пережить зиму? Весной Алеша попросил Иру опять поехать в Биарриц. Ликующим голосом она мне сообщила по телефону, что Клочок приходит в аксеновский сад, но уже с младшими братьями. Он возмужал и, как истинный джентльмен, сначала подталкивает к блюдцам с кроками маленьких и, лишь когда они отвалят, начинает есть сам. Я слушал несколько дней дифирамбы в адрес Клочка, а потом сказал: дескать, разумеется, женщинам свойственны увлечения, однако существует Тигрушка и надо знать меру, иначе я вынужден буду рассказать Тигрушке про Клочка. Ира ответила: «Я всегда подозревала, что ты способен на нехорошие поступки». И отключила телефон.

Шестого июля 2009 года Василий Павлович оказался на полпути к Луне, а через пару дней московской милиции пришлось перекрыть движение по Большой Никитской. Никто не ожидал, что в наше время ничего не помнящих телевизионных идиотов столько народу будет рваться в ЦДЛ — проститься с любимым писателем.

А мы простимся с Биаррицем и вернемся к Тигрушке. Точнее, к Тигрушке в Париж вернулась Ира. И не потому, что у Алеши поменялись планы и он, договорившись с Майей Афанасьевной, решил взять дом себе и попросил Аллу как адвоката заняться этим делом, делом по французской юрисдикции весьма сложным. Ведь дом на последней стадии оформления продажи и... Но не будем вдаваться в нотариально-законотворческие тонкости, они Иру не касались. У нее была другая проблема, простая и непреодолимая. Она все хуже ходила, и настал момент, когда дорогу, которая поднималась от аксеновского дома к ближайшей продуктовой лавке, она пройти не могла: сердце не выдерживало. За Ирой приехала Лиза и отвезла ее прямо в Тигрушкины объятия. Думаю, что отношения они не выясняли, Тигрушка инстинктивно догадался: отныне без всякой юридической казуистики Ира — его собственность, никуда от него не денется.

И впрямь, пошли для Тигрушки счастливые дни. Конечно, он любит Лизу. Но Лиза уходит рано, приходит поздно, да еще уезжает в командировки. А Ира здесь, под боком, ну встанет, приготовит еду, иногда спустится в ближайший магазин или в аптеку, а так основное время в постели — читает книги или говорит по телефону. Для домашнего кота лучшей клиентки не найти. Можно с ней рядом полежать, поспать, погреться, заставить в неурочный час себя покормить или дать воды из-под крана, поиграть, обидеться, спрятаться, а когда она начинает волноваться: дескать, куда он подевался? — неожиданно выскочить, да еще слегка царапнуть, или спикировать с высоты на одеяло, как ангел небесный или (в зависимости от настроения) как подбитый бомбардировщик. Благодаря под-

слушанным разговорам, Тигрушка знал, что происходит в семье, у Ириных подруг и в большом мире, который гудит, грохочет, скрежещет внизу под окном и кричит неприятными голосами по телевизору. Но Тигрушке эти незнакомые миры и мелькающие рожи в телевизоре не грозят, в своей квартире, в своей крепости он хозяин, сюда точно исламистские террористы не придут, здесь все зависит от него, как он мяукнет, пискнет, заурчит, и на самом деле не он скачет около Иры, а Ира — около Тигрушки. Словом, барское существование, маленький французский Обломов. Учитывая Тигрушкин повышенный интерес к книжным полкам, он наверняка ознакомился с содержанием романа Гончарова и, может, брал пример с русского ленивого помещика. Однако вечером, в какой-то момент, Тигрушкино поведение резко менялось, он стремглав несся в прихожую и усаживался у двери. Минут через пять скрипел ключ и входила Лиза.

Увы, ничто не вечно. Тигрушка не учил этой истине в школе, но думаю — догадывался. Все чаще в телефонных разговорах Иры мелькало новое слово, Виллер, Villers-sur-mer. Пару раз из Москвы приезжал Сережа, и тогда Ира переселялась на кухонный диванчик, ибо по своим габаритам Сережа мог спать только в ее комнате. Тигрушку стали посещать странные видения из другой кошачьей жизни. Ему снился худенький веснушчатый мальчик, в панике удирающий от разъяренного кота дворовой породы. Неужели таким был Сережа? Куда исчез этот кот? Ладно, видения, сны — махнул хвостом, и они пропадали, но Villers как-то был связан с Сережей. Что-то он в Москве продал, что-то он купил в Villers-sur-mer, и это что-то требовало ремонта. Тигрушка наострил уши. Он понял из разговоров

за столом, что Сережа и Лиза ездили в Villers. Вдруг совершенно неожиданно уехала Ира. И не в Биарриц, в этот чертов Виллер. В конце концов Сережа улетел в Москву, а Ира вернулась в Париж, на свою постель, в Тигрушкины объятия. Однако при слове «Виллер» Тигрушка почему-то нервно вздрагивал.

Ира позвонила мне в Villers. Почему я в Виллере? А без объяснений нельзя? Ну, постараюсь коротко. Villers на берегу Ла-Манша. В Villers летом прохладнее, чем в Париже. Каждый год на какой-то летний месяц Алка снимает квартиру в современной резиденции, с бассейном и лоджиями, на холмах Villers. Мы с Машей там от звонка до звонка, а Алка присылает нам по очереди детей или приезжает всей семьей. Когда никого нет, я умудряюсь даже что-то писать. Villers не Deauville, московские знаменитости сюда не доезжают, хотя в нашей лоджии, с роскошным видом на море, сидели Вероника Долина, Виталий Дымарский... Стоп, затыкаю себе рот. Естественно, я был в курсе, что племянник Иры, Сережа, продал жилплощадь в Москве и с помощью Аллы купил квартиру в Villers, в которой Ира, тоже равнодушная к Villers, будет проводить лето. М-да. Наболтал. Вспоминается плакат военных времен: «Болтун — находка для шпиона!» Что-то было в советской власти разумное...

Итак, звонит Ира:

— Завтра Лиза привозит меня в Виллер. Но не одну. Поэтому встречай нас на всякий случай. Мы позвоним с дороги.

— А кто с тобой? Таня, Райка или Ленусик из Москвы?

— Тигрушка!

— Как?

— Лиза взяла отпуск на неделю, чтоб меня там обустроить. Выяснилось, что Тигрушку не с кем оставить.

На следующий день я в боевой готовности. Телефон:

— Мы свернули с авторута на Довиль. Будем через полчаса. Тигрушка? Лучше не спрашивай.

Приехали. Первым делом выгружаем плетеную корзину с Тигрушкой. Мы с Лизой несем ее на этаж. Из корзины ни звука.

— Он дико орал всю дорогу. Мама пыталась его успокоить. Бесполезно. Давай откроем корзину, пока мама еще не поднялась.

Принесли. Поставили на пол. Ни звука. Переглянулись. Подняли крышку. Тигрушка сидит. Глаза открыты, но на нас не реагирует. Лиза его гладит, поставила в корзинку чашку с водой, говорит какие-то нежности. Тигрушка застыл как каменный.

Лиза:

— Главное, что живой. Давай его не трогать. Пусть придет в себя.

Через час, когда распаковали вещи, Лиза заглянула в корзинку и сообщила:

— Он выпил полчашки.

Часа через два мы наблюдали такую картину: Тигрушка, как инвалид, с огромным трудом вылез из корзины, медленно, на дрожащих лапах доплелся до приоткрытого стенового шкафа, обнюхал дверцу и забился в глубь полки с одеждой.

Мы договорились, что если завтра так будет продолжаться, то вызовем ветеринара. Если, конечно, в Нормандии ветеринары работают по воскресеньям и приезжают на дом.

Утром — никаких звонков. Понятно, Ира после всей нервотрепки наглotalась лекарств и спит.

Днем — никаких звонков. Ну, если Ира не спала всю ночь, то спит сейчас. Но почему молчит Лиза? Или не хочет меня расстраивать?

Самому их беспокоить? Я решил, что спущусь в Виллер, пройду по центру города и посмотрю на их окна. Если занавески открыты, зайду в квартиру.

Чтобы обойти центр Виллера — четыре улицы, — мне обычно надо минут пять. А сейчас сезон, тротуары забиты публикой, кафе и рестораны полны, а по улице маршала Фоша, которая с набережной подымается на холмы, на магистраль, ведущую в Sabourg и Саеп, непрерывным потоком тянутся легковушки, пикапы, автобусы, мотоциклы с французскими, голландскими, немецкими, бельгийскими номерами — Европа едет проводить летние каникулы на живописных берегах Нормандии и Северной Бретани. Улица Фош, где балкон Ириной квартиры, даже осенью и зимой не очень тихая, а сейчас грохочет, рычит, гудит, лязгает. Я смотрю на Ирин балкон и замираю от ужаса. Над всем этим уличным хаосом по металлическим перилам балконов, которые охватывают несколько домов, уже не на Ирином доме, а на третьем от ее квартиры, преспокойно разгуливает Тигрушка!

Потом все-таки днем его старались не пускать на балкон, но к ночи, когда улица затихала, он ускользал на поиски приключений. Однако больше всего Тигрушку манила Ирина комната, окно которой выходило на глухой двор. И сразу, почти на уровне окна, крыши хозяйственных построек различной вышины. А под крышами какие-то пустые пространства, нам не видимые. Уличных машин в глухом дворе практически не слышно, зато над двором парят и перекрикиваются чайки. Для кота такой двор привлекательнее, чем мос-

ковский Парк культуры и отдыха имени Горького с его аттракционами. Тут можно — бесплатно и никого не боясь — прыгать с крыши на крышу, охотиться на чак (якобы), прятаться в каких-то неведомых нам тайниках под крышами. Возвращался он со своих прогулок очень гордый собой и смотрел на нас с укоризной: дескать, что же вы мне не говорили, что существует такая свобода! Во всяком случае, в Виллере Тигрушка проводил времени на свежем воздухе больше, чем Ира. Конечно, с помощью Лизы Ира могла спуститься на набережную, иногда даже посидеть на пляже на раскладном стуле. Сложнее было подниматься, хотя от набережной до Ириного дома метров шестьдесят...

Ладно, мы же договорились, что ведем рассказ не про Иру, а про Тигрушку. Итак, отныне каждое лето он отправлялся с Ирой в Виллер и на крышах под ее окном развлекался как хотел. Ни он, ни Ира не знали, что этих лет осталось раз-два и обчелся.

Летом 2013 года (цифру 13 никогда не любил) Алка сняла нам квартиру в Руаяне, то есть гораздо южнее Нормандии. Маша жаловалась, что мерзнет в Виллере, а в Руаяне ей было лучше. Я же днем прятался от солнца и только вечером с удовольствием гулял по нарядным, широким, многолюдным набережным.

Е.в.м.! Я хотел сказать «елки — палки», так как мат в русской литературе запретили. Опять ушел в сторону! Где же Тигрушка? Тигрушка в Виллере, и я к нему и Ире приехал в августе на неделю. Про Тигрушку. Я заметил, что он гораздо меньше времени проводит на крыше, предпочитая Ирину постель или полку с бельем в ее стенном шкафу. Ира объясняла это возрастом и тем, что он подстраивается под ее ритм жизни. «Какой у Тигрушки возраст? — подумал я. — Возраст

скорее у меня. Я уж точно не могу прыгать по крышам и балансировать на перилах балкона». И потом Тигрушка не очень под нее подстраивался. Когда в девять утра я на кухне пил чай, Тигрушка терся об мои ноги, явно выпрашивая дополнительную порцию паштета. Об этой его маленькой нелояльности к хозяйке я Ире не сообщил. Ежедневно выводил Иру гулять, но ничего похожего на наши прежние прогулки. Лишь метров тридцать до ближайшей лавки и еще двадцать до кафе. И это по плоской торговой улице! И потом одно дело — слушать по телефону ее рассказы про бессонницу, другое дело — наблюдать воочию. Повторяю, у меня тоже возраст со свойственными для мужчин особенностями. В три часа ночи я просыпаюсь и, пардон, спешу в туалет. Бухаюсь на кровать, тут же засыпаю. В пять утра — повторение. Я сплю в Лизиной комнате, а туалет — рядом с Ириной. И в три ночи, и в пять утра Ира не спит. У нее горит настольная лампа, Ира читает книгу. Я делаю вид, что этого не вижу, а она будто не замечает моих хождений. И уж совсем мне не нравятся ее жалобы на утренние приступы удушья. Периодически, раз в четыре дня, она ощущает ком в груди, который растет, и ей кажется... Иногда она вызывает врача, очередные таблетки, а что толку?

Но ведь мы договорились, что рассказываем не про Иру, а про Тигрушку!

В пятницу вечером приехала Лиза. Тигрушка ликует. В субботу мы вчетвером — Ира, Лиза, Тигрушка и я — за праздничным столом отметили мой день рождения. Ира постаралась, приготовила разные вкусности.

Ночью в ее комнате света не было, дверь полузакрыта. Значит, подумал я, Ира спит, и, слава богу, может, все наладится.

Рано утром я пил чай на кухне. Ира спит. Лиза, у которой тоже проблемы со сном и бывали беспокойные ночи, по случаю моего приезда спала на диванчике в столовой, где мы вчера пиروвали, и, так как оттуда ни звука, видимо, будет спать до полудня. Остановись, мгновенье, ты прекрасно! Но это воскликнул доктор Фауст, который понимал толк в жизни. А я решил, что хватит злоупотреблять гостеприимством, Лиза мне по-царски уступила свою комнату, значит, пора сматываться. Пусть Лизаня отдохнет до понедельника на своей широкой постели. Остановись, мгновенье, ты прекрасно! Увы, недоступна мне была мудрость доктора Фауста, мелкие бытовые мыслишки шевелились в моей башке: часа через два Виллер загудит, забаламутит, народ попрут на пляж, а я, пока солнце не припекает, помчусь по пустынному авторуту в сторону Парижа. С возрастом я стал бояться пробок, глупо упускать такую возможность. (Точнее было бы сказать: «С возрастом я стал бояться. Точка».)

На кухне непонятно откуда — от Иры, от Лизы или из шкафа — появился Тигрушка, привычно потерся о мои ноги. Остановись, мгновенье, ведь потом долго будешь его вспоминать... Нет, далеко мне до тов. Фауста. Я шепотом объяснил Тигрушке, что сегодня кормить его не буду, оставлю это удовольствие для Лизы. Тигрушка, когда я читал ему свои нравоучения, избегал моего взгляда, смотрел в сторону. Но, кажется, он согласился, что в данном случае я прав. Скользнул за дверь и исчез в неизвестном направлении. А я собрал свою сумку, по-шпионски, без скрипа, открыл и закрыл входную дверь и уже минут через двадцать по верхней дороге Виллера рулил к авторуту на Париж.

В свободной Франции главная свобода — это свобода не работать. В Советском Союзе даже в травоядные времена Брежнева, если человек не работал несколько месяцев, его объявляли тунеядцем и ссылали за 101-й километр от столиц. Во Франции свобода — валяйся целый день кверху пузом, никто тебе худого слова не скажет. Правда, непонятно, на какие шиши покупать себе круассаны, вино и сыр, во Франции не у всех родители — миллионеры. В свободной Франции нет только одной свободы — свободы от поисков работы. Найти ее очень трудно, а если повезло, вцепляются в нее зубами.

Несмотря на высшее юридическое образование, Лиза трижды начинала свою трудовую карьеру, причем в разных профессиях. Дважды уходила по собственному желанию, ибо не видела никакой перспективы для роста. Опять искала и решилась на отчаянный шаг — поступила учиться на годовичные, очень дорогие (Сереза из Москвы помог ей деньгами) курсы высокой моды. Поясняю: курсы готовили не топ-моделей, а топ-менеджеров. Мы с Ирой были в ужасе: слишком мал там профессиональный спрос, просто быть не может свободных вакансий. Получив диплом, Лиза по счастливой случайности проходила практику в самом престижном модельном доме Франции. Практика — это не работа, крошечная стипендия. Однако Лизу заметили и заключили с ней договор на полгода. Она бросилась в этот омут с энтузиазмом, вкалывала по шестнадцать часов в сутки, у нее были хорошие отношения с шефом и всем персоналом этого Дома высокой моды. Все были уверены, что Лиза теперь далеко пойдет. И вдруг ей не продлили договор... Как потом

выяснилось, шеф Лизы испугался: не поставит ли самое высшее начальство Лизу на его место? И когда где-то в высших инстанциях высокой моды (а они, как ни странно, не в Париже, а в Лос-Анджелесе) утверждали постоянный состав парижской конторы, Лизин шеф умыл руки и не поддержал ее кандидатуры.

Жуткий год на безработице. Жуткий даже не потому, что пособие по безработице маленькое, а по ощущению тупика. Французские Дома высокой моды забыты под завязку, никакие старые связи не помогают, не видно щели, чтобы втиснуться.

Мне кажется, Ира и Тигрушка сделали все, чтоб Лиза не погрузилась в глубокую депрессию. Не берусь судить, кто помог больше.

Не в самом прославленном, но известном в мире Доме высокой моды директриса французского департамента уходила в декретный отпуск. Искали ей замену всего на шесть месяцев. Лизу пригласили на собеседование. Спрашивали агрессивно и пристрастно. Не скрывали, что у них много желающих. У Лизы было впечатление, что она не понравилась. Дежурные обещания, мол, ей позвонят. Обычно после таких обещаний работодатели как сквозь землю проваливаются. Лизе позвонили через неделю. Еще более жесткое собеседование. А 9 мая (во Франции День Победы отмечают 8 мая) Лиза вышла на работу.

Я облегченно вздохнул, но... считал со страхом дни. Ведь полгода пролетят быстро, значит, с 10 ноября у Лизы опять безработица. Может, ее пожалеют и позволят работать до новогодних праздников? И то хлеб. Декретная директриса, благополучно родив девочку, вышла из отпуска раньше времени. Может, ей сообщили, что на ее месте сидит опасная конкурентка? В октябре

я дрожащим голосом спросил Иру, дескать, не знает ли она, не обещали Лизе, мол, продержат ее на фирме до Рождества? Разговор шел по телефону, я не видел Ирино лица, могу лишь вообразить — она невинным голосом воскликнула: «А разве я тебе не говорила? Три дня назад с ней подписали постоянный контракт. Она теперь менеджер по четырем европейским странам».

Все же я думаю, что Лиза укрепила свое положение на фирме после того, как весной 2013 года открыла магазин в Москве на Столешке.

Предварительные переговоры с Москвой (новый рынок!) вели многоопытные директрисы из Лондона. Узнав такое, Лиза предложила свою помощь, но от нее высокомерно отмахнулись: «Без сопливых обойдемся». Впрочем, когда все было с Москвой улажено, кто-то в Лондоне сообразил, что надо пригласить в лондонскую команду и Лизу, ведь у нее одной на всей фирме русский язык.

Прилетели в Москву, приехали в Столешников переулок. Вывеска красуется, а магазина нет. В пустом помещении сидит русская заведующая. Где товар из Лондона? Застрял на российской таможне. Где продавцы? Вчера русские компаньоны вашей фирмы всех уволили. Где эти компаньоны? Вот записка, назначили вам встречу в 14.00 по такому-то адресу.

Три лондонские руководящие дамы в панике. Опаздываем! А машины по московским улицам ползут с черепашьей скоростью. Лизе пришлось успокаивать, дескать, потерпите, приедем вовремя. И точно, прибыли в 14.00, а на месте никого нет. Ждут час, ждут два, ждут три. Лиза позвонила Сереже. У Сережи свой бизнес, хоть и маленький, но он сам хозяин. И все подвохи и причуды российских предпринимателей он

знает наизусть. И он объяснил Лизе что к чему. После чего Лиза сказала руководящим дамам:

— Ждать бессмысленно.

— Почему?

— В Москве колоссальная пробка. Сегодня никто не приедет.

— А почему компаньоны не звонят, не предупреждают?

— Вы слишком много от них хотите. Они приедут завтра на Столешку.

— В девять утра?

— Не думаю.

— В четырнадцать ноль-ноль?

— Это нам надо быть в магазине с утра, а они появятся часов в пять вечера.

С утра на Столешке дамы изображали кипучую деятельность и подозрительно косились на Лизу. Но когда ровно в пять вечера пришли компаньоны, дамы открыли рты и посмотрели на Лизу с почтением.

Через неделю одна из дам вернулась в Лондон и, плача и рыдая, доказывала начальству, что с русскими невозможно работать: «Полный бардак, все договоренности отменяют, бюрократия, таможеню не пробить!»

В свою очередь вторая руководящая дама, прибыв в Лондон, была более осторожна в своих оценках: «Да, с русскими очень трудно, ничего не понятно, но если кто-то сможет открыть наш магазин в Москве, то только Лиза».

Между прочим, никаких особых подвигов Лиза в Москве не совершала. Она просто разобралась в местной специфике.

Приехал грузовик с долгожданным товаром. Но въезд в пешеходную зону в Москве запрещен. Лондонская руководящая дама не лыком шита и заранее заказа-

ла бригаду рабочих, которые на тележках перевезут ящики через несколько улиц к магазину. Итак, грузовик приехал, шофер звонит по мобильному, дескать, стоит на таком-то перекрестке перед «кирпичом». А бригады рабочих нет. И тележек нет. Как будто их в природе вообще не существует. Лондонская дама готова биться головой об стену, Лиза останавливает ее вопросом:

— У нас есть наличные, чтобы заплатить шоферу за разгрузку?

Лондонская дама совсем не дура и за короткое пребывание в Москве уже привыкла не спрашивать Лизу «зачем? почему? не противоречит ли это официальным законам?». Да, наличные деньги имеются.

— Жди, я скоро вернусь.

Лиза бежит по улицам, находит грузовик, объясняет шоферу ситуацию. На глазах шофера слезы.

— Девушка, да я за такие деньги все ящики зубами перетаскаю. Ну не имею я права въезжать, вон «кирпич». Мне такой штраф повесят, мильтон, небось, за углом прячется!

— Такой штраф — это сколько?

Шофер называет сумму.

Лиза вынимает свой кошелек, показывает бумажки.

— У меня есть как раз сколько надо. Это мои деньги, но если навесят штраф — я их тут же тебе отдам.

Грузовик с Лизой и товаром лихо тормозит перед магазином. Лондонская дама, не веря собственным глазам, наблюдает настоящее русское чудо: один шофер работает за пятерых грузчиков и не ругается, а улыбается.

Ящики заняли полмагазина. Шофер получает от дамы деньги, пересчитывает и норовит ее поцеловать. Лиза оттаскивает его в сторону. Они садятся в кабину, грузовик выезжает из пешеходной зоны.

— Стоп, мне обратно в магазин. Штраф повесили? Милиционер ушел пиво пить? А ты боялся.

— Девушка, да я для тебя, да я для вас, только позвоните, я на крыльях прилечу.

Настоящие трудности для Лизы были связаны с погодой. Весна выдалась дождливой, а московские лужи, к удивлению Лизы, не исчезали в водостоках, плескались во всей первозданной красе. Привыкшие ко всему москвичи бодро топали в резиновых сапогах или в специальной спортивной обуви. А Лиза обязана быть в модных туфельках на двенадцатисантиметровом каблуке, которые, увы, к водной стихии не приспособлены. А посему постоянная простуда. Приходила она на Столешку к девяти утра, возвращалась в гостиницу в одиннадцать вечера. Правда, топать до гостиницы было недалеко. Фирма сняла ей номер в «Метрополе». На престиж лондонская контора денег не жалела.

Вопрос: откуда я знаю все эти подробности? Лиза так занята, что я ее мало вижу. И к Ире в Париже я приходил раз в неделю. А теперь они с Тигрушкой в Виллере. Но у нас давно установилась традиция: ровно в девять вечера я набираю Ирин номер. Ира готовится к моему звонку, собирается с силами, следит, чтоб ее голос звучал приятно и весело, почти как у молодой и почти здоровой женщины. И она мне рассказывает, как прошел день, приключения и каверзы Тигрушки, потом как можно меньше про свои хворобы и далее, зная, что именно это меня больше всего интересует, подробности про Лизу. Что происходит на ее фирме, что Лизе сказала начальство, что Лиза сказала начальству, кто там какие интриги затевает, куда у нее следующая командировка, некоторые тайны девичьи, но не все.

Мд-а. Теперь я понимаю, что, пока Ира была жива, я знал почти все про Лизу, а теперь только то, что Лиза сама пожелает мне сообщить.

Так вот, вечером того же дня, когда я уехал из Виллера, я позвонил в условный час Ире. Ожидал, что мне вкатят выговор по партийной линии с занесением в личное дело, однако Ирин голос был привычно приятен, она сказала, что они с Лизой всегда волнуются, когда я на авторуте, и раз я выбрал удобный для себя вариант, они его одобряют. Жалко, конечно, что ты не мог с нами остаться, такой приятный получился день для всех троих, включая Тигрушку. Я заверил Иру, что рад их приятному дню и что таких хороших дней у нас четверых еще будет много, много, много, много...

В полдень 17 сентября в Лизин парижский офис прорвался звонок из Виллера. Врач «Скорой помощи» сообщил Лизе, что ее мама нуждается в немедленной госпитализации, но категорически отказывается ехать в больницу, а оставлять в таком состоянии ее одну они не имеют права. Лиза сказала, что прыгает в машину и несется в Виллер. В конторе все дамы молча встали.

Трое суток Лиза провела в большом госпитале, который между Довилем и Онфлером. Когда состояние Иры стабилизировалось...

И опять — стоп. Ведь договорились, что рассказываем не про Иру, а про Тигрушку!

Значит, Тигрушка. Он почему-то на мои телефонные звонки не реагировал, а соседка в Виллере спускалась с третьего этажа, чтоб его покормить.

Наконец Лиза заехала в Виллер, посадила Тигрушку в плетеную корзину и повезла в Париж. Тигрушка так был напуган последними событиями, что впервые

в жизни всю дорогу вел себя прилично, то есть не вопил и даже не мяукал.

В госпитале Лизе объяснили, что у ее мамы серьезные проблемы с легкими и в первую очередь Иру будут лечить в этом направлении. И уже есть маленькая победа: Ире, которая выкуривала пачку сигарет в день, курить категорически запретили, и она подчинилась. Все уик-энды Лиза проводила в госпитале, я предлагал ее заменить, но Лиза решительно отказалась: «Мама будет нервничать». И когда Лиза была в Виллере, я каждый день приходил к Тигрушке.

В субботу 5 октября я сказал Тигрушке: «Не скучай. Ждем приятных гостей». Я не сказал, кого именно, ибо не был уверен, что Лиза сможет привезти Иру на своей машине, но Тигрушка догадался, походил по квартире и уселся у двери. Лиза позвонила снизу: «Я выгружаю вещи, а ты помоги маме подняться».

Ну что, продолжаем про Тигрушку? Естественно, он был доволен, что Ира дома, что абсолютно никуда не выходит, что большую часть суток в постели, а значит, у Тигрушки полная свобода привычно отдыхать, резвиться и безобразничать. Плюс Ира перестала курить, а табачный дым он никогда не любил. Но были и минусы. Три раза в день приходили незнакомые люди, надевали на Иру белую маску, и она не снимала ее минут двадцать, и с ней (с Ирой, а не с маской) нельзя было общаться. К тому же Тигрушка видел, что Ира практически перестала спать по ночам. Вернее, она засыпала к утру, но тут как раз являлся первый визитер с маской, и Ира потом спала урывками несколько часов днем. Тигрушка не очень разбирался в медицине, но инстинктивно понимал, что такой режим ни к чему хорошему не приведет.

Однажды утром в квартиру буквально ворвались какие-то люди в белых халатах, надели на Иру маску и очень быстро куда то унесли. Не увели, а унесли. Ира не сказала Тигрушке ни слова, что было для нее совсем не характерно.

Я застал Тигрушку в полной растерянности. Накануне Лиза уехала в Цюрих, и я пришел пораньше, чтоб посмотреть, как они там вдвоем без нее. Итак, я смотрел на Тигрушку, Тигрушка смотрел на меня. Ждать от него объяснений? Я напоил его в ванной из-под крана, положил в блюдечко свежий паштет и пошел прямоком, через японский парк, к интернациональному госпиталю имени тов. Жоржа Помпиду. Пехом всего десять минут ходу. Если Иру увезла «скорая помощь», то, естественно, туда.

Новейший госпиталь сверкал, весело искрился на солнце стеклянными стенами — архитектурный модерн. Urgance, куда по специальному коридору подъезжали «скорые», был как бы сбоку, без архитектурных изысков и модерна, прозаичен и не сверкал и не искрился. Удивительно просто, следуя за какой-то санитаркой, я прошел через все двери (в Москве меня еще бы на пороге скрутили дюжие парни) и, ни у кого ничего не спрашивая, но читая надписи, оказался в коридоре, где стояли высокие кровати с новоприбывшей публикой. На одной из них — конечно, с капельницей, окутана проводами, датчиками, но без маски — Ирина Алексеевна собственной персоной. Жива и, более того, настроена воинственно. Первый вопрос про Тигрушку: «Напуган?» — «А как ты думаешь?» А далее жесткая критика французской медицины:

— Конечно, спасибо, что сразу примчались, у меня был ком... ну и все такое. А после кислородной маски я

поняла, что приступ прошел, я-то себя знаю. Умоляла их, чтоб меня не трогали, дали бы спокойно поспать дома. Нет, у них инструкция, не имеют права. Бюрократы чертовы! Сделали мне массу анализов, результаты нормальные. Ждут последнего. Но у них, сволочей, привычка — кто попал к ним с лапы, так просто не выпускать. Я же вижу по глазам своей докторши, что она желает оставить меня на ночь. Вон она, за столиком! Скажи ей, что приехал меня забирать домой. Она будет талдычить про последний анализ, а ты молча ходи за ней, действуй на нервы. Есть я ничего не хочу. Тут мне что-то впихивали. Хочу домой.

Я ходил за докторшей, как тень. Она начала дергаться. Да, результат последнего — нормальный, но она не может выпустить madame Sourenkova без визы своего шефа, а у шефа совещание.

Откровенно говоря, я был за то, чтоб Иру оставили на ночь. Для проверки, для страховки. Мне совсем не нравилось, что тот приморский госпиталь в Нормандии выписал ее, не вылечив. Перевели на домашний режим, дескать, в Париже будут три раза в день приходить с кислородными масками, брать кровь, следить за результатами анализов. Я понимал, что в госпиталях сейчас экономия, амбулаторное лечение дешевле стационарного. Однако у каждого госпиталя своя статистика летальных исходов, и я подозревал, что в Нормандии не захотели ее ухуждать.

Осторожно поделился с Ирой своими опасениями: «Поэтому, может, останешься на ночь?» Она буквально закричала:

— Возьми меня отсюда! Возьми меня домой! Лиза приезжает поздно вечером, она сойдет с ума! И Тигрушка столько времени один.

В конце концов докторша капитулировала, более того, организовала возвращение Иры на «скорой». И это было очень кстати, ибо с улицы надо пройти через двор метров сорок, а на «скорой» достали кресло и докатили Иру прямо к лифту.

В одиннадцать вечера позвонила Лиза. Она уже в Париже, берет на вокзале такси. Ира разговаривала с ней медовым голосом. Потом засуетилась:

— Уезжай домой. Увидев тебя, она заподозрит недоброе. Сегодня я ей ничего не скажу. И Тигрушка не проболтается. А вот завтра, когда она отдохнет, в спокойной обстановке, я ей, конечно, поплачусь.

С тех пор у меня выработался как бы условный рефлекс. Когда бы я ни проходил к Ире, тихо ключом открывая дверь (вдруг она спит?), то первым делом с опаской заглядывал в ее комнату. И если кто-то на постели спал, или лежал с белой маской, или махал мне рукой, говорил по телефону и т.д., я облегченно вздыхал, звал Тигрушку, и мы с ним дружно исполняли песню на мотив «Каховки» про поимку большого кота (жуткий текст моего сочинения я уже цитировал, надеюсь, никто наизусть его не учил).

...Я смотрю страницу календаря за октябрь 2013 года, куда я записывал почти каждый день обязательные дела: «Машу везти к окулисту, Машу везти к окулисту, Машу к доктору Дуто» (наш семейный врач), «Машу к окулисту», и в тот же день, крупно, «ИРА». Несколько дней подряд «ИРА», потом «Машу к окулисту», «вечер в парижском русском культурном центре» (где Лена Якович показывала свой документальный фильм о Викторе Некрасове, в котором я тоже фигурировал), опять в один день «врач у Маши» и «Ира»,

«ИРА, ИРА, ИРА», и в конце месяца: «визит к доктору Диву» (это я уже по своим надобностям) .

В сентябре Маше сделали в госпитале операцию, и хирург, он же окулист, требовал, чтоб я обязательно раз в неделю привозил Машу к нему на проверку. Плюс на мне, как всегда, все продовольственные закупки. И кроме того, я хочу по возможности общаться с Алкиным семейством, с моими внуками. К чему это я рассказываю? Чтоб оправдаться, что мало бывал у Иры и Тигрушки? Думаю, что нет. Видимо, для того, чтоб все понимали: при такой жизни от меня глупо ожидать эпохальных произведений в прозе. Впрочем, старая истина гласит: можно всегда найти и более веские причины, чтобы не работать.

► ► ►

Ире явно было лучше. Да, ей удалось поспать между утренней и дневной процедурами и потом еще два часа. Итого четыре часа в сутки, почти мировой рекорд! Вот только Тигрушка скучает: «Он приходит ко мне с ленточкой и жалобно смотрит. А я с ним поиграть не могу. Ты сделал свою городскую прогулку или только сейчас пойдешь?» Я сказал, что успел и купил ей какие-то овощи, они в пакете на кухне, более того, даже сбегал к бабам.

— Бабы просто тебе необходимы, — в тон мне ответила Ира.

Я нашел у нее на полу ленточку и поиграл с Тигрушкой в Лизиной комнате. Тигрушка как-то лениво цапал ленточку, куда девались его прыжки и резкие рывки?

— Тигрушка, ты хочешь, чтоб я за тобой гонялся? Сегодня у меня не получится.

Тигрушка проследовал в ванную, прыгнул на раковину, я напоил его из-под крана.

Ира натянула на себя одеяло и закрыла глаза. Может, дремала или просто отдыхала. Я вернулся в Лизкину комнату, сел в кресло и стал читать второй том Хармса, «Дневники». Так продолжалось довольно долго. Хармс, конечно, хорош, но читать его подряд невозможно, все равно что кушать горчицу без мяса. Скоро придут к Ире «процедурщики», наденут ей кислородную маску, и с ней даже не поговоришь. Вообще, я хотел дожидаться Лизку, но ей завтра уезжать в семь утра на инвентаризацию в торговый центр, за сорок километров от Парижа, а сегодня еще неизвестно, когда она припрется с работы и в каком состоянии. Сегодня ее лучше не трогать, да и я чувствовал себя усталым.

Ира позвала:

— Ты знаешь, у меня прокол. Я утром звонила в мясную лавку, ну да, в ту, что я предпочитаю, и заказала назавтра говяжий язык. Я забыла, что у Лизы инвентаризация, она не успеет вернуться в город до закрытия лавки. А я ей обещала, что приготовлю на ужин...

— Никаких проблем, — перебил я, — завтра приеду и куплю язык. Надо назвать твою фамилию?

— Ты же везешь Машу к врачу!

— У Маши врач в час дня. После я завожу Машу домой и прямиком в лавку. Что мне сказать? Заказ для Ирины?

— Я там прохожу как «русская дама».

— Прекрасно. Беру язык и сразу к бабам. Любую бабу, к которой приходишь с говяжьим языком, уже не надо уговаривать...

Ира снисходительно слушала мои глупости. После того, как решились проблемы завтрашнего дня...

— А сейчас я бы попросил меня отпустить. Не нравится моя спина.

Вот тут мне надо было бы прикусить свой язык, ибо Ира испугалась.

— Немедленно домой, — энергично приказала она, — и лежи хотя бы час на спине.

В общем, мы расстались довольные друг другом.

Я вызвал лифт, и из него вышел «процедурщик» с кислородной маской.

Пятого ноября началось нормально. Зануда глазник продержал Машу всего полчаса, сказал, что все в порядке. И к Ире я приехал даже раньше, чем рассчитывал. Припарковал машину почти рядом с ее домом. Не каждый день такая удача! Дай, думаю, загляну к Ире, ведь мясная лавка еще закрыта. Может, Ира попросит что-нибудь прикупить? А если Ира спит, то тихо поиграю с Тигрушкой, напою его из крана и попрусь по своему обычному маршруту с заходом в лавку и кафе.

Повторяю, последнее время, когда я являлся к ней без звонка, то открывал дверь с опаской. Сегодня никакой тревоги, ведь вчера она выглядела почти как соленый огурец! Я осторожно повернул ключ (вдруг она спит?), вошел. Иры не было, это я понял сию секунду. Постель в ее комнате кое-как застелена, тумбочка, столик, стул сдвинуты, на полу и на кровати разбросаны ее врачебные бумаги. Т.е. Ира точно сама не выходила из квартиры, ее увезли или унесли. В Лизкиной комнате совсем странно. Ее широкая кровать у окна собрана и поставлена на попу. Окна у них всегда открыты, но с Лизкиного окна сорвана металлическая сетка. Тигрушка выпрыгнул на улицу? Но он же не мог сорвать сетку? И мебель у Лизы тоже сдвинута. А где Тигрушка?

— Тигрушка, Тигрушка!

Я смотрел на верхние полки, где он обычно прятался в коробках.

— Мяу! — раздалось сзади.

Откуда он вылез, не знаю. Вид очень испуганный.

— Тигрушка, пойдем в ванную, попьем.

Он последовал за мной, вскочил на раковину, устроился поудобнее и долго-долго с жадностью пил, подставляя язычок под струю воды.

Мы пошли на кухню. Его блюдце с кроками и паштетом были наполнены, он к ним еще не притрагивался.

— Тигрушка, надо поесть.

Нехотя, для приличия съел парочку кроков и отвернулся.

— Тигрушка, я сейчас тебе объясню ситуацию.

Он слушал, не поднимая головы.

— Иру увезли, как в прошлый раз, в «Помпиду». Я пойду в госпиталь, и надеюсь, мы к вечеру вернемся вместе с ней. И вечером приедет Лиза. Ты не нервничай, никто тебя одного не оставит.

Когда я вел с ним душевительные беседы, он никогда не смотрел мне в глаза. Слушал, не поднимая головы.

Я не успел подойти к японскому парку, как мне навстречу вышла Лиза.

— Папа, я звонила Алке, чтоб она тебя нашла и запретила входить в нашу квартиру. Иначе ты запаникуешь.

— Я уже был там.

— Ладно, пойдем. Я дома еще не была. Переодеюсь и выпьем чаю. Нам некуда торопиться.

Информация от Лизы. На работе она отключает свой мобильный, пользуется только служебным. В загородный филиал она приехала к восьми утра. В одиннадцать ее подопечные попросили паузу. Вышли по-

курить, она включила на минутку свой мобильный и нашла там сообщение от дирекции парижской полиции. Вскочила в машину и помчалась в госпиталь. Помчалась — красиво сказано. С трудом пробивалась сквозь дикие пробки. В госпитале видела маму. Она подключена к аппарату, дышит. А врачи рассказали, что произошло: мама вызвала по телефону «скорую помощь». Врачи прибыли, стали звонить и стучать в дверь. Никто не открывает. А двери в нашем доме цельнометаллические, не сломать. Врачи вызвали пожарных, пожарные перегородили улицу и по своей лестнице залезли в квартиру, благо окна были распахнуты. Металлическую сетку, конечно, порезали. Они и открыли дверь врачам. Мама не дышала. Две бригады врачей и пожарных делали все возможное, и через тридцать минут сердце заработало, дыхание восстановилось. Но — предупреждают врачи — на самом деле никто не знает, когда сердце остановилось. Может, прошло больше часу. И все это время кровь не поступала в мозг. Приготовьтесь к тому, что надежды мало.

Лиза взяла на руки Тигрушку, потискала, погладила. Он заурчал.

И мы пошли с Лизой в самый современный парижский госпиталь, заложенный еще президентом Франции Жоржем Помпиду. Что мы там видели и что мы там делали, к нашему повествованию отношения не имеет. Ведь мой рассказ посвящен только усатым, полосатым и с хвостиками. А таких пациентов мы в «Помпиду» не наблюдали.

Шестого ноября из Москвы прилетел Сережа, и мы уже втроем дежурили в госпитале. С Сережей у Тигрушки были старые отношения, и он чуть-чуть успокоился.

Седьмого ноября Ире сделали энцефалограмму (а может, это называется еще мудренее, увы, меди-

цинские термины в моей голове не задерживаются), т. е. проверку мозга на предмет... ну, в общем, вы понимаете. Мы сидели в госпитале и ждали врачиху, которая должна была сообщить результаты. Долго ждали. Когда стали выпроваживать посетителей, выяснилось, что врачиха исчезла. Испарилась, как в землю провалилась или вылетела в окно на помеле.

— Приходите завтра, — сказала милейшая, улыбающаяся, молоденькая, ни за что не отвечающая медсестра.

Не доходя до Ириного дома, мы завернули в знакомое кафе, где на открытой веранде стояли оранжевые фонари-обогреватели и можно было курить. По взрослому, без эмоций мы обсуждали ситуацию.

— Может, врачиха совсем не сволочь, — сказал Сережа. — Ведь она нам дала еще один день надежды.

А я сказал, что если экзамен отрицательный, то я против аксеновского варианта.

Об аксеновском варианте мы все, и в первую очередь Ира, невольные участники этой истории, говорили многократно. Бог дал Василию Павловичу легкую смерть, а то, что его еще полтора года мучили врачи, настоящее варварство. Конечно, медицина достигла огромного прогресса, но согласился бы сам Аксенов, чтоб над ним так экспериментировали? Когда Леша привел меня к нему в палату в Институт Склифосовского, я так и не разобрался, понимает ли Вася, что с ним происходит, и молил Всевышнего, чтоб Аксенов не понимал.

Лиза помолчала, а потом сказала, что она тоже против аксеновского варианта. И добавила:

— Хорошо, что Тигрушка не слышит нашего разговора.

И мы с Сережей не восприняли это как шутку.

Не знаю, как бы перенесла все Лиза, если б не Сережа. За ним она была как за каменной стеной. Лиза взяла на работе отпуск и решила лететь с Сережей в Москву, чтобы захоронить урну в семейной могиле на маленьком подмосковном кладбище Ракитки. А пока хлопоты, хлопоты, хлопоты. Алла и Лиза распределили всем обязанности, подключились Ирины подруги, Лиза и Сережа ходили как привязанные друг к другу, а мне было поручено, как сказала Аля, «задействовать административный ресурс», т. е., пользуясь хорошим отношением ко мне посольства, срочно получить в консульстве все необходимые бумаги для ввоза урны в Россию. И вот в хлопотах я забежал по дороге к Лизе. В квартире был только Тигрушка, который сидел у входной двери — основное его занятие в последние дни. Я позвал его на кухню, он нехотя за мной поплелся.

— Тигрушка, не надо ждать Иру. Она не придет. Ее нет. Понимаешь?

И тут со мной что-то случилось. Обычно я держал себя в руках. Увы, это были далеко не первые похороны. Я похоронил почти всех своих друзей и, повторяю, умел держать себя в руках. Видимо, сказывается возраст. Ну, словом, я заплакал в голос. И когда я начал понемногу успокаиваться, я увидел, что Тигрушка очень близко от меня и смотрит мне в лицо. Причем это не были глаза Тигрушки, глаза домашнего кота. Это был строгий взгляд какого-то высшего, незнакомо-го мне существа... Не знаю, как назвать. Клянусь, я ничего не придумываю. Так было. Я достал платок, вытер слезы, чтоб понять, что означает этот странный взгляд Тигрушки. Но Тигрушка уже сидел около входной двери, повернувшись ко мне спиной.

Еще Ира говорила, что все слишком заняты ею и не обращают внимания на Тигрушку, а с ним что-то происходит. Слишком много пьет, это плохой признак. «Вот лучше себя почувствую, и мы с Лизой отвезем его к ветеринару».

После возвращения из Москвы Лиза почти сразу улетела в Италию. Накануне сказала:

— Надо заняться Тигрушкой. Но сейчас у меня просто сил на него нет. Вернусь, и тогда... Папа, тебе тоже надо отдохнуть. Я договорилась с соседкой на нашей лестничной площадке. Она заядлая кошатница, вызвалась приходить к Тигрушке по нескольку раз в день. А ты, если заскучаешь, заезжай для контроля.

Через два дня я приехал. Тигрушки в квартире не было. Я позвонил в дверь соседки. Ни ответа ни привета. Я позвонил на ее мобильный. Глухо. Я остался в Ириной квартире. Смотрел на ее пустую, аккуратно заправленную постель, на чистые Тигрушкины блюдца на кухне. Взял томик Хармса. Звонок в дверь. На пороге соседка, улыбочивая, интеллигентная француженка. Пригласил ее на чай.

Значит, так. У нее всегда в доме были кошки. Она их любит и все про них знает. Она поняла, что Тигрушка серьезно болен, и отвезла его в хорошую ветеринарную клинику, где лечила всех своих питомцев. Там сделали все анализы. Да, он там, живой. Но у него плохо с почками. Очень плохо. Одна совсем не работает, вторая... Есть слабая надежда. Дают сильные лекарства. Может, когда Лиза вернется...

Когда Лиза вернулась, она со своим другом (умолчим про ее личную жизнь) вдвоем упростили клинику отдать им Тигрушку хоть на несколько часов. Я при-

мчался в Ирину квартиру. Какая разительная перемена! Неделю назад Тигрушка, казалось, был вполне здоровым, ну несколько печальным котиком. А теперь... Увидев меня, он хотел по привычке вспрыгнуть в ванной на раковину. Сорвался. Поковылял на кухню. Попробовал съесть один крок. Не смог.

Не хочу, не могу рассказывать, что происходило с Лизой. Запомнил ее фразы:

— Он ни на кого не смотрит. Он как будто смотрит вглубь себя... В клинике мне поклялись, что укол будет безболезненным. Просто прекратятся его мучения, и он спокойно заснет.

► ► ►

Перед Новым годом я встретил Веру, старого друга нашей семьи, давнюю и верную подругу Аллы. Естественно, разговор зашел про Лизу. Я сказал, что в ее конторе якобы бездушные и деловые французы отнеслись к Лизе удивительно трогательно и по-человечески. А начальство организовало ей оплачиваемый отпуск до января. И хорошо, что она выходит на работу. Смена обстановки, отвлечется от своих мыслей.

— Понимаешь, Вера, — продолжал я, — ее сбила с ног вот эта двойная смерть. Почему одновременно ушли мама и Тигрушка? Лиза не понимает, за что ей такое наказание.

— Анатолий Тихонович, — воскликнула Вера. — А вы разве не знали, что кошки всегда следуют за хозяевами? Об этом написано много книг.

— Однако Фоня просто смылся из дома и, наверное, еще долго жил на улице.

— Значит, Алка вам не рассказала правды. Буквально через несколько дней после космической катас-

трофы Фоню срочно отвезли в клинику. Там у него обнаружили все возможные кошачьи болезни, включая чумку и еще какую-то корсиканскую заразу. А ведь с момента возвращения с Корсики прошло три месяца. Фона был здоров, как бык, и на улицу его не выпускали. И вдруг такая катастрофа! В клинике его усыпили. Считается, что собаки — самые верные человеку животные. После смерти хозяина они годами скулят, тоскуют, мучаются, но живут. А кошки молча уходят следом.

Недавно у Лизы нашел французскую книгу, нечто вроде энциклопедии, с перечислением всех видов кошачьей породы. Хорошая, меловая бумага, прекрасные фотографии, статистика и географические карты, где кто водится. Общий вывод: все кошки — хищники, поедают живые существа, от мала до велика, и даже самые большие и страшные звери на Земле — тигры, львы, леопарды — тоже кошачьей породы. Правда, с каждым годом их становится все меньше — браконьеры, ухудшение экологии, вырубка человеком диких лесов. Снежных барсов осталось примерно пятьдесят особей. А болотный китайский кот, питающийся лягушками, кажется, совсем исчез. Красочная и жуткая фотография: огромный гиппопотам, раскрыв свой огромный рот, явно орет от боли и безнадёги, а сзади его тело облепили десяток львов и рвут по-живому. Любого из них он мог бы перекусить пополам, но попробуй поймай этих кошачьих, а они вцепились сзади. Другая фотография: какой-то южноамериканский кот в высоком прыжке хватает птичку на лету. Да, бесспорно, повторяет книга, все дикие кошки — хищники, но их все меньше и меньше. А вот домашним кошкам в кни-

ге посвящено всего две или три страницы. Сухо сообщается, что в неволе они (кошки, а не страницы) охотно размножаются и число их только растёт. Сколько их? Десятки, сотни миллионов? В книге не сообщается — видимо, авторы книги не смогли сосчитать.

А теперь мы сами порассуждаем. Сколько бы их ни было, это хорошо, ведь, кроме добра, они человеку ничего не приносят. Раньше у них было хозяйственное предназначение, а теперь почему-то люди не могут без них жить. Какой высший разум или небесный повелитель послал их человечеству, чтоб они — в наши лязгающие, громыхающие, сумасшедшие века технического прогресса — простым мяуканьем и нехитрыми ласками снимали с гомо сапиенса стресс и возвращали его к первозданной природе?

Мне скажут: а собака, исконный друг человека? Ничего не имею против собак, действительно, верные друзья. Однако и враги. Дрессированными собаками травили людей, сторожевые псы-мастодонты ловили беглецов, разрывали на части стариков и детей. Никогда не слыхал и нигде в истории не зафиксирован случай нападения стаи котов на одинокого путника. Враг котов — только сам человек. Когда, к примеру, во Франции, чтоб спокойно отдохнуть на берегу моря, месье и мадам завозят на машине кошачьего в ближайший лес и оставляют его там на произвол судьбы. Мд-а, не будем углубляться в эту тему человеческой жестокости — остановимся...

Кот мяукает и трется о наши ноги, норовит забраться к нам в постель, согреть нас своим теплом, и его мурлыканье — настоящая райская музыка без дополнительных расходов на духовой оркестр. Примитивный, маленький, шерстяной — и в то же время таинствен-

ный и загадочный, и что-то в его поведении мы элементарно понимаем, а что-то никак понять не можем.

Думаю, никогда не пойдем, ибо он, который ходит сам по себе, все-таки послан нам свыше. И если какой-то человек, его хозяин, заслужил благодать отдохнуть после земных страданий в райских профсоюзных санаториях, кошачий товарищ сопровождает его туда.

...Слышу громкие возмущенные голоса, свист, улюлюканье, крики со всех сторон:

— Вы что, совсем сбрендили? Оторвались от жизни? В мире такие безобразия происходят, а вы нам котов на уши вешаете! Через три года Россию ожидает грандиозная катастрофа: вбили в футбольный чемпионат мира миллиарды долларов, а наша сборная проиграет с огромным счетом даже сборной острова Маврикия! Позору не оберешься! Разворуют наш Пенсионный фонд и построят себе дачи на Канарах! Васильеву отбывать тюремный срок переведут из Лефортово в пятизвездочный отель в Сочи. С Украиной будет такое обострение...

Чур, меня, чур, затыкаю уши. Мне самому о будущем мира страшно думать. России-то к катастрофам не привыкать, а вот когда бедная богатенькая Европа примет на свою землю триста миллионов бедных африканцев, которые в своей родной Африке бесконечно режут друг друга, а теперь предпочитают переплывать по Средиземному морю в Европу, ибо там, ясное дело, резать изнеженных белых будет гораздо легче и прибыльнее... Или еще более актуальный вопрос: когда Европа превратится в Исламский халифат? Ну, может, Северная Ирландия и Финляндия отобьются — климат выручит. Америка не дура, грузовые корабли с пустыми трюмами за европейцами не пошлет. Дадут визы и работу лишь выдающимся инженерам и ученым, а что касает-

ся высших европейских чиновников-бюрократов, то, может, сотню или две вывезут и посадят на вэлфер. Так сказать, в благодарность, ведь в результате их политкорректного идиотизма погибла Европа и тем самым исчез мощный конкурент американской промышленности. Но физически перерезать всех европейцев в короткий срок не получится даже у арабских жонглеров кухонного ножа, которые перед телекамерой секут головы христианским пленникам. А значит, будет толкучка у западных границ России, дикие очереди машин и людей к контрольно-пропускным пунктам. Конечно, российская бюрократия введет ограничения, дескать, принимать будем выборочно, это же вопрос безопасности нашей страны. Однако в европейских очередях быстро поймут: анкета — анкетой, проверка — проверкой, но главное — сколько положишь на лапу? Российский полицейский для приличия спросит фамилию, национальность и протянет жирную волосатую лапу:

— Да убери свои вонючие евро. Там, в туалете, будешь ими подтираться. Ты мне доллары гони или юани!

Впрочем, в очередях поговаривали, что если выложить пачку монгольских тугриков, то полиция становится удивительно вежливой, даже приветливой. Еще бы, монгольский тугрик! Самая твердая и надежная валюта на Земле.

И будут репортажи по телевидению, российскому и американскому, где картинки, наверно, одинаковы, а вот комментарии — абсолютно противоположные. И беспардонное вранье по всем новостным каналам на всех пяти континентах...

Но обо всех этих ужасах, безобразиях и катаклизмах Ира и Тигрушка, слава богу, никогда не узнают.

Новостное телевидение транслируют только в аду, а попавших в рай не тревожат земные заботы, они твердо убеждены, что оставшиеся в том мире, любимые ими люди, здоровы и счастливы, поэтому не стоит за них волноваться.

Они, конечно, вместе, Ира и Тигрушка. Ведь тот странный взгляд Тигрушки, о котором я рассказывал, вернее, не Тигрушки, а кого-то, кто через него передавал мне сигнал, означал: Тигрушка уйдет за Ирой и они будут всегда вдвоем, это уже согласовано в высших инстанциях.

Я никогда не задумывался: что там происходит, в райских кущах? И чем тамошние постояльцы заняты — понятия не имею. Может, кто порхает, как бабочка, может, кто слушает хоровые песнопения или классическую музыку — боюсь фантазировать. Что касается Иры, то она лежит на чем-то мягком — тепло, светло, мухи не кусают, — а когда хочет спать, то задергивает шторы и спит наконец-то столько, сколько хочет. И Тигрушка с нею рядом. Правда, иногда мне кажется, я слышу Ирин голос:

— Тигрушка, ты зачем влез на меня? Мне же так тяжело.

— Тигрушка, ты обиделся, спрятался в кущах? Мне трудно тебя там искать. Давай иди ко мне. Вот так, молодец, заурчал.

— Фу, Тигрушка, как тебе не стыдно? Забрался под одеяло, и там исподтишка царапаешь мне ногу!

— Тигрушка, ты зачем высоко залез на смоковницу? Я оттуда тебя не достану. Или ты собираешься прыгнуть на меня? Совести у тебя нету.

Так, мне кажется, они проводят время. А другого для них райского существования я себе не представляю.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОМПАНИИ

Часть первая

1.

Я никогда не любил фотографироваться. Особенно в большом фотоателье. По-моему, есть что-то постыдное, когда унылый фотограф, озверевший от мелькания десятков лиц, которые надо рассматривать обязательно пристально и обязательно в фокусе (не то что прохожих на улице — глянул, плюнул и отвернулся), деловито командует: «Выпрямитесь, чуть влево, теперь вправо, подымите подбородок, улыбнитесь», — а сам про тебя думает: «Морда ведь кирпича просит, а тоже желает быть красивым», — а ты сидишь и, конечно, догадываешься, что думает про тебя служащий ателье. Но все равно волей-неволей твои глаза принимают это такое полумечтательное-полупрезрительное выражение (знаешь, что это тебе идет, перед зеркалом проверял), потому что все мы хотим выглядеть хотя бы симпатичными хотя бы в молодости, — вдруг придется дарить эту фотографию любимой девушке, вдруг сын твой лет через двадцать пороеется в семейном альбоме и скажет: «А отец у меня ничего был», — или во-

обще когда умрешь и когда похоронят, то именно эту фотографию как самую удачную возьмут на памятник, и будешь ты взирать на грядущие поколения, молодой, красивый, возбуждая элегические раздумья о быстротечности жизни.

И ведь все наши ребята, насколько я знаю, тоже не любили фотографироваться, но тем не менее лет двенадцать назад собрались мы все и поплелись в фотоателье на Арбате, и ведь никто нас не принуждал, и нельзя сказать, что случайно: помню, долго созванивались, сговаривались, выбирали день, и вот результат — все мы, шесть идиотов, взираем с темной бумаги (15×20), наклеенной на картонку.

Слева сидит Юра Бутенко, по прозвищу Артист. Или он тогда уже умел позировать, или чувствовал, что всю жизнь быть ему на сцене, но получился он таким думающим, солидным парнем. Будь мы все такими, висеть бы нам до сих пор в витрине этого ателье, делая рекламу тамошним мастерам.

Кстати, теперь я часто сравниваю наш снимок с другой фотографией — открыткой, которая продается в любом киоске за двадцать копеек и которую часто (сам видел) покупают девушки (отмечая тем самым свое совершеннолетие), а на той открытке Юра Бутенко изображен вполоборота, лицо несколько утомленное известностью, словно он снимался в кино с Чарли Чаплином, хотя он, Юра, играл всего в трех фильмах, но для девушек и этого достаточно. Надо бы мне носить всегда с собой наш групповой снимок. А то, когда я рассказываю незнакомой компании, что знаю Бутенко, вместе учились, Артистом мы его звали, люди, с которыми я говорю, незаметно для меня переглядываются: дескать, тоже выискался, к знаменитостям при-

мазывается. И вот эти якобы незаметные взгляды приводят меня в уныние, и я начинаю внутренне готовиться к тому прекрасному дню, когда Юра, встретив меня на улице, сделает вид, что не узнает. Вернувшись домой, я опять достаю наш снимок, изучаю его, вздыхаю: «Нет, не может такого быть».

Хорошо получился на нашей фотографии еще один человек — Яша Штенберг (сидит в центре), единственный из всех нас в костюмчике и галстучке, взгляд в сторону от объектива, прилежный мальчик, недаром мы его Пятеркой звали: лучший был ученик в нашем классе, — и тут не подвел. Смотрю я на его примерную физиономию, и мне хочется крикнуть: «Боря, Боря, выходи из моря!» Так мы кричали в детстве маменькиным сынкам, рыхлым, сытым, беспомощным, в любую минуту способным наябедничать.

Я и тогда, лет двенадцать назад, был уверен, что из Яши Штенберга, как и из всех круглых отличников, ничего особенного не выйдет. В общем, так оно и случилось. Звезд с неба Яша не нахватал. Но кто мог предположить, что этот чистюля, зубрила — одним словом, Пятерка — тихо и скромно, с рюкзаком за плечами (где ни оружия, ни молоточков, а какие-то геодезические приборы, названия которых мне не произнести), пройдет и тайгу, и тундру, и Горный Алтай, и Каракумы и с ним, естественно, будут приключаться разные истории, типичные для этих экзотических мест. И любопытно, что ничего он потом не расскажет, разве что мы хором начнем вытягивать из него слово за словом, как пескарей из пруда.

Я смотрю на его застывшее лицо и пытаюсь понять: где там запрограммирована (модное словечко!) страсть к путешествиям, к спальному прожженному

мешку, к долгому, весьма близкому общению с комарами и прочим гнусом? Нет, ничего не видно. Обыкновенный «Боря, Боря, выходи из моря», только на карточке хорошо получился, его и Артиста оставили бы на витрине.

Но остальные на витрину не тянут. Правда, Мишка Медведев (по кличке Медведь, он сидит справа) как был красавчиком, так и остался.

В выходной по улице никогда не бродили? Или в незнакомом городе не останавливались у фотоателье? Небрежно так не рассматривали групповые снимки выпускников 57-й школы, экскурсантов у входа в краеведческий музей, старшеклассников балетного училища? Ваши впечатления? Если честно?

«Что это за сборище эвакуированных, неужели этих девочек кто-то замуж взял, а вот та, с краю, ничего, ей-богу, и вот этот мальчик на киногероя похож». И если еще раз пройдете мимо витрины, то обязательно взглянете на запомнившееся вам лицо. Так и с нашей фотографией. Профессиональные фотографы, конечно, раскритикуют: дескать, напряженное лицо, не виден характер... Но просто любители сразу обратят внимание. Недаром в те времена, приходя на вечера в женские школы и называя номер своей, мы слышали в ответ: «А, школа Медведева!» И конечно, мы не сомневались, что если когда-нибудь Медведев женится, то в самом худшем случае на Сильване Пампанини. А он в двадцать шесть лет нашел девчонку ничем не примечательную и стал примерным семьянином. И никаких уж очень высоких постов не занимает. Ему сейчас тридцать, работает в министерстве, с капиталистами торгует.

Первым слева (я все про нашу фотографию, оригинальная композиция: трое сидят, трое стоят, — мастер

долго голову ломал) стоит Сашка Чернышев (Барон). Раскрыл рот, чуть прищурился, будто хотел сказать: «Пошли вы от меня, нечего глаза пялить», — словом, характер ясен, это тоже не для витрины. Да и надо ли выставлять? Таких школьных фотографий миллион, и никому они не интересны, разве что исключая одну, и то не фотографию, а картину, где изображены лицеисты. Этот с лицейского порога «на корабль перешагнул шутя, и с той поры в морях твоя дорога», другой... И т. д. Но эти лицеисты известны всей России только потому, что среди них был кудрявый мальчик с доброй примесью африканской крови, ставший впоследствии первым русским национальным поэтом.

Среди наших ребят нет великих людей. Правда, однажды, давным-давно, когда мы говорили на эту тему, Сашка Чернышев со свойственной ему наглостью (недаром получил кличку Барон) сказал, что, дескать, кто знает, может, есть и среди нас (явно имея в виду свою собственную особу). И когда сейчас по торжественным дням Чернышев надевает выходной костюм, на лацкане которого поблескивает медаль лауреата, мы понимаем, что Сашка кое-что значит. Однако, думаю, беда его в том, что и он сам, и его работа насквозь засекречены и вряд ли почтенная публика скоро узнает, чем он все-таки занимается, а публика любит людей известных.

Пятый — Ленька Майоров, по прозвищу Майор (стоит в центре). Он и так самый высокий, а тут весь вытянулся, глаза вытаращил. Кстати, вот уж кто начисто был лишен каких-нибудь способностей — под этим я подразумеваю особо выдающиеся черты ума или характера, — так это Майоров. Для нас он был просто хорошим парнем, мы даже песню такую пели: «Хороший

парень, дружище Ленька...» Я пытаюсь вспомнить, чем он был примечателен, и не могу. Разве что носил брюки уже всех да простаивал у парикмахерской «Гранд-отель» по пять часов, чтобы сделать модный кок. Но это что — способность ума, выдающаяся черта характера? И вот теперь лично я с трудом представляю, что Леонид Андреевич Майоров, опытный инженер, проработавший долгое время на Урале, а ныне начальник литейного цеха одного из заводов Москвы, это и есть мой старый товарищ.

Может, он потом изменился, в те годы, когда мы редко виделись? А может, я просто не все знал о нем? Гуляли-то мы вместе, но как он работает, учится — короче, чем он по-настоящему живет, — меня не очень интересовало.

Конечно, мои товарищи стали другими, но все-таки нас связывает что-то очень прочное. Это наш особый мир, куда постороннему нет входа — нет входа, потому что этого мира уже не существует. Но зрелым, сформировавшимся, четко знающим свое место людям приятно вспоминать собственную глупость и наивность, то есть то, что называется юностью.

Вот коротко о моих товарищах. Да, чуть не забыл сказать, что на этой фотографии запечатлен еще некто Руслан Звонков, который сейчас — надеюсь, все читатели застыли в почтительном молчании — работает автослесарем на станции техобслуживания (как вы, вероятно, догадались, Звонков — это я).

Я стою крайний справа, рядом с Ленькой, и глаза у меня закатились, будто меня кто-то из-за угла мешком ударил и я покачнулся и начал падать — и в этот момент мастер щелкнул чем-то, «вылетела птичка», и мы, как говорится, готовы для обозрения.

Черт его знает, почему мы так получились. Помнится, смеялись много, пока мастер делал свою головоломную расстановку. А в результате это единственная фотография, где мы все вместе. Мы тогда уже два года дружили, а сейчас прошло еще двенадцать лет, и многое произошло между нами, всякое было — и хорошее и плохое, — и вряд ли мы могли предвидеть все последующие события, когда собрались в тот день у дома Пятерки и поплелись в фотоателье, где мастер встал в это утро с левой ноги, поругался с женой, оставил сдачу в кассе столовой — словом, что-то с ним произошло тогда, уж очень он был в скверном настроении, это я и сейчас помню.

2.

Все началось в шестом классе. Я ходил к соседней школе встречать одну девочку. Мы не были знакомы. Но я знал, как ее зовут, где она живет, ее подруг, расписание уроков, и то, что она занимается в спортсекции, и какие книги любит читать и т. д.

Что я от нее хотел? Ничего. Вернее, что-то очень туманное, обозначаемое на жаргоне школьников словом «дружить» — значит, вместе ходить в кино или по бульвару, вместе готовить уроки, — и так на всю жизнь, до гроба.

Девочку звали Алла. Ей было тринадцать лет. Она казалась мне ужасно романтическим, неземным созданием. Ее родословная шла почти непосредственно от Снежной королевы, дикой собаки Динго, Марицы, Лоллобриджицы, Евгении Гранде, герцогини де Ланже, Хозяйки Медной горы и вообще от всех красивых и смелых женщин, в которых влюблялись герои прочитанных мною книг.

Естественно, я понятия не имел, какая Алла на самом деле. В течение нескольких лет я каждый раз придумывал ее такой, какой хотел бы видеть свою девушку после очередной понравившейся мне книги. Впрочем, боюсь, что тогда всё не казалось мне таким сложным, как сейчас, когда я, умудренный десятилетней, подшивками «Советского спорта» и «Комсомольской правды», а также слышавший кое-что про ошибочное учение Фрейда, пытаюсь анализировать. Тогда я хотел ее видеть, видеть как можно чаще — все.

Однако даже в шестом классе, отправляясь на эти, с позволения сказать, свидания с Аллой, я не впадал в романтический транс. Колени мои, ей-богу, не дрожали. Ни яркий румянец, ни мертвенная бледность, к сожалению, не появлялись на моей юной, непосредственной физиономии.

Если вспомнить, что я думал в этот момент, то получится примерно так:

«Бух, бах, о-ля-ля (несколько шагов вприпрыжку). Вдруг я за диктант получу пятерку... Какая смешная старуха идет... И Клавдия Алексеевна скажет: вот, Руслан меня порадовал, после последней двойки так изменился, лучший ученик... Раз, два, бац Профессору в морду (за что?)... Алла, Алла, Алла... Эскадра, огонь! Ура! Врагу не сдастся наш гордый... Посмотри на меня! Раз, два, три — нет, а если считать до десяти? Заметила, какой мальчик (это я) смелый и решительный идет, уже снег, а он еще без пальто, люблю закаленных людей... и так изменился, так изменился после той двойки: лучший ученик... Повернуть, не повернуть, бац (ногой камешек)... вратарь в красивом броске... Не надо, а то зазнается... Попадись мне Профессор — ух!.. Завтра у нее пять уроков... Как изме-

нился, скажет Клавдия Алексеевна... Надо сбежать с последнего...»

Тут я оглядывался. Алла поворачивала за угол. Вот и вся свиданка.

Весной седьмого класса я стал бегать за Аллой уже на бульвар. Обычно я встречался с Ленькой на темной боковой аллее (нас якобы не видно, а мы видим все), и он сразу информировал меня: «Ее еще нет» или «Уже здесь», — и мы скоро нагоняли Аллу и двигались за ней, как эскорт крейсеров Второй тихоокеанской эскадры (я очень увлекался тогда «Цусимой» и «Порт-Артуром»). Мы воображали, что идем под флагом контр-адмирала Эванса, и скорость у нас была двадцать четыре узла, и вооружение подходящее, но от Аллы (то ли она и ее подруги были нашими транспортными судами, то ли шли под флагом японского адмирала Того) держались на почтительном расстоянии, которое позволяло вести наблюдение, но без обстрела (то есть без громких реплик, провоцирующих сближение).

Однажды я увидел, как Алла и ее подруги торжественно проплыли в сопровождении эскорта незнакомых мне ребят.

Я был один и тут же побежал за Ленькой. Он сидел дома и писал шпаргалки к контрольной по физике. Я потребовал от него быстрых и решительных действий. Я напомнил ему про знаменитый прорыв «Аскольда» и «Новика», когда крейсера, расшвыряв и протаранив японские миноносцы, вырвались из окружения. Я умолял его, уговаривал, грозил. Но Ленька не хуже меня знал итоги русско-японской войны. Осведомившись о количестве и тоннаже неприятеля, он сказал, что «Новик» все равно затонул, «Аскольд» при-

шел в нейтральный порт, а завтрашняя контрольная последняя в четверти. Ленька был поклонником «морского боя», но предпочитал вести его на бумаге на уроках истории, а тут еще время было позднее, и мы так и не развели пары.

На следующий вечер эскадра Аллы проследовала в исключительно женском составе, и больше никаких происшествий не было.

А потом я уехал в Ленинград, где и проучился целый год.

Правда, там была девочка, с которой мы несколько раз обменялись записками, но уже в восьмом классе женщины перестали меня интересовать.

И в свободные вечера, прогуливаясь по линиям Васильевского острова, я размышлял о судьбах мира, о неизвестных планетах и соседних галактиках, о быстроте человеческой жизни и о том, что как это глупо, что человек, вместо того чтобы стремиться к бессмертию, лучшие свои годы тратит на любовь — пошлое, никчемное и неоригинальное занятие, — в то время как надо столько успеть!

Увлекался я и серьезными книгами — вроде «Истории дипломатии», «Наполеона», «Анти-Дюринга». Не скажу, чтобы я все понимал, но зато проникался уважением к самому себе.

Помнится, однажды в букинистическом на Невском я спросил книгу Сенеки. Что-то насчет ума. Я ее не купил, да и то, что я пролистал, показалось мне очень сложным. Но взгляда продавщицы, которым она меня обмерила (как в ателье индпошива), когда протягивала книгу, мне не забыть.

И вообще я был тогда очень решительным и твердо знал, как надо жить. Появилось даже смутное же-

вание заняться философией, но только так, чтоб стать по крайней мере Марксом. (Какой смысл прозябать просто доктором наук? Ему, доктору, должно быть стыдно, что он заурядный доктор, а не Маркс.) И еще я ходил в филармонию на Третью симфонию Бетховена и Шестую Чайковского, самую оптимистическую, как говорили в музыкальных лекториях.

В восьмом классе я прочел больше книг, чем, наверно, за все последующие годы, и вообще казался себе очень умным, и презрительно смотрел на одноклассников, и готовил себя к интеллигентной профессии, вот только кем стать — не знал (правда, в течение двух вечеров я размышлял над проектом отмены денег — гениальная экономическая реформа почему-то не получалась, что-то недодумал).

Но к девятому классу я вновь вернулся в Москву, в свою старую квартиру, к старым товарищам, и я увидел Аллу — вот тут все полетело к черту, и все гениальные реформы были забыты, и я стал просто обыкновенным школьником.

3.

История — вещь крайне любопытная. Например, если через пару столетий какой-нибудь шизик будет писать про нашу компанию (тему ему дадут для докторской диссертации «Дружба в двадцатом веке» — через два столетия все может произойти), то он, конечно, пользуясь архивными данными (рапорты классного руководителя), прессой (стенная печать), диапозитивами (случайные фотографии), научно обоснует, что, дескать, компанию сбил Медведь. Или что лучшие ученики класса (а мы, шестеро, действительно тянули на медали) стихийно сложились в группу, или что за-

нения спортом (Медведь, Ленька, Барон и Артист входили в сборную школы по волейболу) заложили костяк нашей группы. Или что активное участие в общественной жизни (Медведь — член комитета школы, Барон — комсорг класса, Ленька — староста, Пятерка — редактор классной стенгазеты, Артист — инициатор школьной самодеятельности, Звонков — признанный заводила с многолетним стажем, когда дело касалось срыва уроков) привлекло ребят друг к другу. И все будет верно. И дадут ему, не моргнув, степень доктора.

Но вот маленькая деталь. Когда я, измученный экономическими проблемами и размышлениями о судьбах галактик, вернулся после годового перерыва в класс, то застал там новых ребят (Медведь, Барон и Артист пришли из другой школы), а мои старые приятели очень изменились. Во-первых, все вытянулись, и я оказался почти самым маленьким. Во-вторых, если раньше наш класс был ни рыба ни мясо, но я все-таки пользовался каким-то авторитетом (читай выше), то теперь на меня никто и не смотрел.

Тогда я составил список лучших ребят класса, этой школьной аристократии, которая могла взять власть в свои руки и с которой мне было бы очень полезно и интересно дружить.

Это были пять ярких индивидуумов, пять кирпичей, а я выступал в незаметной роли связующего, цементирующего материала.

Для Артиста я был самый терпеливый и восторженный поклонник его дарования.

С Бароном я, единственный из класса, ходил на городскую математическую олимпиаду. Кроме того, Чернышев занимался боксом, и я был у него вроде се-

кунданта и всячески рекламировал его бицепсы (разве что не кричал: «Посторонитесь, Барон идет!»).

С Медведевым у ребят все-таки случались скрытые размолвки из-за девочек. А я, понимая, что не могу быть ему соперником, служил для Мишки послушным связным и парламентаром в его сложных отношениях с Зиной и Зочкой.

С Пятеркой мы всегда готовились к сочинениям. Кроме того, со мной он меньше чувствовал физическое превосходство ребят.

Ну, а с Ленкой мы учились с первого класса. Старые воспоминания.

Вот так. Но возможно, что это всего лишь мой субъективный взгляд на историю, а если взглянуть правде в лицо, то все было проще и обыкновеннее.

...Обычное зимнее утро. В портфеле — достижения человечества за две тысячи лет, популярно изложенные для учеников девятого класса массовым тиражом.

— Да, мама, шесть уроков, немного погуляю...

За закрывающейся дверью слышны отрывки из правил уличного движения: «Смотри налево, ты рассеян...»

Рекомендованным путем — из подворотни в подворотню, проходными дворами; неторопливо проплыл дядя в шубе, такое лицо было и у адмирала Рождественского при входе в японские моря; баржи домохозяек топают на малых оборотах за топливом для домашних очагов; тщетные попытки милиционера установить правильное пересечение арбатского фарватера; изображая из себя крейсер «Аскольд», иду со скоростью двадцать восемь узлов, элегантно огибая тумбы, углы и встречные посудины. На траверзе родная школа. Залп из всех орудий — и ходу, ходу, минные аппараты к бою, но вроде не видно погони (кто прорвался

во Владивосток? — только «Алмаз»?.. вполне понимаю радость команды), еще несколько узких арбатских проливов (нелепая мысль о возможной засаде, за тем перекрестком — эскадра броненосцев в составе завуча, физика под флагом директора — рецидив страшных историй, слышанных в детстве), и крейсер «Аскольд» на всех парах врывается в мирный порт (Ленькина квартира, родители ушли на работу), где можно спокойно поболтаться на якоре вдали от школьных баталий. Меня приветствует залпом наций (пара дружеских толчков в бок) Сашка Чернышев, наш тяжелый крейсер (школьная кличка Барон).

Теперь, когда нас трое, нам легче будет встречаться на контркурсах с классным руководителем завтра утром. Однако где остальные? Не происки ли это японской разведки? Но вот прибыли и два флагмана нашей эскадры — Мишка (Медведь) и Юрка (Артист). Повторное приветствие залпом наций и обмен любезностями: «Опаздываете? Это что вам, урок?»

Последним приплывает (идя с потушенными огнями даже по лестнице) Пятерка.

Полный сбор. Лучшие ученики девятого «А» коллективно не явились в школу.

Ленька запускает радиолу. Посуда в шкафу сотрясается под бодрые ритмы. Все говорят одновременно и такие веселые, словно уже получили «отлично» за сочинение, которое надо писать в пятницу. Каждый, пытаясь перекричать других, заявляет, что очень хотел бы посмотреть сейчас на Ксению (наш классный руководитель). Планы на ближайшее будущее? Конечно, идем в кино.

Не было с нами того фотографа, который через два года встанет с левой ноги, поругается с женой и за-

будет сдачу в столовой перед тем, как запечатлеть для потомства наши высокоинтеллектуальные лица.

Не было с нами того ученого, который через два столетия получит степень доктора наук за диссертацию «Дружба в двадцатом веке», посвященную нашей компании.

И жаль! Это был наш первый сбор. Ученым и фотографам именно тогда надо было начинать свою работу.

Но, заботясь о будущих историках, я предоставляю в их распоряжение некоторые письменные документы, сохранившиеся у меня с того времени.

«Приказ № 1

Нами замечено, что на втором и третьем уроках Профессор нахально поедает бутерброды, кои распространяют запах зело аппетитный и мешающий простым советским учащимся грызть гранит науки. За систематическое издевательство, которое приводит к напрасной трате желудочного сока у самых светлых умов нашего класса, Профессор приговаривается к регулярной конфискации завтраков на первой перемене.

С приказом ознакомить всех членов компании. Исполнение поручить Пятерке и Артисту.

Начальник опергруппы: *Барон.*

Утверждаю.

Медведь».

«Доводим до сведения общественности, что приказ № 1 выполнен. Конфискованные продукты были честно разделены между Пятеркой, Артистом, Бароном и Звонком и уничтожены (как возмещение морального ущерба) путем принятия внутрь означенными лицами на глазах трепыха-

ющего Профессора (его держали за руки).
Профессору рекомендовано в следующий раз приносить бутерброды с красной или черной икрой. На что Профессором заявлено, что теперь будет посыпать завтрак английской солью. Наше мнение: не решится, хотя за ним нужен контроль.

Группа содействия прогрессу».

«Экстренное сообщение (сов. секретно)

По проверенным агентурным данным, Барон отправился в воскресенье утром на дачу к студентке К. Там он провел целый день. Авторитетные источники утверждают, что, кроме Барона и девицы, на даче никого не было. Вернулся Барон поздно вечером.

Результаты визуального наблюдения: губы перепачканы помадой, глаза блудливо бегают, двусмысленные намеки, мелкий смешок.

ПОСТАНОВИЛИ: одобрить почин *А. Чернышева*».

«Меморандум

Впервые за девять лет Пятерка получил на уроке географии за устный ответ „четыре“ („хорошо“).

Перепуганного учителя отвезли в больницу.

В классе был нервный шок. Пятерку (в состоянии невменяемости) доволокли до парты.

ПОСТАНОВИЛИ: от оргвыводов по преподаванию географии пока воздержаться;

Пятерку морально поддержать».

«Приказ № 12

За последнее время замечено, что ученица 91-й школы Кузенкова Е. Ф., которая длительный период находилась в состоянии дружбы с Леонидом Майоровым, ведет себя недостойно. Так, например, она отказывается от свиданий с Майором под предлогом неотложных семейных дел и в тот же вечер договаривается встретиться с Медведем (попалась на задуманную нами провокацию). Установлено, что Кузенкова Е. Ф. кружит голову Леньке, а сама засматривается на других ребят. На основании вышеизложенного приказываю: девицу Кузенкову Елену Федоровну, русскую, 1936 года рождения, комсомолку, неполн. среднее, исключить из числа наших друзей. Утверждено на общем собрании компании. Начальник опергруппы:

Барон».

«Протокол

совещания (история, второй урок), посвященного вопросу «Как быть с сочинением».

Ребята! Завтра сочинение. Горим, как шведы. Ваши предложения (письменно). Прочти и передай дальше.

Артист».

«Поручить Артисту устроить сольный спектакль. Пусть выучит „Старуху Изергиль“ и продекламирует (музыкальное сопровождение обеспечим).

Авось Илья Михайлович растрогается и отложит на неделю.

Медведь».

«Смешно. Лучше уж завернуться в простыни и ползти к кладбищу, чтобы не создавать паники. От судьбы не уйдешь.

Барон».

«Пустить на самотек. А вдруг напишем? Заготовим шпаргалки. С нами бог и Пятерка.

Майор».

«Бред. Предлагаю собраться у меня. Обязательно будет или „Сердце Данко“, или „Образ матери“. Простудировать. И не отчаиваться. Н. Чернышевскому приходилось труднее: еще не было готовых конспектов.

Пятерка».

«Выход один. Позвонить И. М. женским голосом и назначить свидание. Вдруг клюнет?

Звонок».

«Остряки-самоучки! С вами серьезно, а вы? Есть предложение прислушаться к здравому голосу рассудка (Пятерки) и собраться у него.

Артист».

«Поддерживаю. Собраться у Пятерки и пойти в кафе-мороженое. У меня есть три рубля.

Медведь».

«У Медведя есть еще десятка. Изъять и пустить по назначению.

Барон».

«Хорошая идея. Медведь — старый жмот. А у меня только восемь рэ. Выдано родителями на целую неделю. Но кутить так кутить.

Майор».

«Я — как общество. Но благотворительностью не занимаюсь. Чур, завтра у меня не списывать.

Пятерка».

«Нет в вас романтики. Ладно, идем.

Звонок».

4.

В те далекие времена (вынимаю платок, провожу под глазами, сморкаюсь и смущенно откашливаюсь) у нас были удивительные и странные отношения. Когда после уроков мы оставались вшестером, нам не хотелось расходиться. Мы часами могли ходить по Арбату, обсуждать учителей, одноклассников, предстоящие контрольные, футбол, положение во Франции, «Преступление и наказание» и говорить о самом сокровенном: о будущем, о своих мечтах, о девочках, которых, как нам казалось, мы любим и которые любят нас.

Вшестером мы не могли идти рядом (не позволяли габариты тротуара) и обычно разбивались на тройки и двигались плотной группой, наступая друг другу на ноги и всегда ожесточенно споря, на каком углу поворачивать. Как правило, решал все Медведь. Он останавливался — и все останавливались. Он сворачивал в

переулок — и все сворачивали. Причем всем хотелось идти рядом с Медведем, и разговор всегда перемещался в ту тройку, где был Медведь. Медведь неизменно был в центре, а если вдруг он случайно оказывался с краю, то кто-то немедленно к нему пристраивался, и другой крайний вынужден был уйти назад или вперед. Если Медведь застревал у афиши, никто не двигался дальше. А если отставал кто-нибудь другой (я несколько раз специально проделывал такие опыты!), его никто не ждал. Иногда двое из нас уходили вперед и продолжали какой-нибудь захвативший их спор, и им было приятно сознавать свою независимость, их радовало, что все видят, как им интересно вдвоем, но в то же время оба они незаметно прислушивались к тому, что происходило сзади, где шел Медведь. И когда там, сзади, раздавался особенно громкий смех, они, словно внезапно заинтригованные, останавливались и присоединялись к основной группе.

И в эти моменты мне хотелось, чтобы кто-нибудь из моих знакомых или близких (парни из соседней школы, девочка, с которой я танцевал на вечере, соседка, мама и, конечно, в первую очередь Алла) видел, как я иду в компании высоких, спортивных, веселых ребят, и среди нас такой красивый парень, и это все мои товарищи, и мы очень дружим, и нам очень хорошо вместе, и мы можем так пройти сто раз Арбат, и вообще всю Москву, и вообще десять тысяч километров, и вообще всю жизнь.

Когда мы собирались вечером, то обычно всех обзванивал я, реже Ленька. Все просто знали, что я обязательно позвоню первым, и ждали. Но если, что случалось очень редко, мне звонил Медведь и предлагал собрать всех у «Художественного», то я, конечно, тут

же собирал всех, не упуская возможности в разговоре с каждым из ребят таким ленивым голосом заметить: «Ну, я было хотел дома сидеть, но тут мне позвонил Медведь...»

И если я что-нибудь скрывал от ребят, то только пронзительную мечту: конец школьного вечера, темный двор, несколько уркаганов из другого района придираются к Медведю, вспыхивает драка, все ребята стоят, и тут я (в весе пера) бодро расшвыриваю «королей» улицы, и те смущенно ретируются, и потом, когда ребята в десятый раз обсуждают подробности происшествия, Медведь удивленно говорит: «А Звонок-то как проявил себя! Недаром его Русланом зовут». Пожалуй, я здесь упускаю две детали: темный двор не годится (иначе кто же заметит мое геройское поведение?) и желательное присутствие Аллы. Но последнее, впрочем, естественно.

5.

Как-то в начале осени, насколько мне помнится — на большой перемене, Яша затаскивал каждого из нас по отдельности в угол и, заикаясь, просил поехать с ним в воскресенье на дачу, чтобы перевезти вещи в город.

По-моему, сразу согласился только я один. У остальных нашлась масса неотложных дел. Медведь сказал, что он бы, конечно, с удовольствием, но у него важное деловое свидание, еще на той неделе условился. Барон вспомнил, что ему надо готовиться к городской олимпиаде. Артист очень извинялся, но ему достали контрамарку на утренний спектакль, который он обязательно должен посмотреть. Майор пробормотал что-то неопределенное: конечно, мол, приду, если смогу.

Я приехал к Яше в воскресенье утром и застал его в весьма мрачном настроении. Оказалось, он поругался с родителями. Родители упрекали Пятерку, что всем его товарищам грош цена и что, когда речь заходит о настоящей помощи, их нет. Пятерка в свою очередь пытался доказать, что нечего эксплуатировать даровую рабочую силу.

Мы немного погуляли по опустевшему поселку, и, вероятно под влиянием желтых деревьев, забитых окон — словом, под влиянием ранней осени, которая на всех простых смертных навеивает меланхолию, я рассказал ему про Аллу.

Все ребята, кроме Пятерки, уже знали о моих неудачных попытках познакомиться с этой девочкой. Пятерка, естественно, воспринял мой рассказ со всей свойственной ему серьезностью и даже начал мне что-то советовать. Любопытно было выслушивать советы человека, который до сих пор не приблизился ни к одной девочке ближе чем на пятьдесят метров. Конечно, я просил его сохранить все это между нами, и мы вернулись на его дачу даже несколько растроганные. А на крыльце сидел Ленька Майоров. Можно себе представить наше ликование. Трое — это уже сила. Мы уже могли кое-что сделать. И Пятерка радовался возможности взять реванш у родителей. Но сразу упаковывать вещи не хотелось. Вопрос с машиной оставался открытым. Поэтому мы как-то невольно вернулись к разговору на интимные темы, и он опять же свелся к Алле. Ленька, который с самого начала был в курсе всех моих дел, удивился, что Пятерка уже знает про Аллу (вероятно, вспомнил, сколько клятв я брал у него никому про это не трепать). Так мы сидели втроем на крыльце, пока неизвестно откуда взявшийся огрызок яблока не ударил Пятерку в голову. Мы вскочили и огля-

делись. Мы не успели подойти к забору, как на нас с криками «Банзай!» — бросились Медведь, Барон и Артист.

И опять же никто не подумал сразу собирать и укладывать вещи. Медведь нашел где-то за домом старый мяч, и все принялись гонять в футбол. Через час, когда мы несколько утомнились и снова пошел разговор о том о сем, Пятерка вдруг прервал его и сказал, что, дескать, вы все смеетесь, а тут товарищ пропадает, и ничего зазорного в этом нет, и пускай Руслан всем расскажет про Аллу. Я почувствовал, что краснею, и некоторое время избегал смотреть в глаза Пятерке, ибо сразу же выяснилось, что про Аллу знают все и никакой тайны давно уже нет. Увидев мое смущение, ребята окончательно развеселились.

— Ладно, — сказал Ленька. — Надо помочь Звонку. Давайте организуем нападение. Мы выскочим из подворотни, Руслан будет размахивать руками, мы — послушно падать. Впечатляющее зрелище.

— Может, для правдоподобия я тоже буду с Русланом? — сказал Сашка Чернышев. — Двое против четверых. Все равно эффектно.

— Нет, тогда я не участвую, — сказал Пятерка. — Вдруг Барон захочет отличиться перед Аллой, а я как раз попадусь ему под руку.

— Липа, — сказал Юрка. — Когда-нибудь он нас познакомит с Аллой, и обман раскроется. Звонок, возьми лучше ее на интеллект. Напиши ей письмо.

— Минуточку, — сказал Сашка. — Ты, Артист, по моему, опоздал. Звонок уже написал.

Уставившись на меня взглядом Шерлока Холмса, Барон спросил:

— Верно?

— Да, — ответил я и быстро добавил: — Только оно где-то дома валяется.

Это меня и погубило.

— Держите его! — закричал Медведь.

На меня навалились, и Сашка вытащил из внутреннего кармана моего пиджака незаклеенный конверт. Я сделал последнюю попытку вырвать письмо, но Барон и Медведь крепко взяли меня за руки.

Артист начал читать:

— «Мой мучитель, изверг! Злая, бессердечная гордячка, девочка, которую я должен был бы ненавидеть и продолжаю любить. Каждый раз, когда ты проходишь мимо меня и делаешь вид, что не замечаешь, мне кажется, что я вижу королеву. Я хочу встать на колени, сердце мое разрывается от горечи, но я иду своим путем, беззаботно насвистывая, и только один Бог знает, что происходит в моей груди».

Дальше все шло в том же духе. Юрка не скупился на акценты. Пожалуй, впервые я понял, что у него действительно есть артистические способности.

— Каков стиль! — восхищенно сказал Пятерка.

— Точно подмечено насчет сердца, — сказал Барон, — наверно, это литературная находка.

— И про королеву тонко, — сказал Медведь.

— Что будем делать? — поинтересовался Ленка. — Ведь он может послать. Уничтожим текст?

— Нет, — сказал Сашка. — Раз у Звонка пробудился эпистолярный зуд, он еще напишет.

— Руслан, — спросил Мишка, — ты понимаешь, что сделала бы Алла, получи она такое послание?

Я молчал.

— Медведь тебя еще жалеет, — сказал Барон. — Но, кстати, сама идея неплоха. Вспомни, что говорил русский князь Жюльену Сорелю: «Письма — это один из способов обольстить женщину». Помнишь?

— Помню, — сказал я неуверенно.

— Ребята, — изумился Пятерка, — невежество в наших рядах! Звонок не читал «Красное и черное»!

— Не бейте его, — сказал Саша, — он прочтет. Яша, тащи бумагу, сейчас продиктуем. Тексты должны быть самые нейтральные: о литературе, об искусстве, о погоде, — без единого упоминания о чувствах.

— А когда же про это? — спросил я.

— В письме так двести семьдесят седьмом, — ответил Медведь. — А пока начни просто: «Некоторые размышления по поводу преподавания литературы в нашей школе».

Они начали диктовать мне все то, о чем мы рассуждали во время долгих прогулок по Арбату.

— Несколько однообразно получается. Академично, — заметил Чернышев, прервав диктовку. — Что-нибудь из лирики добавить?

— Пиши, — сказал Пятерка. — «А сколько есть хороших книг! Взять, например, Гейне. Помнишь это стихотворение:

*Когда твоим переулком
Пройти случается мне,
Я радуюсь, дорогая,
Тебя увидев в окне...»*

— Молодец, Яша! — сказал Юрка. — Но надо что-нибудь неизвестное ей. Стоп, ребята, сейчас, кажется, я ее убью! Держу пари, про Джорджа Гордона она никогда не слыхала. Австралийский поэт.

*Любимая, когда с тобой ходили
Рука в руке в неповторимый день...*

— Пиши, пиши, — сказал Чернышев. — Дави ее эрудицией. — Он вдруг мечтательно вздохнул: — Хорошо бы еще древних китайцев.

— Пожалуйста, — сказал Пятерка. — Третий век до нашей эры. Ван Вей.

*День уходит за днем,
Чтобы к старости срок приближать,
Год за годом идет,
Но весна возвратится опять.*

*Насладимся вдвоем,
Есть вино в наших поднятых чашах,
А цветов не жалей,
Им опять предстоит расцвести.*

Тут уж все были потрясены. Ленька осторожно потрогал Пятерку за рукав и сказал:

— Наш, простой человек, а что знает! Энциклопедия! Одно слово — Пятерка!

— Видишь, Мишка, — сказал Барон, — а ты не хотел ехать. Сразу культуры поднабрался.

— Да, — сказал Медведь, — если и дальше пойдет на таком уровне, то Алла будет с Русланом после сорок первого письма.

Мне всегда казалось, что нет более утомительного и нудного занятия, чем складывать в ящик вилки, тарелки, горшки, черепки, выносить старые матрасы, стулья, тумбочки. Но тогда, пожалуй, я мог бы заниматься этим неделю, не переставая. Не только потому, что наши такелажные упражнения сопровождались взрывами смеха, а главным образом потому, что ря-

дом были ребята. Я хватался за самые тяжелые вещи, чуть было не взвалил на себя стол, но Барон останавливал меня: «Звонок, не суетись». Мне даже стало обидно, когда все было собрано, упаковано и вынесено на шоссе.

Однако мы чуть не поплатились за легкомыслие. Яша был уверен, что никто из нас не приедет, и не заказал машины. А редкие воскресные грузовики ни за что не хотели останавливаться. Так мы простояли час. Небо стало темнеть. Мне на нос упало несколько капель. Ленька Майоров первый стал ворчать, что, дескать, фига два сейчас остановишь машину, а все грузовые такси идут по вызову.

Как бы в подтверждение его слов мимо нас, не сбавляя скорости, прошли два грузовика, доверху наполненные дачным скарбом.

— Может, перетащить вещи обратно и уехать? — предложил поникший Пятерка.

Из-за поворота показалось еще одно грузовое такси.

— Бесполезно, — сказал Пятерка, — занято.

Но тут, прежде чем кто-нибудь успел опомниться, Сашка Чернышев вышел на шоссе и спокойно лег поперек него, подняв руку. Грузовик в ужасе взвизгнул тормозами. Шофер и владелец вещей выскочили одновременно. Нам не сразу удалось их успокоить. Дачник, очевидно находясь еще под впечатлением от случившегося, сказал, чтобы мы грузили вещи в машину и что места хватит.

— Только, ребята, в следующий раз не бросайтесь под колеса, ладно? — добавил он с несколько извиняющейся интонацией.

Мне трудно припомнить что-нибудь более веселое, чем наше возвращение в Москву. Потом мы лихо

метались по лестницам, перетаскивая вещи в Яшину квартиру, и его родители смотрели на нас с почтением, а у самого Пятерки было счастливое лицо. Когда мы где-нибудь застревали с громоздким буфетом и Сашка или Мишка кричали на меня, чтоб я подал назад, мне было плевать на то, что они кричали. Я чувствовал, что жить просто прекрасно, потому что я в этот момент делаю с ними одно общее дело.

Кстати, письмо, продиктованное мне, я так и не послал. Яша, когда узнал, даже обиделся. Я его понимаю: пропал ни за что шедевр эпистолярного искусства.

Но увы, я все еще не мог решиться.

6.

Однажды меня и Медведя вызвали к директору школы. Войдя в кабинет, мы заметили, что у стены в кресле сидит капитан милиции. Мы с Мишкой быстро переглянулись и, конечно, одновременно подумали, что грехов за нами нет — была, правда, драка с ребятами из соседней школы, так те первые полезли, и мы были правы, и дело кончилось двумя разбитыми носами (по носу на каждую враждующую сторону), при чем же тут милиция? Но директор осторожно начал, что, дескать, есть такое мнение — привлечь вас к работе бригадмила, ребята вы сознательные, проверенные, работа нетрудная: ходить с сотрудниками по улицам да изредка дежурить у кинотеатров. Потом капитан милиции, обращаясь к нам уважительно, как к взрослым (странно было слышать такой разговор в кабинете, где нам обычно читали только нотации), рассказал внятно и доходчиво, что быть членом бригадмила — почетная обязанность каждого советского человека.

Я тут же сказал, что мы согласны (Мишка даже рта не успел раскрыть), но считаю своим долгом рекомендовать еще четверых. И назвал фамилии ребят.

— Вы уверены, что они пойдут? — поинтересовался капитан.

— Разумеется, — бодро ответил я. — Мы одна компания, куда один, туда все.

Директор одобрительно кивнул. Мы вышли.

— По-моему, здорово, — сказал я, когда мы поднимались по лестнице.

Мишка остановился, сумрачно взглянул на меня сверху вниз и сказал по моему адресу несколько слов, которые я не решаюсь здесь воспроизвести.

— В следующий раз будь добр отвечать только за себя одного, — добавил он, — а то из-за тебя, идиота, мы все теперь влипли. Бригадмилыцы нужны только для того, чтобы выступить свидетелями на суде. Ты этого не знаешь, а я знаю. У меня сосед в бригадмиле. Его уже два раза избивала шпана.

В классе я сидел подавленный. Впервые на меня наорал Медведь, да еще, как мне казалось, несправедливо. Я понимал, что, конечно, не из боязни шпаны Медведь не хочет вступать в бригадмил. Это отпадало начисто. Но тогда почему? Не хочет лишней нагрузки? Действительно, он как-то жаловался, что комитет комсомола и волейбольная команда отнимают много времени. А как ни говори, десятый класс. Надо вытягивать на медаль. Может, Медведь возмутился, что я решил за него и за всех ребят? Но мне казалось, что будет очень здорово всем нам ходить по улицам, спасая простых граждан от таинственных опасностей. Мне уже мерещились ожесточенные стычки с хулиганьем, где мы, конечно, одерживаем верх, и другие, пока еще не-

ясные подвиги, которые потрясут общественность всего района и о них будет написано в газетах, что, дескать, есть такие дружные ребята, смелые и решительные, и про нас будут говорить во всех школах, и в Аллиной школе тоже.

Все мы росли во время войны, мечтали бежать на фронт и там убить как можно больше фашистов. В детстве мы завидовали своим старшим братьям, которые ходили в военной форме, — короче, преклонялись перед всем, что было связано с армией. Когда капитан милиции сказал, что в скором времени бригадмилльцев, вероятно, оденут в особую форму, а наиболее отличившимся, возможно, дадут и оружие, тут мне разом припомнились все детские мечты, и, как только капитан на секунду замолк, чтобы набрать воздуха для следующей фразы, я сразу закричал, что мы согласны.

Но что делать с ребятами? Если Медведь скажет «нет», я окажусь в глупейшем положении. Надо срочно начать интриги.

С кого же я должен был начинать? Пожалуй, прежде всего надо было склонить на свою сторону Барона. «Официально» главным у нас считался Медведь, но фактически вершил всем Чернышев.

На мое счастье, на первой же перемене Медведя вызвали в комитет комсомола, а я занялся обработкой Чернышева. Надо было представить дело так, будто я просто вспомнил, что Барон как-то говорил: дескать, было бы неплохо вступить в бригадмил. Может быть, он прямо так и не говорил, но, во всяком случае, намекал. Словом, это была идея Чернышева, а я просто неосторожно, по якобы свойственной мне глупости, высказал эту идею вслух. Моя уловка удалась, и Черны-

шев сказал: «Правильно, какие могут быть еще разговоры».

Во время следующего урока я подсел к Леньке. Я напомнил ему, что у него были особые счета с ребятами из соседней школы, ведь они разбили нос именно ему, — теперь появилась реальная возможность с ними сквитаться. После некоторого раздумья Ленька одобрил мой замысел.

Тут кончились уроки, и мы вышли на улицу. Мне важно было рассказать ребятам о случившемся раньше, чем это сделает Медведь. Естественно, о предварительных переговорах с Ленькой и Сашкой я умолчал. Изобразив на своем лице виноватую улыбку, поминутно каюсь и извиняюсь, я представил дело так, что, дескать, ребята всегда хотели вступить в бригадмил, а моя ошибка лишь в том, что я поспешил расписаться за всех, ну, бейте меня, ребята, ругайте, Медведь мне уже выдал, я, братцы, дурак, сам это знаю.

Барон и Майор меня тут же поддержали, причем так решительно, что с ними моментально согласились Артист и Пятерка.

Медведь неожиданно для себя вдруг оказался в одиночестве. Но для него я подготовил «благородный» путь к отступлению. Он быстро сообразил, что к чему.

— Кто спорит? — сказал Медведь. — Идея хорошая, но меня раздражает, когда Звонок вылезает вперед и начинает кричать за всех. Надо же сначала посоветоваться!

Конечно, все с ним согласились и накинулись на меня, а я клялся, что это никогда не повторится, а про себя, конечно, торжествовал.

За работу в бригадмиле мы взялись рьяно, но воспоминания о ней остались у нас самые жидкие: где-то

мы кого-то задержали, однажды помогли поймать спекулянтку, как-то разогнали дерущихся на Суворовском бульваре — вот и все наши подвиги. Мы вовсе не отлынивали от дежурств, а патрулируя вечером по улицам, вовсе не старались держаться поближе к фонарям, нет, я повторяю, рвения с нашей стороны было хоть отбавляй, да и капитан милиции (Иван Иванович его звали) оказался человеком на редкость симпатичным. Но вся беда была в том (как я теперь понимаю), что Иван Иванович просто не знал, что с нами делать. Указаний насчет дальнейшей работы с бригадмилльцами не поступало, о форме и оружии не могло быть и речи, наоборот, ходили слухи, что, дескать, надо бы все это спустить на тормозах. А на шее у капитана оказалось шесть школьникова — еще одна причина для головной боли. Служба в милиции нелегкая, в течение дня капитану и так доставалось, а тут еще к вечеру появлялись мы, и он должен был мучиться над проблемой, что бы такое для нас придумать, куда бы нас послать с таким расчетом, чтобы у него была полная гарантия, что с нами ничего страшного не произойдет, да и мы сами ничего не натворим. Уж не знаю, как бы он дальше поддерживал наш боевой дух, но пришел март 1953-го, будущее бригадмила временно перестало интересовать капитана, да и нам до окончания школы остались считанные месяцы.

Впрочем, об одном нашем дежурстве мне хотелось бы рассказать.

Мы стояли у кинотеатра «Художественный». В двадцать один час там устроили закрытый сеанс по специальным пропускам. Но накануне администрация ничего не знала и продавала билеты в обычном порядке. Люди, купившие билеты заранее и пришед-

шие в кино, неожиданно натыкались на наш кордон. Естественно, возмущению их не было предела. Кроме счастливых обладателей бесплатных пропусков и неудачников с недействительными билетами вход в кинотеатр атаквали еще и «зайцы» различных возрастов и мастей, мечтавшие проникнуть на таинственный сеанс.

Можете себе представить, какая получилась заваруха. Наш капитан Иван Иванович метался где-то у касс. Как выяснилось впоследствии, утром ему позвонил кто-то «сверху» и тихим голосом сказал два-три слова, после чего Иван Иванович кричал на всех, да и к вечеру не мог успокоиться. Нас он тоже не миловал, хотя мы вроде ничем не провинились. Несколько раз мы вместе с тремя контролерами и пожилым милицейским сержантом сдерживали дружный натиск толпы, действовавшей по принципу «жми, Вася, авось кто-нибудь проскочит». Меня дважды обозвали хамом и мерзавцем, одна бойкая женщина поцарапала мне лицо, а трое рослых «зайцев» в надвинутых на глаза кепочках пообещали встретить меня, когда я выйду из кинотеатра.

Только что мы отбили очередной «девятый вал» и я вконец озверел, как передо мной вдруг возник толстенный старичок (мишень для трамвайных склок — в шляпе и в очках), который сунул мне в нос недействительный билет и двинулся дальше, словно прогуливаясь по бульвару.

— Стоп, папаша, — схватил я его за руку. — Приходите завтра, будет детский утренник.

— Сопляк! — завопил старик неожиданно громким голосом. — Мальчишка! Читать разучился! У меня же билет на этот сеанс.

Я уже раз восемьсот объяснял все подробно и вежливо, а сейчас не хватило терпения.

— Недействителен ваш билет, — сказал я. — Чеши, папаша, иди домой спать!

— Как ты смеешь так со мной разговаривать! Я доцент!

Толпа отбросила нас в угол, и старик попытался вырваться.

— Доцент или профессор, сказано — не пройдешь, и точка!

Я не выпускал его руки. Тогда он резко толкнул меня, я на секунду потерял равновесие, а он скользнул к двери.

— Сашка, — крикнул я, — держи доцента!

Барон принял его на корпус, доцент отлетел назад и наверняка упал бы, если бы его не подхватила толпа.

До начала сеанса оставалось всего три минуты, и тут началось такое, что я сразу забыл про доцента и вспомнил о нем только через четверть часа, когда все более или менее улеглось. Старик вертел в руках пустую оправу от очков и громко говорил, показывая в нашу сторону:

— Вот оно, молодое поколение! Дай им власть, они такое натворят! Им бы еще оружие и форму! С интеллигенцией было бы покончено в два счета!

Я дико возмутился. Мы тут находимся при исполнении служебных обязанностей, мы выполняем приказ, а нас оскорбляют! Да еще какие-то подозрительные речи произносят! Но хорошо, что мы не одни. Хорошо, что рядом капитан. Он сейчас распорядится!

Однако капитан сделал вид, что ничего не слышал. Он быстро увел нас в вестибюль, откуда мы про-

шли на балкон, где нам были оставлены места — награда за доблестное дежурство.

И сейчас, много лет спустя, мне часто приходит на память этот эпизод. Я вспоминаю напор кричащей толпы, разгневанные, потные лица, казавшиеся мне одинаковыми, вспоминаю, в каком я сам был состоянии, и думаю: как все-таки нам повезло, что с нами был Иван Иванович, умный, тактичный капитан, понимавший нечто такое, чего мы тогда еще не понимали.

7,

«Кошка сдохла, хвост облез, кто промолвит слово — тот ее и съест».

Это предупреждение, написанное аршинными буквами на обороте плаката, призывающего всех на выборы, прикреплено кнопками над письменным столом в Ленькиной комнате.

За столом, подперев голову руками, неподвижный, как могильное надгробье, сидит Пятерка. Лицо закрыто ладонями, спина сгорблена, взгляд прикован к страницам раскрытой книги. Лучшей модели не найти для памятника какому-нибудь монаху, замаливающему грехи человечества.

За круглым столом в середине комнаты напротив друг друга сидят Майор и Медведь. Оба лихорадочно что-то выписывают из книг, разложенных на столе. Постороннему при взгляде на них может показаться, что надвигается какая-то мировая катастрофа, вот-вот все взлетит в воздух и ребята пытаются отыскать ключ к спасению в оставшиеся полчаса. Если они случайно встречаются взглядами, то смотрят друг на друга, как классовые враги.

В кресле с книгой на коленях, откинувшись на спинку, закатив глаза к потолку, сидит Артист. Его унылое лицо и руки, безвольно раскачивающиеся, почти достающие до пола, усиливают впечатление всеобщего горя (у всех умерло по двоюродному брату) или грядущих катаклизмов.

И только Барон, разлегшийся на диване и небрежно перелистывающий учебник, словно страницы романа про шпионов, напоминает иностранца, случайно попавшего в страну, на которую напали татаро-монголы, но ему, иностранцу, все это до лампочки, потому что у него дипломатический паспорт и валюта в швейцарском банке.

Я сижу у окна и смотрю, как город погружается в майские сумерки. Хорошо бы сейчас прошвырнуться по улице или посидеть на темной скамейке бульвара с девочкой, которая только что согласилась дружить с тобой до гробовой доски.

— Май — пора влюбленных, — говорю я и тут же закрываю голову руками, потому что с дивана в меня летит подушка, а с круглого стола толстая тетрадь и учебник.

И только Юрка по-прежнему невозмутим в своей тоске по одновременно умершим двоюродным братьям да Пятерка продолжает позировать для могильного надгробья.

Тихо открывается дверь, и входит Ленькина мать. Она ступает неслышно, как медсестра в палате тяжелобольных. Она ставит на тумбочку противень с чем-то дымящимся и аппетитным и, потупив глаза, удаляется на цыпочках.

Никто не поднял головы, не обернулся. Слышен лишь скрип перьев с круглого стола.

Проходит минут десять.

— Что это? — спрашивает, не спуская взгляда с потолка, Юрка голосом, каким убитые горем родственники осведомляются: «Что, уже похоронили?»

Молчание. Через пять минут Ленька, взглянув на Медведя, как Каракозов на Александра II, глухо роняет:

— Жареный гусь.

Иностранец с дивана, не отрываясь от авантюрного романа, так, словно только для себя, но весьма внятно произносит:

— Пива к нему бы неплохо.

Со стороны письменного стола голос статуи командора уточняет:

— Магазин через полчаса закроется.

И опять только скрип перьев. Но вот и новые звуки. Снизу, с Ленькиного двора, все явственнее доносится мелодия «Цветущего мая». Там завели радиолу. Там каждый вечер устраивают танцы. Мелодия все нарастает.

Медведь вскакивает. С ним истерика:

— Черт знает что! Опять завели. На полную мощь. Совести у них нет. Безобразие. — И уже спокойно добавляет: — Пошли.

— А пиво? — кричит Барон.

Но все уже выгребают мелочь из карманов.

Потом танцы до двенадцати. Потом уничтожается гусь, а в перерывах между едой каждый делает доклад. Дело в том, что все уже бегло прочли по разу учебник, но весь материал, в полном объеме, разбит на шесть частей.

Давно решено, что все выучить невозможно, и каждый, изучив только одну шестую материала, подробно

рассказывает ее остальным в ночь перед экзаменом. Но обычно часам к трем ночи подробности нас интересуют все меньше и меньше.

К примеру, экзамен по истории России.

Первым докладывал Артист, и его досконально выспрашивали о количестве пленных под Измаилом и фаворитах Екатерины Второй, да еще требовали число и месяц разгрома войск Пугачева полками Михельсона.

Однако когда дело дошло до Пятерки (он был последним), то уже разговор шел такой.

— Какое там взятие Казани? Кого это интересует? Кто это запомнит? Что мы, шизики? Ты нам скажи точно: был Иван Грозный? Был? Ну, слава богу. Дата рождения и смерти? Отлично. Перешли к Годунову... Какая еще опричнина? Ты что, спятил?

И дальше разговор сам собой сползал на счастливые билеты, на добрых экзаменаторов и прочие соблазнительные темы. К четырем утра все как-то устранивались на кровати, диване, сдвигали стулья и тут же засыпали, исключая Артиста, который сидел за столом, и уж непонятно, что он пытался еще заучивать. Вероятно, дело было просто в принципе: не сплю ночь перед экзаменом — и все.

Перед самым экзаменом утром Медведь обычно впадал в транс и на все вопросы бормотал какое-нибудь слово вроде: «Африка, Африка!» Ленька до последней минуты листал учебник. Артист (он всегда на экзамен приходил в пиджаке) распахивал по карманам книги и тетради, хотя обычно учителя были бдительны и воспользоваться натальной библиотекой не представлялось возможности. Мы с Пятеркой говорили только про женщин и международное, а Барон, даже

сидя в классе, решал какой-нибудь шахматный этюд на странице «Советского спорта».

И конечно, никто не уходил из школы, пока последний из наших ребят не сдавал экзамена.

Но меня удивляло, что часто ребята ждали, пока «отмучается» последний из нашего класса. Я считал, что главное — мы, плевать на остальных. Но мои «аристократические» замашки обычно не принимались во внимание.

В своих воспоминаниях я забежал несколько вперед. Итак, снова вернемся к осени десятого класса.

Маленькая комната девочки Нины. Родители придут в одиннадцать. Зная, что Нина устраивает вечеринку, мы купили две бутылки портвейна («Три семерки») и банку рыбных консервов (щука в томате), девочки приготовили мясной салат.

Все мы шестеро сидим за столом. Нина, Катя, незнакомый мальчик Толя, Ленька (инициатор этой вечеринки, долго готовил мне сюрприз) и Алла.

Первая наша официальная встреча. По-моему, присутствующие все про меня знают, но ведут себя тактично. Узнав, что Нина ставит какую-то пластинку (это любимая пластинка Аллы), я слушаю ее, как симфонию Бетховена, вздрагивая, качая в такт головой, прикрывая глаза рукой.

Потом, когда пластинку снимают, внимание присутствующих сосредоточивается на рюмках (уговоры выпить хотя бы по одной, а девочки, особенно Нина и Катя, пытаются налить себе лимонад) и на остатках салата и костей щуки (тут уж никого уговаривать не приходится).

Все хотят веселиться. Но как? Застольная беседа? О чем? И здесь уж приходится работать мне. Оправдываю свое прозвище Звонок.

Конечно, эффектнее было бы, если бы кто-нибудь рассказывал байки, а я с демоническим видом сидел в углу. Старое правило: молчит — значит, умный. Но никто не рассказывает ничего смешного. А я не могу молчать. Если я иду с кем-нибудь вдвоем и товарищ набирает в рот воды, я начинаю болтать. Мне кажется, нелепо идти и молча глазеть по сторонам. Надо разговаривать. Почему надо — неизвестно, но надо.

А тут шесть человек. И я стараюсь. Тема разговоров — мои ребята. Разные веселые случаи.

Кажется, мое сольное выступление имеет успех. Все слушают внимательно и смеются там, где надо. Кроме Аллы. Она вроде относится скептически ко всем моим басням. А может, мне только кажется? Впрочем, один раз и она заинтересовалась:

— Тот, кого вы называете Медведем, такой черный, высокий?

— Да, — говорю я, — красивый парень.

И тут же прибавляю несколько новелл о Мишкиных подвигах. Алла скептически усмехается. Что ж, тем лучше. Я же не соперник Медведю.

Ставят пластинку «Зачем смеяться, если сердцу больно». Я гляжу на Аллу испепеляющим взглядом.

Потом танцы. Я танцую с Аллой. На расстоянии вытянутых рук (обнять — не может быть и речи) веду ее почтительно, но прилагая максимум усилий, словно двигаю стеклянный шкаф.

Один раз на вечере в ее школе я видел, как она танцует. Танцует она здорово. Но сегодня ей крупно «повезло» с партнером.

Я чувствую, что она на меня злится. Все сильнее и сильнее. За то, что я плохо танцую. За то, что я всем демонстрирую, как я люблю ее и как страдаю. За то, что с умным видом говорю глупости. И просто так, без причины, как умеют злиться только очень молодые, красивые и самоуверенные девушки.

И в этот момент я понял, что, еще не сказав ни слова, не начав объяснения, ничего не сделав, я проиграл, проиграл безнадежно. Но одно дело — понять. Это еще ничего не значит. Человек — крупный специалист по созданию иллюзий.

Потом было все. И объяснение, и ее покровительственная улыбка, и серьезные мысли о самоубийстве, и болезнь (честное слово, настоящая болезнь, с высокой температурой и бредом; врачи говорили — ангина, я один знал правильный диагноз), и постыдное существование в качестве так называемого друга Аллы, точнее, пажа. Было еще очень многое, и кое-что я, наверно, еще расскажу. Но в тот момент, при первой нашей официальной встрече, я понял, что все будет плохо. Правда, я тогда не знал всего, что будет. И может, если бы какая-нибудь фантастическая машина перенесла на много лет в будущее, то я увидел бы такую сцену.

Я, грязный, потный, в промасленной спецовке, выхожу из магазина с Колькой и Петькой. Сегодня опять подхалтурили, купили бутылку на троих, а Петька набрался еще с утра. И вот мы выходим на шоссе и что-то весело говорим, и вдруг скрип тормозов, и у обочины рядом с нами останавливается «москвич», и за рулем сидит Алла.

«Привет», — говорит она.

«Привет», — говорю я.

«Ну, как жизнь?» — говорит она.

«В порядке», — говорю я.

«Ну, привет», — говорит она.

«Привет», — говорю я.

И ребята смотрят на меня как ошпаренные (такая девочка, думают они, и как одета, бывают же счастливицы, которые с ней, но она не для нас, дочь или жена академика... или сама мотается по заграницам, но такая девочка, откуда Руслан ее знает, наверно, делал профилактику машины у ее отца, но все равно ему повезло, такая девочка!). Вот что они думают, хотя молчат, но я-то их знаю. И мы идем на станцию, потому что надо менять колеса одному частнику, и говорим: хорошо, что успели в магазин, а Петька дурак, что пьет с утра, так загнуться можно.

«Ничего, пройдет, — говорит Петька. — Ну, а все-таки, кто эта девочка?»

«Эта? — Я невольно делаю паузу. — Моя бывшая жена».

8.

Вот идет высокая, очень стройная, очень молодая девушка. Вы отмечаете про себя, что она здорово одета и ноги у нее прямые, чулки дорогие, капроновые, туфли на высоких каблуках. Она прямо и уверенно глядит перед собой своими невинными голубыми глазами. Она прошла мимо, и десятки мыслей проносятся в вашей голове. Вам представляется, что она спешит на веселую вечеринку или, может, романтическое свидание в парке, у клумбы гладиолусов. Или просто идут воспоминания, как говорится, давно прошедших лет, и вы, старый, больной человек, смотрите вслед этой девушке и думаете: вот так идет молодость. И много хоро-

ших чувств пробуждает в вас эта случайная встреча. Отлично, теперь продолжайте свой путь. Не вздумайте следовать за девушкой. Иначе могут пропасть и романтика, и красота. Вдруг девушка проведет весь вечер в душном зале, где будет скучно и нудно танцевать польку-бабочку под оркестр пожарников? Ей-богу, ступайте лучше своей дорогой, с вас вполне достаточно, что вы вдохновились появлением прекрасной незнакомки.

Но в семнадцать лет я не знал всего этого, и что мне только не представлялось, когда вечером Алла, рядная и взволнованная, спешила куда-то из дому. Какие только кошмары не снились мне потом по ночам!

А сколько страдания мне приносили совершенно невинные вещи — например, обещание Аллы зайти ко мне днем домой. Ей это нужно, должен помочь по истории.

У меня уже заготовлен легкий, небрежный разговор (в меру остроумный, но с намеками) и раскрыты нужные страницы книг. Ждешь. Через два часа уходишь на улицу (дверь не запираешь, на столе записка). Через полчаса возвращаешься, подходишь к собственной двери. Сердце попеременно ударяет то в пятки, то в затылок. Естественно, никого. Твердо решаешь послать все к черту. Но через двадцать минут звонишь. Аллы нет дома. Ждешь. Вздрагиваешь, когда хлопает дверь на лестнице. Берешь себя в руки: всё, пора рвать, хватит терпеть издевательства.

На следующий день, взмыленный, прибегаешь после уроков. Ждешь. Потом приходишь к выводу: всё кончено. Если придет, извинишься и вежливо выпроводишь. Баста! И никогда не будешь звонить и никогда не будешь встречаться.

На третий день ползаешь по стене. Звонишь. Алла у телефона. Привет, привет! Шутливый упрек: дескать, так тебе и надо. Она разговаривает как ни в чем не бывало. Опять она победила.

На рынке в Коптеве я купил заезженную пластинку «Зачем?». Кручу ее с утра до вечера. Серьезная классическая музыка меня уже не интересуется.

И так проходит зима, и на весенних бульварах гуляют парочки, и в темных аллеях целуются, а ты уже плюнул на медаль (какая медаль, если вытягиваешь только на четверки; люди грызут науку, ты же раскрываешь книгу, а глаза в потолок!). Что будет впереди? Хорошо, что есть ребята. Хорошо бы нам поступить в один вуз. Но вряд ли. Всех тянет в разные места. Неужели мы так и разбежимся? И кончится наша дружба? Не может этого быть. Как они мне нужны все! А кем ты хочешь стать? Не знаешь. Всё смутно.

А в голове звучит приторный голос певицы: «Зачем смеяться, если сердцу горько?» Смеяться полезно, физиология, а сердцу не может быть горько, это просто насос для перекачки крови. Оно не может ничего чувствовать. Медицина. Факт. «Зачем встречаться, если ты грустишь со мной?» Это так модно и так романтично. Печорин с дьявольской усмешкой. Не просто Руслан Звонков, десятиклассник, не примечательный ни в каком отношении, а юноша с прошлым. «Зачем играть в любовь и увлекаться, когда ты день и ночь мечтаешь о другой?» Ну, если танцевать лихо на вечерах с незнакомыми школьницами, назначать им свидания и вдруг не приходиться в условленный час называется играть в любовь, то пожалуйста. А насчет «дня и ночи», то ведь когда-нибудь, лет через сто, за семейным обедом я, почтенный муж и отец,

должен же заявить нравоучительным тоном: «Семнадцать лет — возраст... гм... понимаю. Помнится, я сам...»

А впрочем, еще никто не знает, что будет в будущем. Лет через сто станешь генералом или профессором, всеобщий почет и уважение. И тогда никто не вспомнит, что ты когда-то был маленьким и некрасивым мальчиком, и вообще... Но это будет лет через сто. А сейчас? Нам ли ходить и вздыхать о красивых девушках? Зачем?

Классическая обстановка для свидания влюбленных. Двенадцать ночи, пустое парадное, тусклая лампочка (но ее вполне достаточно, чтобы различать выражение лица собеседника). Алла и я. И впервые я чувствую: всё, что я говорю, интересно для Аллы и она ждет каждого моего слова. И я не смотрю на нее умоляющими глазами, не заикаюсь. Я бодр и находчив, независим и остроумен.

А л л а. Руслан, а почему именно вы мне это говорите?

Я. А почему бы нет? Мишка — мой друг, вы ему нравитесь, и он нравится вам, не качайте головой, я же все знаю.

А л л а. Допустим. А как же вы сами?

Я (*небрежно*). Подумаешь, я вас любил, возможно, еще кое-что и осталось, но это юношеское увлечение, с кем не бывает. А надо мыслить реально. И потом, ради товарища я на все готов. Завтра в семь Мишка ждет вас у памятника Гоголю.

А л л а. Руслан, вы серьезно?

Я. Ничего себе, нашел время шутить. На что я могу рассчитывать? Предложить вам дружбу до гроба? Сделать вам официальное предложение? Не пожимай-

те плечами, я и так догадываюсь, что вы не сгораете от безумного желания целоваться со мной. (Алла смеется.) А тут, я вижу, два человека, словно созданных друг для друга, тихо страдают... Ладно, ладно, это я не про вас, а про Медведя, и нечего хихикать.

А л л а. Руслан, признаться, я первый раз встречаю такого парня, как вы.

Я. То ли еще будет. У вас жизнь впереди. А мне лично последнее время нравится ваша подруга Катя.

А л л а. Я боялась, что вы будете устраивать мне сцены, а теперь... Честно говоря, Руслан, вы мне нравитесь, ну, не так, а просто как хороший парень.

Я. Я вообще человек со странностями.

А л л а. Ладно, передайте Мише, что я, может быть, приду. Но чтоб он не задира л нос.

Я. Что вы, он такой скромный мальчик.

А л л а. Руслан, вы очень хороший.

Я. Приятно. Первые добрые слова. Если когда-нибудь вам будет плохо, Алла, я, как старый товарищ, к вашим услугам.

А л л а. А вы веселый парень. До свидания, Руслан. Мы обмениваемся церемонным рукопожатием.

Я иду по ночному бульвару, чистому и пустому, словно после наводнения; жизнерадостная мелодия звучит в моей голове, под эту мелодию мы с Аллой миллион раз танцевали в моем воображении, и все ее мальчишки, и мои соседи, и ее подруга Катя смотрели, пораженные, на нас; или нет, еще лучше, на всех танцевальных вечерах Алла отказывала всем красавцам района, и те, пристыженные, расплзались по углам, а она (бух, бах, таррарах, я в костюме королевских пиратов, со шпагой на боку: дорогу, идет Руслан Звонков)... а она танцевала только со мной; или нет, еще лучше, к

школе (последний экзамен за десятый класс) подъезжает «ЗИЛ», и оттуда (торжественная линейка учеников плюс педсовет) небрежно и вразвалочку выходит Руслан Звонков под руку с Аллой: «Привет, Пятерка, мы решили пожениться, можешь поздравить...» Интеллигентная старуха (теперь ночной сторож на бульваре) погрузилась в сладкие воспоминания прошлого (а может, в подсчет денег, вырученных на штрафах); молодец Руслан, сила воли, железная выдержка, таких берут в разведку... Если бы еще Алла вела себя иначе, если бы у нее задрожали губы, если бы она прошептала: «Не надо, я поняла, я люблю только вас, не хочу никаких свиданий с Медведем» (последний шанс, ты еще на что-то надеялся, признайся!). Поливальные машины на крыльях водяных струй, чем не сказочные существа... привет, зачем хулиганить, ничего, принял легкий душ, полезно... переулок как движущаяся сцена, лучи прожектора выхватывают некоторые эпизоды: вот Руслан Звонков вместе с Пятеркой на фоне тайги (бутафорские деревья, картонные камни) открывают месторождение золота; вот Руслан Звонков в большом кабинете (замминистра, красивая секретарша) вызывает на ковер Медведева: «Миша, не надо слов, я тебя перевожу в Москву, назначаю своим референтом»; вот в «Правде» два портрета крупнейших физиков-лауреатов — Александра Чернышева и Руслана Звонкова; вот волейбольный матч на первенство Союза, финальная встреча, смотрите, какие пасы дает Майорову третий номер Звонков; а вот и подмостки настоящего театра, актеры раскланиваются, в главных ролях Бутенко и Звонков, не надо аплодисментов, ведь единственный зритель — Алла — уже давно дома, репетирует у зеркала завтрашнюю встречу в семь у памятника Гоголю...

Вот твой дом с облезлой штукатуркой, вот несколько стершихся ступенек, вот твоя дверь (улица — выставка огромных шкафов, все разложено по полочкам, сейчас раскроется дверца твоего ящика, и ты будешь пристроен и занесен в карточку под определенным номером)... Спектакль окончен, Руслан Звонков уходит со сцены, надеюсь, человеком взрослым и реально мыслящим.

Часть вторая

1.

На фанерной доске новые надписи: «Медведь-лицемер», «При мизере самое главное — отдать ход играющему. Р. Звонков», «Не умеешь — не садись». А так все то же самое. Прокуренная комната. Изобразив на своих лицах энтузиазм («Привет, Барон, хорошо, что пришел»), ребята опять уткнулись в карты.

— Семь первых!

— Семь вторых!

— Семь вторых мои.

— Сольные выступления Звонка!

Торговались Звонков и Медведь. Артист сдавал, а Пятерка сказал «пас», но таким тоном, что на месте играющих Чернышев особенно не зарывался бы. А может, это просто — психологическая война?

Чернышев придвинул к себе «пулю». Так и есть, опять Звонков подзалетает. Последняя надпись явно посвящена ему: «Не умеешь — не садись».

— Игра теряет смысл, — сказал Чернышев. — Может, прерветесь?

— Подожди, Барон, мне надо отыгаться, — сказал Звонков.

— Подожди, — сказал Медведь. — Еще полчаса. Как бы не так. Он знает эти полчаса.

В игре было что-то интригующее. Даже он с интересом наблюдал. И на лицах ребят взрослое, настороженное, незнакомое ему раньше выражение. И эти остроты типа: «Туз, он и в Африке туз». Если карта «не приходила», Мишка говорил: «А любовь девичья не приходит, нет». Понахватались жаргончика.

И так они сидят почти каждый вечер!

Медведь опять сдал карты. Чернышев быстро смешал их.

Теперь все четверо смотрели на него. Обиженно и недоумевающе.

— Хватит, — сказал Чернышев. — Лучше бы на каток ходили. Полезнее. А то как старики. Вам что, делать нечего? Ей-богу, в жизни не видал таких кретинов. Я, между прочим, говорю вполне серьезно. Через несколько лет у вас притупится память и соображать будете не так быстро. А что вы приобретете? Знание некоторых карточных комбинаций? Тебе, например, Звонок, изучить английский было бы гораздо полезнее.

Он явно провоцировал ребят. Лучше ссора, чем продолжение игры. По Мишкиному лицу было видно, что он вот-вот вспылит.

— Как излагает! — сказал Пятерка. — Приятно общнуться с целеустремленным человеком.

Медведь собрал карты и начал тасовать.

— Саша, не надо текстов, — сказал Юрка. — Советские студенты имеют право на культурный отдых. В конституции записано.

Медведь стал сдавать.

— Ну, хоть прервитесь на пять минут! Расскажите, как живете! Я вас целый месяц не видел. Думаете, мне

приятно читать вам мораль? — взмолился Чернышев, понимая, что вряд ли он чего-нибудь добьется.

— Живем, как Днепр, — ревом и стонем, — сказал Юрка.

— Семь первых, — сказал Медведь.

— Интеллект против фарта бессилён. Бери, — сказал Пятерка. — Знаешь, Сашка, Медведю дико прет последнее время. В прошлый раз подряд две девятерных сыграл.

— Привет, — сказал Чернышев. — Я пошел. А где Ленька?

— Шляется где-то. На той неделе играл с нами, — сказал Пятерка.

— Исчерпывающая информация. Привет.

— Стой, ребята, — сказал Медведь, — проводим Барона.

— Нет уж, без демонстраций. Валяйте в том же духе. Здорово обогащает.

Все-таки ребята встали, проводили его до двери и даже несколько виновато пожали ему руку. Но Чернышев видел, что они в общем рады его уходу.

Он шел по улице и ругал себя за потерянный вечер. Он пожертвовал библиотекой, он так хотел увидеть ребят, рассказать новости. Знают ли они, чем он сейчас занимается? Хотелось похвастаться, и не удалось. Это его обидело? Нет. В прошлом году они собирались так же часто, как и в школе. Было очень интересно. А сейчас? Тоже мне, товарищи! Картежники!

Наука, его наука, которой он твердо решил посвятить всю свою жизнь, после двух лет обучения на физмате уже была ясна ему в общих контурах. Он кое-что знал и понимал, что Эйнштейном ему не стать, но для того, чтобы достигнуть, например, уровня академика

(теоретически это возможно), нужны десятки лет напряженного труда, шестнадцатичасовой рабочий день, плюс ясная голова, плюс определенный талант. Он надеялся, что хоть какая-то одаренность (скромно) у него есть. Одержимость, желание погрызть науку — это у него, во всяком случае, было, и Чернышев считал, что только космическая катастрофа может отвлечь его от намеченной цели.

Наиболее выдающиеся математические открытия делались учеными в возрасте двадцати лет, пока у человека сохраняется свежесть мышления, пока еще хватает наглости сомневаться в незыблемости математических истин: скажем, действительно ли дважды два — четыре? Потом, с годами, уму, обремененному тоннами аксиом, все труднее отходить от них. В дальнейшем человек может блестяще разрабатывать теории, развивать, связывать с практикой, то есть заниматься очень важной и полезной работой, но эти теории в основе, в зерне своем, создавались двадцатилетними. Чернышев знал это и ждал своего часа.

Но в этот вечер его приключения еще не кончились.

Не доходя до Арбатской площади, он встретил девушку («Очень красивая, — отметила та часть его мозга, которая не участвовала в размышлениях о судьбах математики, — повезет же тому, кто на такой женится»), и вдруг эта девушка улыбнулась ему и сказала: «Привет», — а он автоматически ответил, потом удивился, потом оглянулся, потом вспомнил, что это Алла, та самая, в которую был безнадежно влюблен Звонк и с которой одно время встречался Медведь, но так ничего и не добился, и они как-то разбежались в разные стороны. И тут же мозг великого человека —

все миллионы нервных клеток дружно отвернулись от любимой науки и разом переключили свою энергию на отношения Аллы с Русланом и Мишкой, и анализ этих отношений оказался весьма интересным.

«По местам! — скомандовал Чернышев. — Только этого мне не хватало! Если каждая такая встреча будет отвлекать меня от мыслей о науке, то академик Колмогоров может спать спокойно».

Относительный порядок был восстановлен, но тут на Чернышева налетел парень и наверняка сбил бы его с ног, если бы наш стремящийся к аскетической жизни математик не занимался в школе боксом да и теперь не ходил на занятия в секцию, ходил, правда, нерегулярно, но достаточно для того, чтобы подтвердить свой второй разряд.

Парень был очень пьян. Он тупо посмотрел на Чернышева, пробормотал что-то неразборчивое, качнулся и хотел продолжать свой замысловатый путь. Но Чернышев потрянул его:

— Ленька!

В глазах у Леньки появилось осмысленное выражение. Он узнал Чернышева. В течение следующих двадцати минут (ибо Чернышев решил, что это тот самый случай, когда наука может подождать, а товарища надо доставить домой) Ленька нес ахинею про «Арагви», официанта и некую девицу Лиду.

Чернышев погрузил Леньку в лифт и, возвращаясь, рассуждал о странностях жизни, вспоминал ребят, школу, приключения их в школе и после и приходил к выводу, что все у них было хорошо и, вероятно, еще будет неплохо, но вот так начинаются разные судьбы, вот так люди расходятся. Мы клялись в дружбе до гробовой доски, но постепенно придем к тому, что, соб-

равшись и крепко выпив на радостях, не будем знать, о чем говорить, кроме: «А помнишь, Миша?», «А помнишь, Яша?».

2.

По вечерам соседи собирались на кухне. Придя с работы, они готовили суп или разогревали вчерашнюю кашу. На газовых конфорках горячились чайники, кастрюли рассерженно подбрасывали крышки, сковородки плевались раскаленным жиром. Соседи бдительно дежурили каждый у своей посуды и изредка вели разговоры на отвлеченные темы (в основном про телевидение). Даже непосвященный, новый человек мог догадаться, что на кухне существовали две враждебные партии. Правда, баталии с битьем тарелок, руганью и звонками в милицию отошли в далекое прошлое, но подспудно, в якобы невинных репликах, еще тлели огоньки былых страстей. Кухня была выкрашена только наполовину. Доштатый пол имел странную, пеструю окраску. Каждый из жильцов мыл только свои доски, причем в разное время.

Самой колоритной фигурой на кухне была Нина, женщина лет пятидесяти, но с повадками тридцатилетней. Иногда она пела («Филиал Большого театра», — жаловались соседи, впрочем, не очень зло), иногда неделями молчала и, выходя на кухню, так швыряла кастрюлю с водой, что брызги попадали в ближайшие посуды. Но в принципе она была человеком добродушным, наивным, и ей многое прощалось за (кухонный термин) «неумение устроить свою жизнь». Ее единственной страстью были кошки, вернее, один какой-нибудь кот — до тех пор, пока он не пропадал. Самые изысканные блюда готовились для

очередного Васьки (масса комментариев среди коммунальной братии по этому поводу).

Юрка, естественно, старался как можно реже бывать на кухне, почти ни с кем не здоровался и мечтал скорее вырваться из этого ада, потому что даже у себя в комнате мать заводи́ла разговоры: «А вот сегодня Нинка...» — и Юрка откладывал учебник и кричал: «Помолчи, понимаешь? Мне эти дразги неинтересны!»

Но однажды в училище он вышел «на этюд», надев женский платок, и изобразил, как Нина стоит у плиты, как разговаривает с его матерью, как бегаёт по двору, клича: «Васенька, Васька, миленький, тепленький, куда спрятался, паршивец проклятый!»

И весь курс (тридцать молодых гениев, знающих все про Станиславского и про Мейерхольда, уверенных, что скоро все они будут играть только Ромео или только Джульетту на сценах самых крупных театров), весь курс лежал в лежку, и сам Евгений Евгеньевич ещё долго смеялся и говорил:

— Бутенко-то! Весьма неожиданно!

Некоторое время спустя Юра стал ловить себя на том, что не просто повторяет заинтересовавшие его движения, позы, слова разных людей (страсть переразвивать была у него с детства), а пытается понять, почему этот человек именно так делает.

Инвалид пьёт газировку и, ставя стакан на место, предварительно смахивает воду с металлического лотка. Откуда у него этот жест?

Шофер такси отказывается от предложенной сигареты: «Спасибо, освобожден».

У военного спрашивают, какое сегодня число. Он смотрит на часы: «Двадцать пятое, четверг».

Юрку стало интересоваться, почему, в силу каких причин человек смотрит на часы, когда спрашивают, какое сегодня число, и отвечает «освобожден», когда предлагают сигарету.

Теоретически он давно знал о «вживании в образ» и еще на приемных экзаменах очень мило изображал, как парень нервничает, когда девушка опаздывает на свидание. Вот это было понятно. А теперь? Эти проклятые «почему?» стали возникать у Бутенко не только при репетиции «отрывка», когда он должен был вжиться в роль Фамусова, а повсеместно, ежедневно, ежечасно.

Он опять вспомнил Нину.

Почему Нина? А где отчество? Кто-нибудь знает его?

«Васенька, миленький, тепленький, дрянь паршивая!» — очень потешно. А мог бы он сам так сказать? Конечно нет. А почему?

Он стал приглядываться, прислушиваться, анализировать.

Когда-то, в древние века, в эту квартиру вселились молодые люди. На кухне было шумно и весело. Жили дружно. Нина пела, а мужчины говорили: «Ай да Нина!» Но годы шли, а она так и осталась одна. Работница на фабрике. Когда-то. Теперь уборщица в одном министерстве. Кажется, все ясно. А понял ли ты ее до конца?

Нет, так мы ничего не добьемся. Давай по-другому. Каждый, даже самый обыкновенный день приносит тебе какую-то радость. Хорошо приняли отрывок, Евгений Евгеньевич изволил побеседовать с тобой полчаса наедине, Маша пришла на свидание, встреча с ребятами, «Спартак» выиграл и прочее, и прочее. И даже если день несчастливый и ничего не получается, все равно

ты мечтаешь: когда-нибудь выйду на большую сцену и галерка будет вопить: «Бутенко!»; когда-нибудь Маша перестанет ходить с Эдиком; когда-нибудь кинорежиссер Марк Донской зайдет за кулисы и, ткнув пальцем в мою сторону, скажет: «Вот то, что мне нужно».

Теперь представь. Ты просыпаешься утром. У тебя болит живот, грудь, поясница. И некому пожаловаться. Соседи? Ох, уж эти соседи! Вчера Кабанова мыла пол, так всю грязь в мой угол, а этот длинный сорванец Юрка так и норовит пнуть кота.

Радио, которое будит тебя каждое утро, весело общается о пуске новой домны, да еще о каком-то плане, да о том, что где-то кто-то кого-то не то убил, не то съел. А ты тут при чем?

Ты всю жизнь гнешься, гнешься, иногда премию выпишут, а к Новому году замяли. Спасибо, свой угол есть. А то пришлось бы жить с сестрой. Сестра — давно это было — вышла замуж за Петьку-пьяницу. Петька ее бьет (сама виновата), но зато у нее свой дом, и Сережка, сын, в школу ходит. Придешь к ней на праздники — еще ничего, а в будни — масло в буфет прячет. Всегда была жадина. А ты ведь Сережке книжку купила. Нет уж, лучше жить одной. Чтоб куском не попрекали. Сама себе хозяйка.

Так? Примерно так.

А потом Нина идет на работу, где ее ничего нового не ждет. Смог бы ты ругаться каждый день, как уборщица тетя Варя, что, дескать, опять наследили? Нет, никогда. Но это твоя психология. А Нина? Может, у нее свои радости? Поболтала с вахтером, начальник обещал премию в этом квартале. Или бесплатный билет на концерт.

Жизнь без мечты?

А может, она мечтает, что когда-нибудь выйдет на пенсию и тогда можно будет завести двух котов и не простаивать вечерами длинные очереди в магазинах, а ходить днем, когда мало народу. Или еще другая, непонятная тебе мечта — что пьяница Петька прогонит сестру (или сестра — пьяницу Петьку) и сестра будет просить Нину переселиться к ней и перестанет прятать масло подальше в буфет, когда Нина садится за стол.

Несчастливая? Да, одиночество, болезни, ссоры с соседями, скоро умрешь — и никто на могилу не придет. И Нина неделями молчит и ставит кастрюльку с треском: «Чтоб им всем, занудам, подавиться!»

А может, для нее счастье, когда в воскресенье все чисто убрано, и есть обед, и Васька, сытый, довольный, мурлыкает. А вечером она смотрит кино, плохую комедию, а ей смешно, она довольна: «Во дают, только зачем эти надписи перед фильмом, еще не знаешь, кто кого, а уже объявляют, время только тережь, начинали бы сразу, а кому интересно, тот потом прочитает».

И есть одно существо, которое ты можешь и приласкать, и наказать, которому ты начальник и которое без тебя пропадет. Васенька. Он тебя любит (все на крышу норовит, дрянь такая!).

Так? Приблизительно.

А может, она счастлива, когда сидит на профсоюзном собрании как равная со своим многочисленным начальством? Может, она оратор? Требуется, чтоб купили полотеры? Или быстро смывается с собрания домой, к Васеньке?

Ты идешь по улице и мечтаешь о девушке, прекрасной незнакомке, которая в любую минуту может выскочить из-за угла. О чем мечтает она, сидя летними душ-

ными вечерами на бульваре, одетая в синее выцветшее ситцевое платье, ярко-красный платок и капроновые (единственные) чулки с огромной черной пяткой?

А помнишь, как ты, еще мальчишка, пришел, усталый и голодный, из школы, со второй смены, и родители ушли на весь вечер, а ключ от комнаты ты потерял, и Нина завела тебя к себе, посадила на сундук и накормила жареной картошкой. Кстати, тот бывалый, обитый железом сундук последней модели двадцатых годов до сих пор стоит у нее в комнате на том же месте.

Через несколько месяцев Юрка Бутенко опять приготовил «отрывок». Он назвал его «День одной женщины».

Но на этот раз тридцать молодых гениев, знающих все про Станиславского и про Мейерхольда, не смеялись, а Евгений Евгеньевич сказал: «Однако». И все. А Эдик подошел и сказал: «Старик, я чего-то не понял. Да и вообще, стоит ли, простая баба, таких много». (К тому времени гении на курсе перестали мечтать о Ромео и Джульетте и все хотели играть социальных героев и героинь.)

Маша считала, что Юрка «провалил» отрывок. Правда, потом, когда Евгений Евгеньевич стал говорить в кулуарах, что Бутенко самый способный на курсе, она изменила первоначальное мнение.

3.

*Сдан экзамен — снова в путь,
Не дадут нам отдохнуть.
Позабудь про фестиваль.
Собирай-ка урожай.*

Под этот «целинный вариант» старой туристской песни шел на восток «пятьсот веселый» поезд Энергетического института.

И было — солнце (норовит расплавить голову, никуда не спрячешься, ходишь как ошпаренный), дождь (все промокло: и одежда, и ботинки, и сено, и носки, что вчера, как дурак, стирал, — а в Африке, говорят, жара), картошка, картошка и картошка (где-то на базе в трехстах километрах застряли мясные консервы), пшено, пшено и пшено («кашу пшенную рубали»), тоска (льет, льет и льет, и работать нельзя, и книги все перечитали, и «сорок дней уж за спиной, мама, я хочу домой»), работа по шестнадцать часов, по двадцать четыре часа в сутки (сваливался тут же на солому, не было сил идти в барак, не было сил умыться), и очень здорово (я теперь комбайн могу вести — не веришь? — Колька мне давал, два часа стоял у штурвала, да, брат, там всему научишься, это тебе не дома у холодильника загорать), и очень весело (кругом свои ребята, коммуна, утром будили друг друга, швыряя кеды в кровать), и очень полезно (самостоятельная жизнь, воздух, солнце, иногда вода, закалка организма, и, между прочим, совсем неплохо, когда видишь горы зерна и знаешь, что это ты сам убирал его), но об этом не вспоминают. Не принято.

А последний день, когда дали расчет и ребята наконец отменили «сухой закон», — вот этот день вспоминают часто и охотно.

Миша Медведев был начальником одного из отрядов. Как комсорг группы. Как член факультетского бюро комсомола. Как... А между прочим, почему? Уж если Медведев и был полностью лишен чего-то, так это честолюбия, или, точнее, стремления занимать какие-нибудь официальные должности.

Получив «власть», Медведев ничуть не изменился. Он никогда не говорил «мы на бюро решили» или

«у меня сложилось мнение», не выступал на собраниях, не проявлял излишней инициативы, чтобы его заметило институтское начальство. Он делал только то, что невозможно было не делать, а во всем остальном — только то, что хотела группа, и ребята всегда чувствовали себя совершенно спокойно за широкой Мишкиной спиной.

Но если посмотреть глубже, то, вероятно, Медведю все-таки нравилось быть в центре событий, в центре внимания, в центре ребят, и в этом, наверное, и заключалось его честолюбие.

Он давно заметил, что девушки, с которыми его знакомят, смотрят на него дважды. Первый взгляд дежурный, как на всех, второй более пристальный. Он знал, что ребятам почему-то нравится ходить с ним на вечера, готовиться к зачету, сидеть рядом на лекциях. Если у кого-нибудь был лишний билет на стадион, то его в первую очередь предлагали Медведю (кстати, это прозвище сохранилось за ним и в институте). Он часто слышал обрывки разговоров: «А Медведь мне сказал» или «А этой девочке Медведь дал прозвище...» и т. д. (здесь и не стоит упоминать о Звонкове, который никогда не упускал случая вставить «мы с Медведем», так что Барон однажды даже предложил присвоить Руслану фамилию Мысмедведем).

Только ли «за красивые глаза» любили Медведя в институте?

В какой-то степени. Но...

Миша хорошо играл в волейбол и на второй год студенчества, выступая за факультетскую сборную, неизменно срывал бурные аплодисменты. А в баскетбол он играл плохо — вернее, недостаточно хорошо — и поэтому никогда не выходил на площадку, чтоб не

позориться. Тем не менее Медведь считался крупным специалистом и по баскетболу (эту репутацию он завоевал в роли болельщика). Как видите, здесь можно уловить не стихию, а определенную линию поведения. Если начинался какой-нибудь спор, в котором Медведь чувствовал себя не на коне, он молча слушал спорящих, и так как он молчал, то наиболее сильные и знающие ораторы почему-то обращались именно к нему, и, когда их оппоненты бывали окончательно посрамлены и разбиты, победители хлопали Медведя по плечу: «Правильно, Мишка?» Медведю ничего не оставалось, как соглашаться, и опять же за ним закреплялась репутация умного парня, хотя побежденные часто разбирались в предмете спора гораздо лучше, чем он. Правда, если познания Медведя никогда не отличались глубиной, то, во всяком случае, он всегда знал ровно столько, сколько требовалось для приличия, обо всем, что должно было интересовать студента, начиная со опоров в ООН, общего курса теории машин и механизмов и кончая модным западным танцем, новым кинофильмом или дебютантом команды «Торпедо» на левом крае.

Медведь никогда не «зажимал» деньги и выкладывал ровно столько, сколько у него было (что в конечном счете приводило к некоторой выгоде, потому что ребята уж за кого-кого, а за Медведя платили всегда охотно).

Если Чернышев всегда был категоричен в своих мнениях и поступках и высокомерно относился к тем, кого считал дураками, рохлями, карьеристами и т. п., то Медведь, напротив, был со всеми добр и любезен, всегда готов был выслушать и помочь (а если и отказывал, то так, что складывалось впечатление, будто

только какие-то роковые обстоятельства заставляют его отдать нужную книжку не Иванову, а Петрову).

Он не был злопамятен и вскоре забывал то, что, допустим, Чернышев никогда бы не забыл и не простил.

Поэтому даже несчастные изгои (объект насмешек и придирок всех ребят), которые, в свою очередь, по тем или иным причинам ненавидели своих сокурсников, отмечали, что единственный приличный парень на курсе (естественно, кроме них самих) Медведь.

Все эти черты характера можно, конечно, назвать врожденными, но скорее это была определенная линия поведения и (уж если на то пошло) особое честолюбие.

Так или иначе, но то, что у других комсомольских лидеров института требовало дикой нервотрепки (угоры, ругань, угрозы, просьбы, упоминания великих теней прошлого), как, например, выход на субботник по расчистке парка (бредовая идея деканата, объявили лишь за день, когда у многих уже были назначены свидания или запланированы аналогичные неотложные мероприятия), Медведю давалось очень просто:

— Что делать, мужики, надо идти!

И ребята, помянув недобрым словом всех прародителей декана, понимали, что надо идти и никакие справки о внезапной болезни тут не пройдут. Раз уж Медведь сказал...

На целине, вдали от руководящих органов (двадцать пять километров до штаба), Медведю также удавалось ладить со своим отрядом (где было много незнакомых ему ранее ребят). Вернее, все как-то получалось само собой. Медведь ничем не выделялся,

работал и уставал, как все, ел и спал со всеми, и если получались простои, не ходил с напряженно-целеустремленным видом начальника (какую бы работу ещё придумать?), а говорил: «Айда загорать», если было солнце, или «Идем спать», если шел дождь.

Правда, однажды на целине ребята устроили «бунт». Много тут было причин, но все сводилось к тому, что надо немедленно вытаскивать последние рубли и ехать за тридцать километров в совхоз, где, по сведениям, продавалась водка, а то эта жизнь надоела, да и вообще можно сдохнуть с тоски, и что мы нанялись, и пускай медведь работает — у него четыре лапы.

Ребята были настроены очень решительно, и Медведь чувствовал, что никакими призывами их не удержишь, и он бы и сам не прочь, но, понимая обстановку, он знал, что тогда два дня работы не будет. Два дня простоя в разгар уборки — это ЧП № 1. Коллективное пьянство (если даже других последствий не будет) — это ЧП № 2. А кто начальник? Медведев. А кому отвечать? Опять же.

Страсти разгорались, а Медведь молчал и ждал, пока все выскажут, что нагорело и что накипело.

Потом сказал:

— Ребята, при чем здесь я? Вы же взрослые люди. Сами понимаете последствия. Но, впрочем, решайте сами. Если хотите — пожалуйста.

Ребята еще помитинговали с полчаса, но уже по принципу «хорошо бы, хорошо бы нам моржа поймать большого». Никто не поехал.

На целине Медведь встречался со студенткой другого курса Валея. Он не проявлял особой активности (вернее, был активен только там, где этого требовали обстоятельства).

Во всяком случае, на несколько решающих вечеров ребята великодушно дали Медведю уединиться с Валею. Естественно, потом были намеки и некоторые вопросы, но Медведь только подмигивал и (надо отдать ему должное) молчал.

В один прекрасный день (не верилось, что он когда-то наступит) «пятьсот веселый» подошел к Казанскому вокзалу. Тут действительно были и клятвы, и объятия, и поцелуи, и обещания всем завтра же собраться (что, конечно, никто не выполнил), и на такси домой (благо в кармане еще хрустят целинные деньги, заработанные честным физическим трудом), и два часа в ванне (хорошо жили буржуи!), и обед от пуза (уж мать на радостях постаралась), а тут звонки ребят (знали, что он сегодня приезжает), ну какие могут быть разговоры, в семь вечера на углу Сивцева Вражка все встречаются.

И вот он подходит к углу Сивцева Вражка в выглаженном костюме, в белой накрахмаленной рубашке, остроносых ботинках (живут же люди, сто лет не вылезал из спортивных шаровар!), и Москва-то какая, и как здорово, что он снова в Москве, и кажется, все на тебя смотрят, и девушек сколько красивых на улице, а ты идешь, мужественный, загорелый и элегантный, на встречу со своими ребятами, они не виделись все лето, и будет что порассказать: «Ну, на целине, там такое было» (не забыть и студентку Валу), нет, хорошо, братцы, жить на свете, а там на углу уже стоят Звонок и Бутенко (лето в Москве, расскажут про фестиваль; Юрка-то, говорят, уже выступил на летней эстраде, а Руслан, наверное, работать поступил, сейчас узнаем), а с другого бока появляются Барон и Пятерка (Пятерка-то летом на даче, это ясно, а Сашка-то, Сашка бороду отпустил, умереть можно, и зачем я брился, хоть бы

пару дней по Москве с бородой, так эффектно, а Барон, кстати, тоже был на целине, только в Казахстане, бойцы вспоминают минувшие дни), и с другого конца улицы навстречу идет Ленька (Ленька, как и все, выглажен и накрахмален, он был на практике на одном из заводов Урала). Ребята, как я вас давно не видел!

Ленька заметил Медведя, но почему-то опускает глаза. Еще далеко, и он ступает солидно, не торопясь. Ребята тоже заметили и Леньку, и Мишку, но смотрят по сторонам (однако все пришли точно, что значит — соскучились). А эти четверо на углу тоже приветствуют друг друга молча, поднятыми кулаками (один Звонк не выдерживает и кричит: «Привет!»). Но вот уже прятать глаза невозможно, только двадцать шагов осталось и Леньке и Медведю, и Ленька улыбается, и Медведь ничего не может с собой поделаться, рот сам расползается до ушей, и лица ребят расплылись (прямо иллюминацию устроили среди бела дня).

Десять шагов!

Пять шагов!

Ну?

— Ну что, Медведь, — говорит Ленька, — твой «Спартак» горит синим пламенем?

— Поздравляю, — говорит Мишка. — А с каким счетом вчера припухло твое «Динамо»?

И пошел «футбол» на два часа.

4.

Маша и Юра сели в такси. Юра опустил стекло, машина рванулась, Юрка что-то крикнул, высунулся в окно, но, очевидно, Маша дернула его сзади, и он сел и больше не оборачивался, хотя ребята еще смотрели вслед удаляющейся «Волге».

Медведь снял кепку, Ленька, Сашка и Яша сняли шляпы, Руслан, который вообще ничего не носил на голове, просто вытянулся, и ребята застыли на минуту в скорбном молчании. Потом Пятерка сказал:

— Один из нас ушел!

— Кто мог подумать, что так быстро, — сказал Руслан.

— Хороший был парень, — сказал Сашка.

Через полчаса они разошлись. Ленька пошел прямо домой и заперся в комнате. «Буду работать», — сказал он родителям. Мамаша удивилась. Пришел со свадьбы — и сразу за черчение! Но чертил Ленька недолго. Не хотелось. Он закрыл готовальню. Тоже мне свадьба! Суматоха в загсе, обед, и уже в пять вечера молодые улизнули на дачу. Понятно. Потом, конечно, они устроят пышную свадьбу. Но только для своего курса. Для знаменитостей. А нас уже не пригласят. Маша сказала: «Зато вы первые». Велика честь! Скверное настроение. Недопил? Да нет. Уходят лучшие люди. Теперь пойдут дети, пеленки. Впрочем, Маша, наверное, спешить не будет. Не из тех. Странно, еще год назад о том, что кто-то из ребят может жениться, говорили как о путешествии на Марс. Быстро взрослеем. Так что Юрка молодец. Не растерялся. Если бы только не эти суффиксы... И как Юрка может говорить: «Машенька, папочка, милочка, деточка»! Застрелиться можно.

Любовь? Когда-нибудь, наверное, придет и Ленькина очередь. Он взял чистый лист бумаги и карандаш. Вот какая она должна быть. Классический профиль Венеры Милосской. И глаза, как у той студентки, с которой он однажды танцевал на вечере. И ноги соответственно. И рост. Что-то вроде Людыв Ненаховой? Нет, к черту ее. Клясться Леньке в любви, а потом целоваться

в коридоре с... Слишком много, мол, выпила. Знаем мы эти номера. С Ленькой они не проходят. Хорошо, что он больше ей не звонит. Нет, его девушка, та, настоящая, а не эти, с которыми он проводит время, должна быть умной, строгой, насмешливой, спортивной.

Он нарисовал женскую голову. Примерно так. Возьмем ее за образец. Представим, что это лицо — идеал. Найдешь такое, черта с два. Например, Нина. Тоже, наверное, за основу взяли идеал. Но... потянули за нос, удлиннили верхнюю губу, брови начертили небрежно. Глаза вдавили, уменьшили и придали им глупо-удивленное выражение. Полкубуйтесь!

А Тамара, новая его знакомая из ГУМа? Вероятно, тоже отгалкивались от идеала. Но совершенно обесцветили брови, волосы, глаза. Черты лица правильные, но все в них бледно, робко, незаметно.

А Медведь? Как проектировали Медведя? Взяли идеал, чуть изменили форму носа (сделали с горбинкой), подрезали щеки, несколько растянули рот. В глаза добавили кое-что от болота, синьки и мировой тоски. Получился этакий застенчивый чемпион страны по художественной гимнастике.

Голов на бумаге становилось все больше. Ленька увлекся. Ну, а наш декан? Опять же идеал, но первым делом прибавили растительности, чтобы сохранялось вечное ощущение небритости. Сузили, уменьшили лоб. С носом долго мудрили. Потянули вперед, но он получился слишком большим. Тогда ударили, и он опять в лепешку. Плюнули. Так сойдет. На верхнюю губу места не осталось, а с подбородком получилось просто неприлично.

Ну, а Маша? Сейчас сведем счеты и с ней. В основе ее лица лежала просто матрешка. Как можно шире,

как можно меньше выпуклостей. Надеюсь, у тебя хватит ума не показывать это Юрке?

В дверь постучали.

— Леню к телефону.

Ленька спрятал листок, раскрыл готовальню. Полная иллюзия напряженной работы.

Звонила Тамара. Нет, сегодня он очень занят (на той стороне телефонного провода обиженно вздыхают). Но завтра обязательно. (А где деньги достать? Ладно, перехвачу у Руслана до стипендии. Надо же как-то вести личную жизнь.)

— Мама?.. Да, я останусь здесь ночевать... А что делать? В понедельник два листа сдавать. А мы тут с Петькой на пару. Часов до трех. А там спать... Домой? Ну, мама, куда я пойду ночью? Транспорт не работает... Да, у него раскладушка... Привет. Утром позвоню.

Ленька вешает трубку. Рядом с ним за столом Тамара. Чертежей что-то не видно. На столе бутылка и банка консервов. Мать Тамары сегодня ночует у тетки. Не каждый день это случается. Мы же люди взрослые.

Он проснулся в середине ночи. Громко тикал будильник. Непривычный звук. Дома Ленька обычно запиховал будильник в шкаф и накрывал полотенцем. Хотелось пить. И хотелось домой. Все-таки лучше спать дома. Вечером еще было как-то. А сейчас... И зачем? Ну вот, пошло интеллигентское самобичевание. Так надо. Он посмотрел на часы. Четыре утра. Девушка тихо посапывала во сне. Ленька встал, выпил воды, подошел к окну. Незнакомая улица. Скорей бы утро! Может, действительно лучше было бы чертить? Ведь листы-то надо сдавать. И черт его дернул проснуться! Надо спать. К девяти в институт, и там уж засядет, это точно.

Утром он быстро оделся. Никому не нужные, обязательные слова...

Чуть не забыл, надо позвонить домой.

Изменившийся голос матери:

— Леня, приезжай, с отцом очень плохо. Сердце.

— Что? Ты можешь мне сказать?

— Приезжай.

— Сейчас. Но не паникуй. Все будет в порядке.

Я выезжаю.

Нет, этого не может быть. Ерунда. Вдруг сердце. Отец никогда не жаловался. Ну, он ведь такой, старой закалки. Нет, не может быть. Но уже понял.

Мать бросилась навстречу:

— Леня!

Ленька не заплакал, он только сказал:

— Значит, так.

Ночью отцу стало плохо. Вызвали врача. А в четыре утра второй удар. Последний.

Два страшных дня. У Леньки сухие глаза. Он теперь старший, на нем семья. Сестра в школе. Да, пока она учится, будет пенсия за отца. А он пойдет работать. Нет, мать говорит: «Ни за что. Ты кончишь институт. Это мой долг перед отцом». И опять слезы.

Родственники, сослуживцы, плач. Два страшных дня. А у Леньки сухие глаза. Полное оупение. И еще почему-то чувство вины. Острое. Хотя что бы он мог сделать? И все-таки. В четыре утра.

Похороны. Речи. Музыка. Но Ленька не может. Не имеет права. Он в наглухо застегнутом плаще, около матери. А где сестра? Рядом с тетей Верой? Хорошо, только зачем ее сюда привезли?

Последние минуты. Рабочие деловито опускают гроб. И тут с Ленькой что-то случилось. Он согнулся

и заревел. Ничего не мог с собой поделывать. И ничего не хотел. Минута беспамятства. Уже падают комья земли. И дождь, дождь пополам со снегом. Мокрое лицо. Ну и пусть. Где мать? Где сестра? Там, в толпе. Он должен быть с ними. Он не может. Он опять утыкается в чье-то плечо. Его кто-то держит. И этот оркестр. Им-то что? Заработок, «играют жмурика», кирпичом бы. Но чем они виноваты? Чем? Вот так все кончается. И нет отца. А деловитые работяги уже хладнокровно заравнивают холмик.

Кто-то его не отпускает. Зачем? Все. Ленька выпрямляется. Рядом с ним стоит Бутенко.

Сзади остальные ребята.

5.

— А, Руслан, — сказала она, — ты меня еще помнишь?

— Да так, знаешь, случайно, вдруг, решил позвонить. Как жизнь?

— Прекрасно. Бывает такой прекрасный момент, когда хочется повеситься. Две минуты назад я поругалась с одним человеком. И этот кретин спокойно сел в машину и уехал. Тебе это интересно?

— Весьма. Хочешь его догнать?

— Он укатил за сто километров. А то бы я ему сказала пару слов.

— Любопытно. Куда же он так быстро?

— А тебе что?

— Да уж начала — продолжай.

— Есть такой дом отдыха ВТО. По Минскому шоссе.

— Понял. Ровно через пятнадцать минут спускайся вниз. Я подъеду.

— Ты так говоришь, будто у тебя большой черный лимузин.

— Нет, трехколесный велосипед. Но мы его догоним.

— Не болтай ерунду.

— Значит, ровно через пятнадцать минут. Я вешаю трубку.

Когда Алла вышла на улицу (мальчик просто захотел меня увидеть, нашел подходящий момент, сейчас мы ему выдадим), у подъезда стоял длинный черный автомобиль.

Руслан открыл дверцу:

— Садись.

Она села рядом с ним, еще ничего не понимая, а он уже погнал по осевой, обходя таксистов, проскакивая на желтый свет, резко тормозя у перекрестков.

— Откуда у тебя машина? — наконец спросила она.

— А что ты обо мне знаешь?

— Ничего. Слушай, подожди... Ты серьезно?

— Да. У него что?

— «Москвич».

— Номер помнишь?

— Узнаю.

— Отлично.

Они были уже у Поклонной горы.

— Ты очень быстро ведешь. Тебя не остановят?

— «ЗИЛ». Государственная машина. Ездит только большое начальство.

— А ты?

— А я просто шофер у начальника.

— Ах, вот как... Я думала, ты учишься.

— Учился, а теперь работаю.

Когда он лихо вывернул из-за автобуса, Алла вскрикнула. Потом была маленькая пробка из-за двух грузовиков. «Победы» и старые «москвичи» тащились за ними. Он обошел их по левой стороне.

— Частники проклятые, — сказал он, — ездить не умеют.

— Слушай, Руслан, — сказала она, — тебе не попадет?

— Это не твое дело.

Итак, человек, о котором он думал каждую ночь, человек, к которому он хотел прийти, упасть на колени и сказать: «Делай что хочешь, презирай, издевайся, но разреши хоть видеть тебя» (конечно, он никогда бы этого не сделал, но мечтал, что когда-нибудь сделает), — этот человек сидит рядом и посматривает на него почтительно и даже с испугом. Все-таки скорость сто — сто десять. С непривычки, наверное, в самом деле страшно. Сейчас он чувствовал свою власть над ней.

— Где ты раньше учился?

— В Мясо-молочном. Холодильные установки. Надо было куда-то поступать. А с моими средними способностями... И то говорили: повезло. Сколько народу вообще никуда не попало!

— А теперь?

— Ушел после третьего курса. В «ящик». Перевелся на заочный в Автодорожный. Специальность мне нравится.

Тут он подумал, что вроде бы оправдывается. Начинается детский лепет. Нет, нельзя терять позиции. Ну-ка, попробуем грубо и уверенно.

— Только тебе все это ни к чему. Ты репетируй тексты. Скоро догоним.

Она хотела что-то сказать, но промолчала.

«Так, — подумал он, — надо развить успех».

— Открой этот ящик. Там сигареты и спички. Закури сигарету и передай ее мне... Так, порядок.

Кажется, она поняла его. Но ничего, приняла условия. Он искоса наблюдал за ней. Теперь она смотрела только вперед. «Ждет, — подумал он. — В конце концов, ей на меня наплевать. Ну, взял маленький реванш».

— Белый «москвич». Этот, — сказала она и достала из сумочки пудреницу с зеркалом.

Он засигналил и начал прижимать «москвича» к обочине.

— Ты с ним поедешь?

— Подожди меня, — сказала она.

Он добросовестно перечитывал старую «Вечерку». Разводы, объявления, защита диссертаций, список редакционных телефонов. Потом взял путевой лист и написал: «Пятый рейс. Клебанова на дачу». Хотя Клебанов остался в городе. И в шесть машина должна быть в гараже. Ничего, как-нибудь выкрутимся. Выясним отношения с завгаром. Что-нибудь наврем.

Он поправил зеркало. «Сцена у фонтана» продолжалась. Она стояла, опершись на радиатор «москвича». «Новая машина», — отметил Руслан. Только что получил, наверное. Таким всегда везет. Лучшие девушки.

Обыкновенная история. Разные судьбы. Прямо по названию кинофильма. «Но пришел другой, с суммой золотой, разве можно спорить с богачами? И она ушла, счастье унесла, только скрипка плакала ночами». Вот что мы знаем. Ты на что надеялся? Сейчас она уедет. А ты повернешь. Ну, держись. Машина — это здорово. За рулем все забываешь. Таким все достается. Ишь какую будку отъел! Ладно, кончай нападать на заслужен-

ного деятеля искусств, а он, наверное, заслуженный, меньше Алла не выберет. Что ты ей можешь предложить? Свою жалкую зарплату? Инженер через четыре года? Велика честь. Вот он хватает ее за руки. Сейчас бы подойти — и монтировкой между глаз. И увести пораженную женщину с собой. Кадр из детективного фильма. А зря ты к нему придираешься. Может быть, хороший мужик. И не такой уж он толстый. Нормальный. И глаза у него хорошие. Как на нее смотрит. Где уж тут устоять! Кажется, девочка сдалась. Где моя «Вечерка»?

— Едем!

Она садится рядом с ним.

— В Москву. Теперь можно спокойно.

Несколько лет назад Руслан обязательно раскрыл бы рот. Но сейчас он только прикусил язык, а на лице, наверно, ни один мускул не дрогнул. Едем так едем. Мы люди привычные, с нами не разговаривают. Плачет? Нет. Достает его сигареты, закуривает. А курить она, между прочим, не умеет.

Что же произошло? Мчатся шестьдесят километров сломя голову, чтобы поговорить полчаса о погоде? Но ты сиди и молчи. Это твой единственный шанс. Она ждет, что ты ее спросишь. Надпись на борту грузовика: «Соблюдай дистанцию». Вот именно. Он остановился около ее подъезда. Выключил зажигание. Теперь ручной тормоз. Что бы еще придумать? Да, посмотреть этак деловито в путевой лист.

— Руслан, ты меня любишь?

Это называется — молчала всю дорогу. Спокойно, Руслан, без эмоций.

— Конечно.

И снова в путевой лист.

— До свидания.

— Салют!

И сразу, с ходу, пошел на третью передачу.

В одно из воскресений он вернулся из библиотеки часов в семь. «Позвоню ребятам, пойдем куда-нибудь. А то совсем дошел». Открывая дверь, он услышал, что мать с кем-то разговаривает. Между шкафом и стеной была занавеска. Этим создавалась иллюзия второй комнаты или хотя бы прихожей. «По телефону? Нет, какой-нибудь гость». Он отодвинул занавеску.

— Я же говорила, что он скоро придет, — сказала мать.

— Здравствуй, — сказал Руслан.

— Привет, — сказала Алла. — Все гуляешь?

— Да, — сказал он, кладя тетради на стол, — если это так называется, значит, я гуляю.

— Он молодец. Очень много занимается, — сказала мать.

— Мама!

— Что?

— Не надо.

— У тебя есть время? — спросила Алла.

— Пойдем.

— Куда? Я бы чай поставила!..

Но мать не очень настаивала. Поняла.

Они шли молча. Собирался дождь. Парень в зеленой шляпе промчался, толкая детскую коляску, словно в ней был не ребенок, а динамит, или словно он участвовал в каких-то гонках, где вместо колесниц... Руслан не нашел точного слова. Колесницы? Коляски? Почему гонки? Ерунда.

Они подошли к бульвару.

— Знаешь, у меня плохое настроение, — сказала Алла, — вот я...

— Понятно. Пошли в ресторан.

— Зачем?

— А куда?

— Ну, в маленькое кафе. Мороженое, что ли...

— В маленьких кафе большие очереди. Да обязательно посадят двух пьяных...

Он долго критиковал трест ресторанов и столовых. Так было легче. Говорить о чем-то постороннем. Только не молчать. А то он опять, как тогда, скажет что-нибудь — и конец.

— Не надо, — попросила Алла, но не очень уверенно. — Это большие деньги.

— Не волнуйся. Я же рабочий человек.

Вовремя придал последней фразе несколько шуточный оттенок.

И вот они сидят в ресторане, и он рассказывает ей о ребятах, о работе, о дорожных происшествиях. Светский разговор. И вдруг...

— Ты знаешь, — сказала она, — с ним у меня все кончено.

— Заслуженный деятель? Ясно... «Прощай, вино, в начале мая, а в октябре прощай, любовь». Выдерживаешь график.

— Он не заслуженный и не деятель, а просто... Я с ним жила. Понятно?

— Темный я человек, не догадывался. Теперь давай все силы на науку. В этом году кончаешь или в следующем?

— Институт? Хватит острить. Ты знаешь, вдруг я увидела, что у меня нет друзей. То есть вроде их много...

— Но все чего-то хотят.

— Правильно. А ты?

— И я, конечно.

— Например?

— Немногого. Чтобы ты стала моей женой.

— Однако!

— Вот так... Да, на чем мы остановились? Вспомнил. Значит, еду я, и вдруг передо мной вырастает клумба. А дорога темная, мокрый снег. Резко тормозить нельзя. Занесет или перевернет машину. Ну, и в общем с ходу оказываюсь на клумбе. Тут как раз появляется милицейский мотоцикл.

— Хватит. Ты соображаешь, что говоришь?

— Ей-богу, действительный случай.

— Валяй, валяй.

— А, про это? Да. Соображаю. Находясь в здравом уме и твердой памяти. Или как там, наоборот, в твердом уме?

— Но я же не люблю тебя.

— Знаю.

— И?..

— Полюбишь.

— Господи, что ты мелешь? Пойми, ведь я сейчас могу выйти за тебя замуж. Я очень устала. Я хочу, чтобы около меня был такой человек, как ты. Точнее, я хочу, чтобы ты был все время около меня. Потому что тебе я верю и с тобой я буду спокойна. Но тебе самому какво? А вдруг я так и не полюблю?

— Обо мне не думай.

— Ты мальчишка. Представь: потом я встречу человека, которым увлекусь... Я же брошу тебя. Что тогда?

— Буду жить нуждами производства. Повышать свой культурный уровень.

— Придвинься ко мне. Поцелуй меня. Быстро! Боишься? Так. Ничего. Сиди спокойно. А теперь возьми назад все свои слова.

— Мы снимем комнату. Я устроюсь еще где-нибудь. Деньги будут.

— Деловой человек. Плевала я на твои деньги! Миллионер!

— Я люблю тебя. Ты станешь моей женой.

— Руслан, я могу выйти за тебя замуж. Более того, я хочу выйти за тебя замуж. Но будет плохо. Тебе.

— Нам не страшен серый волк.

— Закажи еще что-нибудь. Я хочу, чтобы у меня кружилась голова. Получу стипендию — отдам.

— Обойдемся.

— Нет, милый. Привыкай, что команду я.

— Алка...

— Что?

— Не убивай меня. Понимаешь?

— Глупый. Думаешь, я не знала, что так будет?

(О Т А В Т О Р А. Мировой наукой давно установлено, что человек может в каждый данный момент думать о многом, а говорить только о чем-нибудь одном. Иногда он просто не успевает высказать свои мысли, а иногда по тем или иным причинам хочет о них умолчать.)

Так как предыдущий разговор очень важен для дальнейших событий романа, автор повторяет его, пытаясь обратить внимание читателя не на те слова, которые уже произнесли герои, а на то, о чем они в это время думали.)

Итак, светский разговор. Но первая фраза «не вдруг». Она тщательно обдумывалась и готовилась.

А л л а. (Хватит слов. Решайся. Боишься? Ну? Проверим, он взрослый человек или для него еще продолжается детский сад.)

— Ты знаешь, с ним у меня все кончено.

Р у с л а н. (Я ждал этого. Значит, пойдет разговор по существу. Неужели она с ним... Вероятно. Точно! Но, может, для тебя даже лучше. Выравнивает шансы. Сейчас ты, конечно, обзовешь его деятелем и, как последний дурак, вспомнишь фразу из Беранже.)

— Заслуженный деятель? Ясно... «Прощай, вино, в начале мая, а в октябре прощай, любовь». Выдерживаешь график.

А л л а. (Не тяни. Надо сразу. Интересно, изменится ли у него лицо? Пока были цветочки. Ревнует. Рассказать ему, что тот был хорошим человеком. Что, может, еще и сейчас я... Нет, слишком сложно. Потом. Когда-нибудь.)

— Он не заслуженный и не деятель, а просто... Я с ним жила. Понятно?

Р у с л а н. (Кажется, я выдержал. Только бы не покраснеть. Вот как оно бывает. Состояние, которое называется полуобморочным. Почему-то заболел живот. Любой разговор. Быстро. Или срочно выпить рюмку? Нет, это слишком прозрачно. Она все поймет. Алла жила с этим деятелем. Конечно, надо было монтировкой между глаз. Сразу не сделаешь, потом всегда жалеешь. Ну и черт с ним! Не надо эмоций. Любой ценой, но она должна быть моей! Я согласен на все. Пусть поймет. Намекни про институт. Ей скоро оканчивать. Распределение. Хочет остаться в Москве. Нужно замуж. Пусть так. Я согласен.)

— Темный я человек, не догадывался. Теперь давай все силы на науку. В этом году оканчиваешь или в следующем?

А л л а. (Он молодец, только побледнел. Нет, в нем что-то есть. Я сразу поняла это, когда увидела его в машине. Распределение? Вот оно что. Этот мальчик хочет меня любой ценой. Весьма откровенно, но я не продаюсь. Надо ему объяснить, чего я хочу. Сейчас пойдет лепет о друзьях, которые чего-то от меня требуют.)

— Институт? Хватит острить. Ты знаешь, вдруг я увидела, что у меня нет друзей. То есть вроде их много...

Р у с л а н. (Но все они хотят, чтоб ты с ними спала.)

— Но все чего-то хотят.

А л л а. (Он умный парень. Сейчас мы его поймем.)

— Правильно. А ты?

Р у с л а н. («Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает».)

— И я, конечно.

А л л а. (Далеко ли он пойдет?)

— Например?

Р у с л а н. (Немногого. Чтобы ты стала моей женой.)

— Немногого. Чтобы ты стала моей женой.

А л л а. (Он любит меня по-прежнему.)

— Однако!

Р у с л а н. (Кажется, я все-таки свалюсь в обморок. Неужели будет чудо? Неужели настанет момент, когда мы останемся вдвоем? И она будет со мной...)

— Вот так... Да, на чем мы остановились? Вспомнил. Значит, еду я... (Следует рассказ о дорожном происшествии.)

А л л а. (По-моему, он действительно верит в тихое семейное счастье. Вечера вдвоем у телевизора, стирка носков, приготовление супа.)

— Хватит. Ты соображаешь, что говоришь?

Р у с л а н. (Надо срочно что-то выпить. Мама, я больше так не могу. И вот мы вдвоем...)

— Ей-богу, действительный случай.

А л л а. (Он дождется, что я его ударю. Хотела бы я на него потом посмотреть. Милая картина. Но он воображает из себя взрослого человека. Детские игрушки.)

— Валяй, валяй.

Р у с л а н. (Подтвердить, что я все понимаю. Возможно, она будет мне изменять. Обо всем догадываюсь, но тем не менее...)

— А, про это? Да. Соображаю. Находясь в здравом уме и твердой памяти. Или как там, наоборот, в твердом уме?

А л л а. (Он прелесть. Я готова его сейчас поцеловать. И я должна быть откровенна с ним до конца. Пускай потом будет лучше, чем ожидаешь, а не наоборот.)

— Но я же не люблю тебя.

Р у с л а н. (Опять резкая боль в животе. Сиди очень тихо. Разве у тебя были иллюзии? И все-таки могла бы промолчать. Нет, она хорошая. Честно и прямо. Признайся, раньше ты думал о ней хуже.)

— Знаю.

А л л а. (Господи, как мне его жалко. Сейчас разрешится. Но не будь сволочью. Выдержи. Чтоб потом совесть была спокойна. Страхуешься на будущее? Ты все-таки подлая девка. Действительно ты его не стоишь.)

— И?..

Р у с л а н. (Что мне остается? Всякая броня давно уже разбита. Сдавайся.)

— Полюбишь.

А л л а. (Все-таки он мне нужен. Именно такой, преданный и любящий. Но понимает ли он сам, на что

идет? Последняя попытка объяснить. Бесполезно. Сейчас все равно как горох об стенку.)

— Господи, что ты мелешь? (Следует продолжение текста.)

Р у с л а н (Сейчас она будет говорить, что я ей не пара).

— Обо мне не думай.

А л л а. (Как бы я хотела быть счастлива с этим парнем! Что еще надо? Любить и быть любимой. Но если бы Толя развелся с женой... Стоп! Вот зачем тебе нужен Руслан? Чтобы спрятаться за него от Толи, чтобы все забыть? Что ж, Алка, ты выбираешь легкий путь. Неужели ты такая сволочь? И Руслан тебе только для этого и нужен? Нет? Точно? Но ты же сама себя плохо знаешь. Все-таки надо его предостеречь.)

— Ты мальчишка. Представь. Потом я встречу человека, которым увлекусь... Я же брошу тебя. Что тогда?

Р у с л а н. (Дура. Она не знает, что, может, мне одну ночь с ней, а там трын-трава, хоть под поезд. Нет, она все знает.)

— Буду жить нуждами производства. Повышать свой культурный уровень.

А л л а. (За соседним столиком вылупили глаза. Ничего, мол, девица сидит, как бы познакомиться, парень с ней, мол, случайно. Сейчас устроим зрелище.)

— Придвинься ко мне. Поцелуй меня. Быстро! Боишься? Так. Ничего. Сиди спокойно. А теперь возьми назад все свои слова.

Р у с л а н. (Опять боль. Хоть беги. Сцена любви. В разгар объяснения. Красиво! А кто виноват, что у тебя, как говорится, на нервной почве. Но будь, как все герои, мужествен и лишен всех забот физиологии. Проклятие! Самому перед собой стыдно. Вот он, бла-

женный миг, о котором ты даже и мечтать не смел! И вдруг... Ладно. Самое главное — теперь она согласна. Даже не верится. Ну что мне сказать? Для нее я разобьюсь в лепешку.)

— Мы снимем комнату. Я устроюсь еще где-нибудь. Деньги будут.

А л л а. (Он для меня разобьется в лепешку. Я это знала. С ним приятно целоваться. А я, признаться, боялась. Наверно, с ним вообще все будет хорошо.)

— Деловой человек. Плевала я на твои деньги! Миллионер!

Р у с л а н. (Теперь все хорошо. Теперь хоть в пропасть. «Нам не страшен серый волк, серый волк, серый волк». Ты еще запой громко. Не можешь себя сдерживать?)

— Я люблю тебя. Ты станешь моей женой.

А л л а. (Да, я стану твоей женой. Я бы очень хотела полюбить тебя. Все. Решено.)

— Руслан, я могу выйти за тебя замуж. Более того — я хочу выйти за тебя замуж. Но будет плохо. Тебе.

Р у с л а н. («Нам не страшен...» Заело пластинку. Ты можешь сказать что-нибудь умное, солидное?)

— Нам не страшен серый волк.

А л л а. (Хватит мучить парня. Сейчас бы выпить, чтобы ничего не соображать. У него, наверное, туго с деньгами. Подумаешь, завтра возьму у папы.)

— Закажи еще что-нибудь. Я хочу, чтобы у меня кружилась голова. Получу стипендию — отдам.

Р у с л а н. (Первый подсчет семейного бюджета.)

— Обойдемся.

А л л а. (Хоть ты и очень самостоятелен, но твоих денег на меня не хватит. Привыкай.)

— Нет, милый, привыкай, что командую я.

Р у с л а н. (Алка, Алка, Алка, Алка. Теперь я могу сказать просто: Алка.)

— Алка...

А л л а. (Мальчик совсем готов. Обещай, что будешь добра к нему.)

— Что?

Р у с л а н. (Сейчас ты, как последний трус, спросишь, не приснилось ли тебе все это.)

— Не убивай меня, понимаешь?

А л л а. (Руслан, я не виновата. Ведь я пришла к тебе просто как к другу. Мне было очень плохо. И не представляла, что так получится. Все неожиданно... И пошло, и пошло... Тогда мне пришлось начать самой. Почему меня так к тебе потянуло? А теперь не бойся. Все это серьезно. К сожалению).

Глупый. Думаешь, я не знала, что так будет?

(О Т А В Т О Р А. И у нас многие специалисты, профессора, психологи, и на Западе некоторые светлые личности считают, что все так называемые неожиданные человеческие поступки не случайны — наоборот, логичны и подготовлены. Например, в какой-то ситуации человек вдруг принимает якобы странное для него решение. Но, вероятно, давным-давно он предвидел эту ситуацию и как-то готовился к ней. Допустим, молодой человек мечтает о встрече с любимой девушкой, которую, возможно, он еще ни разу не видел. Мечты его могут быть вполне реальны или, наоборот, совершенно фантастичны и неисполнимы. Возможно, он придумал, что встретит свою девушку на Марсе. Но, мечтая об этом, он вырабатывает для себя определенные правила поведения. И этих правил он придерживается впоследствии в будничных житейских обстоятельствах.

В предыдущей сцене Руслан и Алла повели себя весьма неожиданно. Но ведь они, наверно, мечтали о том, что когда-нибудь каждый из них встретит единственно любимого человека. Для Аллы это был таинственный «мистер Х», а Руслану давно стало ясно, кто его идеал.

С этой точки зрения интересно проследить, насколько были подготовлены их слова и поступки в предыдущей сцене.)

А л л а. (Настанет день, и придет он, и тогда я за все отвечу. Он один меня сможет или осудить, или простить.)

— Ты знаешь, с ним у меня все кончено.

Р у с л а н. (У тебя никогда никого не было. Все остальные не в счет. Есть только я. Буду только я.)

— Заслуженный деятель? Ясно... «Прощай, вино, в начале мая, а в октябре прощай, любовь». Выдерживаешь график.

А л л а. (Тебе будут говорить плохо про меня. Не верь никому. Я ждала только тебя.)

— Он не заслуженный и не деятель, а просто... Я с ним жила. Понятно?

Р у с л а н. (Если кто-то когда-то к тебе смел прикоснуться, его песня спета. Я пошлю свои отряды (идет кадр победного наступления русских войск из кинофильма «Кутузов»), и нет места на земле, где бы он скрылся от моей мести.)

— Темный я человек, не догадывался. Теперь давай все силы на науку. В этом году оканчиваешь или в следующем?

А л л а. (Я ждала тебя много лет. Десятки рыцарей (перемешалось несколько исторических романов, ав-

тор не помнит их названий) дрались из-за меня на турнирах, пели под моими окнами серенады...)

— Институт? Хватит острить. Ты знаешь, вдруг я увидела, что у меня нет друзей. То есть вроде их много...

Р у с л а н. (Ночью в дождь я приезжаю к ней на дачу. На застекленной террасе сидят академики, генералы и киноактеры. Ведут разговоры о политике, пьют кофе и смотрят на Аллу. Сегодня она должна сделать выбор. Я распахиваю дверь.)

— Но все чего-то хотят.

А л л а. (Кончается спектакль. Он, усталый, выходит в десятый раз кланяться на аплодисменты зрительного зала. На сцену летят цветы. Он кажется таким далеким...)

— Правильно. А ты?

Р у с л а н. («Это Руслан», — говорит Алла. Смятение среди киноартистов. Генералы и академики спешат со мной познакомиться. «Очень рады. Так вот вы какой!»)

— И я, конечно.

А л л а. (У подъезда театра толпа истеричных девиц. Все ждут, когда он выйдет. Вот он выходит. Я стою в стороне. К нему бросаются. Требуют автографов, назначают свидания. Но он не отвечает. Он идет ко мне. Останавливается. Поклонницы замирают).

— Например?

Р у с л а н. (Я командир батальона. Мы ведем бой за высоту. И когда мы уже победили, последняя пуля ранит меня в грудь. Я умираю на руках Аллы. «Алла, — говорю я слабым голосом, — не плачьте. Пусть лучше смерть, чем жизнь без вас. Без вас, Алла, мне все равно нет жизни». — «О!» — говорит она).

— Немногого. Чтобы ты стала моей женой.

А л л а. («Алла, — говорит он, — мне весь этот шум ни к чему. Я устал. Я готов променять славу, успех за один ваш поцелуй».)

— Однако!

Р у с л а н. («Не бил барабан перед смутным полком, когда мы вождя хоронили...» Склоненное батальонное знамя. Алла целует мое холодное лицо. Из репродуктора ария Каварадосси: «Мой час настал, и вот я умираю».)

— Вот так. Да, на чем мы остановились? (Идет абзац о дорожном происшествии.)

А л л а. (Нет, милый, я ничего не требую. Ведь я маленькая девочка, случайно вставшая на твоём пути. Тебе нужны, наверное, красивые, эффектные, знаменитые женщины, а я еще ребенок, я не буду тебе мешать. Единственно, в чем я виновата, только в том, что люблю тебя.)

— Хватит. Ты соображаешь, что говоришь?

Р у с л а н. (Двадцать лет она каждый день приходит на мою могилу...)

— Ей-богу, действительный случай.

А л л а. («Мне ничего от тебя не надо. Я хочу тебя видеть хотя бы изредка», — говорю я ему.)

— Валяй, валяй.

Р у с л а н. (С тех пор как я последний раз говорил с Аллой (сцена гонок на шоссе), наши пути разошлись. И вот лет через десять мы случайно встретились. Ее жизнь сложилась неудачно. Муж (толстый владелец «москвича», заслуженный артист) бросил ее, она осталась одна с маленьким ребенком. «О Руслан, — сказала мне Алла, — какая я была дура, что отвергла твою любовь».)

— А, про это? Да. Соображаю. Находясь в здравом уме и твердой памяти. Или как там, наоборот, в твердом уме и здоровой памяти?

А л л а. («Хочешь, чтобы я здесь, на улице, встал перед тобой на колени? — отвечает он. — Я прошу твоей руки! Я прошу тебя быть моей женой!»)

— Но я же не люблю тебя!

Р у с л а н. («Сейчас я уже старая, больная, никому не нужная женщина (это в тридцать-то лет! так ей кажется, но она хорошо сохранилась). Ты, наверное, давно забыл о моем существовании», — говорит мне Алла и не решается взглянуть мне в глаза.)

— Знаю.

А л л а. (Кружится голова, и я не могу произнести ни слова.)

— И?..

Р у с л а н. («У меня трехкомнатная квартира, — говорю я. — Я директор Завода имени Лихачева. Знаю, что тебе трудно. Переезжай ко мне. Я один, дома меня почти не бывает, сама понимаешь, вечные авралы на работе. По отношению к тебе я ни на что не претендую, хотя люблю тебя по-прежнему. Я просто хочу, чтобы ты не испытывала материальной нужды и жила спокойно. И сыну твоему будет хорошо. Молоко, полуфабрикаты, витамины, фрукты, овощи. А я останусь просто твоим другом. Буду счастлив хоть чем-то помочь тебе».)

— Полюбишь.

А л л а. (И через несколько дней мы сняли комнату.)

— Господи, что ты мелешь? Пойми, ведь я сейчас очень просто могу выйти за тебя замуж... (И дальнейшее продолжение текста.)

Р у с л а н. (Она, конечно, долго отказывается. Но в конце концов соглашается. И вот мы в одной квартире. Вечером я Аллу не вижу. Специально возвращаюсь очень поздно. Но по утрам она готовит мне завтрак. Мы очень строги и официальны друг к другу. Даже перешли на «вы».)

— Обо мне не думай.

А л л а. (Из-за того, что он ушел от своей первой жены, у него неприятности в театре. Его временно лишают всех ролей. У нас нет денег. Мы в долгах. Живем очень трудно. И тут он на деле убеждается, что мне был нужен он, а не его слава. Я предана ему и терпелива. Я стираю ему носки и варю суп.)

— Ты мальчишка. Представь, потом я встречу человека, которым увлекусь... Я же брошу тебя. Что тогда?

Р у с л а н. (Но однажды, когда я возвращаюсь домой, я нахожу в своем кабинете Аллу. Она очень холодно сообщает мне, что возвращается к матери. — «Почему?» — «Прикидываешься? — отвечает она. — Ты все понимаешь. Ты просто издеваешься надо мной».)

— Буду жить нуждами производства. Повышать свой культурный уровень.

А л л а. (Но потом в театре понимают, что для него это серьезно. Ему возвращают все его роли, дают новую квартиру.)

— Придвинься ко мне. Поцелуй меня. Быстро! Боишься? Так. Ничего. Сиди спокойно. А теперь возьми назад все свои слова.

Р у с л а н. («Я каждую ночь, — говорит Алла, — жду, что ты придешь ко мне. Мне же неудобно самой сказать тебе про это, а ты бесчувственный болван. Или ты действительно решил, что я переехала к тебе ради

материальных выгод? Если ты так думаешь, привет, я ухожу».)

— Мы снимем комнату. Я устроюсь еще где-нибудь. Деньги будут.

А л л а. (А потом он едет с театром на гастроли за границу и берет меня. Париж, Рим, Лондон...)

— Деловой человек. Плевала я на твои деньги! Миллионер!

Р у с л а н. (И тогда я говорю: «Я люблю тебя. Ты станешь моей женой».)

— Я люблю тебя. Ты станешь моей женой.

(ОТ АВТОРА. У Руслана сбылись все мечты, а планы Аллы уже посвящены различным деталям семейной жизни и к данному разговору отношения не имеют. Их диалог в ресторане продолжается. Но теперь он касается только «текущего момента».)

6.

— Недооцениваете вы товарища, — обычно говорил Мишка. — Он только кажется щуплым и скромным. Пятерка — это мускулы — раз, решительность, — два, быстрота — три, железная воля — четыре. Заприте его где-нибудь на десятом этаже наедине с женщиной! Через две минуты он вылезет в форточку, спустится по водосточной трубе, пройдет по электрическому проводу, спрыгнет в кузов мчащегося грузовика. Пятерку не удержать. До двадцати двух не прикасаться к женщине! Нет, Пятерка — великий человек!

Правда, Пятерку иногда видели с какими-то девочками, якобы влюбленными в него (что, кстати, вполне могло соответствовать действительности), но Ленька безапелляционно заявлял, что они страшней

войны и что он готов перестать болеть за «Динамо» и признать «Спартак» лучшей командой, если только Яшу связывает с девочками нечто большее, чем картография и геодезия.

Вконец затравленный Пятерка начинал было утверждать, что, дескать, прошлым летом в экспедиции случилось, но ребята понимающе переглядывались, а Медведев снова пускался в длинные рассуждения, что Пятерка — это мускулы — раз, решительность — два и так далее.

Однажды ребята решили, что их прямой долг помочь товарищу, и поручили это Леньке. Ленька сказал, что он всегда готов, и однажды, придя к Яше, сурово скомандовал:

— Одевайся, пошли.

Пятерка тут же вспомнил, что как раз сегодня ему надо закончить контрольную, и еще перевод, и еще... Но Ленька был непреклонен.

— Хорошо, — сказал Пятерка голосом бывалого авантюриста, — идем. Как кадрешки?

— В порядке. Ждут нас в девять на «Площади Революции».

Все-таки Ленька сжалился над товарищем и сначала повел его в кафе-мороженое, где они выпили бутылку вина.

В девять они были на «Площади Революции». Девушки явились вовремя, и Ленька клялся впоследствии, что они выглядели совсем не плохо, но пока он с ними здоровался, а потом сказал: «Сейчас я вас познакомлю с товарищем», — Пятерка исчез. Надо было обладать действительно редкостной быстротой, чтобы в течение нескольких секунд начисто раствориться в толпе. Потом два вечера подряд Яшины соседи отвеча-

ли по телефону: «Его нет дома, когда придет — неизвестно».

На следующем общем сборе Ленька торжественно заявил, что «умывает руки». Это так же безнадежно, как заставить Яшу получить «четыре». Ничего не поделаешь. Характер!

Штенберг был пунктуален и последователен во всем. В школе — круглый отличник, в институте — именной стипендиат. Начав заниматься английским, выучил язык за два года; увлекшись преферансом, стал лучшим игроком среди ребят; купив старый магнитофон, вскоре собрал огромную коллекцию пленок. На каждую кассету у Яши был список, что там и в каком порядке.

Пятерка относился серьезно даже к мелочам.

Как-то, учась еще в десятом классе, Пятерка и Сашка попали на новогодний бал. Там им раздали листки с напечатанными рифмами, а стихи надо было сочинить самим, и за лучшее стихотворение полагался приз.

В одном четверостишии рифмы были такие: «следом, год, к победам, зовет».

Сашка, бродивший по залам с видом Чайльд Гарольда, тут же написал:

*За скучным затейником следом
Уныло идет новый год,
Что каждый раз к новым победам,
Охрипши, зевая, зовет.*

Девушка из жюри, которой он вручил свой листок, естественно, только поморщилась.

Пятерка и тут не оплошал. Посидел в углу минут пятнадцать, написал, что надо, и получил главный

приз — сборник статей, критикующих философские взгляды Достоевского.

К рассказам Яши о трудных экспедициях, в которых он уже побывал, ребята относились скептически, полагая, что если там, где касается книг и учебников, с Пятеркой лучше не спорить, то в вопросах физкультуры и спорта — извините.

Но после одного случая Сашка проникся уважением к талантам Пятерки и в этой области.

Однажды Яша предложил поехать на велосипедах в Можайск с ночевкой.

— Хорошее дело, обязательно, — поддержал Медведь; уже по его тону стало ясно, что он не поедет.

Звонок сказал, что он видал всех велосипедистов в гробу, ибо велосипедисты — смертельные враги шоферов и выезжают на шоссе только для того, чтобы нырнуть под грузовик, когда шофер заезает. Он принципиально не может сесть на велосипед, так как нарушит этим цеховую солидарность.

Ленька обещал, но не поехал. На следующий день в путь отправились Пятерка и Сашка. После первых двадцати километров Яша слез с машины и очень серьезно заявил, что надо возвращаться, ибо с Сашкиными темпами они доберутся до Можайска только к будущей неделе.

Услышав столь наглое заявление, Барон сжал зубы. В общем-то, он кое-как доехал, но уже в гостинице проклял велосипед и сказал, что обратно поедет только поездом.

Тем не менее через сутки, вечером, они снова сели на велосипеды и пошли по темному Можайскому шоссе, причем Сашка почему-то был твердо уверен, что пятый встречный самосвал его прикончит. На этот раз

поездка шла легче: может, потому, что было прохладно, а может, и потому, что Саша несколько втянулся.

За Кубинкой Яша предложил зацепиться за грузовик, а то, дескать, доедем только к утру.

— Давай! — быстро согласился Чернышев.

Грузовик прошел. Пятерка зацепился за него и быстро исчез в темноте. Сашка так и не рискнул. Он продолжал «пилить» в одиночестве и чувствовал себя несчастным и покинутым. Оказывается, стоило Пятерке уехать, как Сашку сразу оставили силы. Но километров через пять он увидел поджидающую темную фигуру. Дальше они шли вдвоем, и Яша больше не предлагал цепляться за грузовики.

В этот воскресный вечер Яша мог остаться на даче, где собрались родственники и пахло пирогами с корицей, но он убедил всех, что ему обязательно надо быть в Москве, что его ждут (кто?), сел на велосипед двояродного брата (свой он сломал утром) и поехал. Зачем? Поиски приключений? Вероятно, ему просто не хотелось оставаться. О эти семейные торжества, на которые всегда приходят седые женщины, и их не очень веселые разговоры: «А помнишь?..» — нет уж, лучше дорога.

На переезде, у Малых Вязем, произошла авария — соскочила цепь. Пока Яша возился, начался дождь. А когда выехал на Минское шоссе, совсем стемнело.

Он так промок, что не чувствовал дождя, и брызги, летевшие из-под переднего колеса, казалось, попадали не на лицо, а на какую-то маску. Сильный боковой ветер сносил его на середину шоссе, и он шел посередине, потому что боялся оказаться в кювете. Маленький тусклый треугольник света скользил перед ним, и попутные машины обходили этот треугольник по левой стороне.

Изредка в свете настигавших его фар возникали группы людей. Словно странные скульптуры, они застыли у обочины, накрывшись с головой плащами и вытянув руки.

Огни встречных машин ослепляли Яшу, и он старался смотреть только вниз и держаться правее. Сиденье чужого велосипеда было ему низко, поэтому ступни почти не работали, и он чувствовал, как они деревенеют. «Не хватало только, — думал он, — отморозить ноги в начале мая. Но кто знал, что будет такой холод? Я же мог свернуть на любое шоссе вправо и через пять минут очутиться на железнодорожной станции». Но, во-первых, в темноте было трудно различить дорогу (пришлось бы сбавить ход, а он уже втянулся в ритм движения), а во-вторых — и это главное, — он знал, что не свернет. Раз он сел на велосипед, то доедет до Москвы, хотя дождь пляшет в тусклом треугольнике, как на стальных проволоках, да и сам он уже мало верит, что доберется до освещенных улиц и что его не собьет какой-нибудь ослепленный грузовик. Но раз он сел, то доедет!

Время для него перестало существовать. Он тупо крутил педали и изрядно удивился, оказавшись на Кутузовском проспекте. Он затормозил у первого светофора, встал на ноги, и ему показалось, что они какие-то чужие: сидя на велосипеде, он чувствовал себя более уверенно, чем стоя на земле.

Соседка даже вскрикнула, когда открыла ему дверь. Подойдя к зеркалу, Яша увидел черную, незнакомую физиономию.

Он принял душ и переоделся. Что дальше? Заниматься не хотелось. Он включил радио, поймал американский джаз. Слышимость была плохая. Пришлось выключить. В доме напротив в двух освещен-

ных окнах суетились пожилые супруги. Хотя толстая женщина не вызвала у него никаких эмоций, он позавидовал ее мужу. Его всегда встречает жена, накрывает чай. Разговор о том о сем. А он, Яша? Опять проблема вечернего одиночества. Зачем человек женится? Наверное, чтобы не быть вечерами одному и не ходить из угла в угол. Ежевечерние прогулки по пустым улицам в смутной надежде о встрече случайной надоели. Позвонить ребятам? Черта с два их сейчас найдешь.

Но они нашли его сами. Яшу позвали к телефону, и голос Медведя сказал:

— Дома? Странно. Что делаешь? Ничего? Отлично. Сейчас придем.

И сразу побоку все мрачные мысли. Теперь он перебирал кассеты и прислушивался, не раздастся ли условный звонок.

Пришли Медведь, Ленька, Барон. Даже принесли вино.

— Вот это жизнь! — только и мог сказать Пятерка.

— А знаешь — почему? — сказал Сашка. — Сегодня вдруг сообразили, что скоро окончим институт.

Позвонили Маше. Юрка был в театре.

— Он вечно в театре, — сказал Сашка. — Ответственная роль — физкультурный парад за сценой.

— Ну и хорошо, — сказал Ленька. — А то приперся бы с женой. Артист сейчас в одиночку не ходит. Сразу началось бы: «Юрочка, Машенька, девочка, миленький...» Фу, противно!

Руслан был дома, но ответил, что Алла ведет его куда-то к знакомым.

— И какие-то вонючие гости тебе дороже ребят? — спросил Медведь.

В трубке послышался тяжелый вздох:

— Женишься, Мишка, не так запоешь!

Яша принес стаканы и несколько плавленых сырков. В холодильнике оставались еще сырники, но ребята все равно не поймут, а ему наутро пригодятся.

Сначала злословили о «женатиках». Юрке доставалось больше всех. Аллу хвалили.

— Такая женщина — уму непостижимо, — сказал Ленька.

— Да, Звонку здорово повезло! — сказал Мишка.

— Ребята, я видел, как он на нее смотрит, — сказал Пятерка. — Это зрелище.

— Загоняет она парня, — сказал Сашка. — Он вкалывает, как волк, а в институте на второй год остался.

— Плохо, — сказал Медведь, который вообще быстро менял мнения. — Ты говорил с ним?

— А что толку? — сказал Сашка. — Знаешь, у Звонка всегда видно по глазам, как он реагирует на твои слова. Говори с ним о чем угодно — глядит на тебя прямо, заговори про Аллу — словно шоры на глаза опускаются.

— Брось, — сказал Ленька, — она из него человека сделает. Он уже ходит в костюме и при галстукке.

Против этого возразить было нечего, ибо Звонк в костюме и галстукке представлял собой явление поразительное.

Еще о чем-то говорили, потягивая вино, пока Мишка не вспомнил старую песню:

*Жил один студент на факультете,
О карьере личной он мечтал,
О карьере личной, о жене столичной,
Но в аспирантуру не попал.*

Тут все расчувствовались и стали говорить, что студенческие годы кончаются, скоро мы разъедемся, и все-таки было здорово, а главное — мы были вместе. И вконец размякший Пятерка поднял последние пол-стакана:

— Мужики! Когда-нибудь, сидя где-то в тьмутаракани, тоскливым зимним вечером вы захотите повидаться, но увы... Словом, тогда вы поймете, как мы нужны друг другу. Я не могу представить нас толстыми, равнодушными людьми, замкнутыми в орбите своих дел. Мне кажется, что бы с нами ни случилось, мы всегда останемся Медведем или Майором, Бароном или Звонком и в трудное время придем друг к другу на помощь. Слишком многое нас связывает, и нет ничего, что бы разделяло. Я пью...

— «...за женщин, пью за ковбоев, за крошку Нелли, за вас обоих!»

Сашка не смог выдержать торжественной минуты и вставил строчку из детской пиратской песни. Но его не поддержали.

— Дурак, — сказал Медведь. — Человек серьезно, а ты...

Часть третья

1.

Старые, поношенные детские ботинки, разноцветное женское белье, рваные брюки, винты, молотки, гвозди, пустые бутылки, куски олова — все это разложено на длинных прилавках, все продавалось по десятке. Но попадались и шерстяные кофточки, и нейлоновые блузки, а у мехового полушубка Ленька даже

остановился. «Умные люди сейчас думают о зиме. Но тысяча рублей! Это больше моего месячного заработка. Отпадает».

Между прилавками сновал народ. Покупали мало. Так просто, воскресное развлечение. А рядом государственные магазины. Все новое. Зато дороже. Продавцы и покупатели иногда здоровались. Вероятно, соседи. Ленька взглянул на часы. Всего одиннадцать. Ну, время тянется! Вот он и побывал на воскресном базаре. Говорят, до революции этот город славился своими ярмарками. Интересно, что тогда продавали?

— Почем кофточка? — спросил Ленька.

— Триста. А поторгуемся, может быть, сбавлю, — ответила пожилая женщина. Лет двадцать назад ее лицо, наверно, походило на идеал. Теперь все стерлось.

Кофточка Леньке была ни к чему.

— А туфли?

Опять же туфли женские, еще совсем ничего, но зачем они ему? Любопытства для.

— Двадцать пять рублей.

Ленька удивился. Он думал — минимум сто.

— Нет, — сказал Ленька, — пятерка — красная цена.

— Беги воруй, пока трамвай ходят.

Заявление было весьма неожиданно. Значит, обиделась.

— Воля ваша, — галантно ответил Ленька и пошел.

— Молодой человек, ладно, я согласна, — раздалось вслед.

Ленька ускорил шаги. Людям нужны деньги? Полдня стоит, чтобы пятерку заработать.

Недавно в обеденный перерыв к Леньке подсел Шарипов, рабочий из его смены.

— Мастер, отпусти меня завтра.

— Болен? — спросил Ленька суровым голосом начальства.

— Да нет, картошку надо копать.

— Чего? — спросил Ленька. — Соображаешь? Это тебе производство, а не колхоз! Картошка! А планы?

— Эх, мастер! — вздохнул Шарипов и, словно беря реванш, сказал: — Вот ты учился-учился, а зарабатываешь меньше, чем я.

Закусочная прямо у выхода с базара. Зашел — опять же ради любопытства. К стойке не пробиться. Толпа. Столики заняты. Сидят почти друг на друге, и все, как по команде, едят борщ или пьют пиво.

Двое рядом с Ленькой. Диалог:

— Смотрю, Ваня, ты кого-то никого.

— Да оно бы ничего, если бы кабы что, а тут не токмо что, а прямо почему зря.

Энергичная красивая продавщица убирала пустые кружки и кричала мужским голосом, чтобы закрывали дверь. Оборванный пожилой мужик внимательно следил за ней через толстые стекла очков. Вот стоит недопитое пиво. Он схватил продавщицу за руку:

— Дай допью.

«Чем здесь люди живут? — подумал Ленька. — Кто на заводе, те в порядке. Что здесь делать, если не работать на заводе? Зачем жить?» Словом, Леньке везет. Занесло! Ну и дыра! Два-три кинотеатра неделями крутят старые ленты. По воскресеньям традиционный маршрут: базар, универмаг, продовольственный магазин — и привет, сиди дома.

Ленька побрел домой. Погода еще ничего. Золотая осень. Но пылица! И мостовые... На один край доски наступишь — другой тебя догоняет. Вот так, молодой

человек приятной наружности, в элегантном немецком костюме (в ГУМе за шестьсот рублей знакомая достала)! Это тебе не Москва, не улица Горького. Это настоящая жизнь.

Крик у овощного ларька:

— Какое ты право имеешь ее оскорблять? Она на работе находится!

Универмаг. Центр культуры. Мужчины по случаю воскресенья и солнца все в черных костюмах. Мода сороковых годов. Зато бостон. Здесь принято покупать один дорогой костюм, чтобы хватило лет на десять. И почему Ленька за полтора месяца не видел ни одной приличной девушки? Приличной в смысле внешности.

— Москвич! Приветствую! Как вам наше житье-бытье?

Ленька изобразил почтительную улыбку. Перед ним стоял главный металлург завода.

Ленька вспомнил свою первую встречу с ним. Тогда главный металлург пришел в литейку и накинулся на Леньку:

— Как с деталью «МК-8951»?

— Я даже не знаю, что это за деталь.

— Как не знаете? Сколько работаете?

— Второй день.

— Все равно должны знать!

Так было поставлено дело. Новичок не новичок — один спрос. И Ленька до сих пор уходил с завода часов в восемь вечера вместо положенных пяти. Впрочем, он даже радовался этому. В цехе время летело быстро.

— Втягиваюсь постепенно. Привыкаю, — сказал Ленька.

— А я смотрю, — продолжал главный металлург, — кто это «в толпе избранной стоит, безмолвный

и туманный? Для всех он кажется чужим. Мелькают лица перед ним, как ряд докучных привидений...» Вивонат, в молодости проходил «Евгения Онегина».

— Зачем же так сурово? — сказал Ленька. — Я так просто...

— В восторге от местных картин. Понятно. Идемте со мной на мотокросс. Или вы очень заняты?

На мотокроссе Ленька был впервые и не подозревал, что сюда приходит чуть ли не половина города.

Машины шли с диким ревом, из-под колес летели комья земли. Гонщики, как бывалые асы, резко ложились на поворот. Какой-то мальчишка вдруг выбежал на трассу. На него несся отставший мотоцикл. Мальчишка остановился посредине, замешкался. Мотоцикл сделал странный прыжок в сторону. Толпа ахнула. Мотоцикл дергался на боку, бешено крутя колесами. Гонщик лежал шагах в десяти. Последние метры его протащило по земле. Толпа в сотню глоток материла мальчишку. Гонщик молча встал, пошел, прихрамывая. На его черном от пыли лице была кровь. Он поднял машину и скрылся за поворотом, так и не произнеся ни единого слова.

— Да, — сказал Ленька. — Лихо. Чувствуется мастер. Откуда он?

— Как? Вы не узнали? — удивился главный металлург. — Колька Демидов из вашего цеха! Это еще что, иногда они устраивают прямо цирковые представления. К забору — знаете наш забор, все-таки метра два, — приставляют под уклон длинную доску, и с другой стороны такая же доска. И на полном ходу перемахивают. Зрелище, должен отметить!..

Вечером Ленька был в гостях у Ильи Марковича — так звали главного металлурга.

Пока жена выставляла огурчики, помидорчики, картошку и прочую снедь, Илья Маркович рассуждал об охоте. Настоятельно рекомендовал Леньке купить ружье.

— Здесь не Подмоскowie, где сто человек на одного зайца. Здесь зазеваешься, так зайцы с ног соьбьют. Или вас больше тянет к городским развлечениям? В нашем театре были?.. Ах да, простите, столичный житель. Кто в Москве остался?

— Мать и сестра.

— Скучаете по ним?

— Немного. Посылаю по двести в месяц. Больше не могу.

— И то дело. Но вы быстро в город пойдете.

Ленька рассказал главному металлургу про разговор с Шариповым. Илья Маркович не удивился. Это, мол, пройдет. Ребятишки, еще не понимают. Раньше вообще никто не учился, а теперь двадцать процентов в вечерней школе и техникуме.

— А когда я сюда приехал семь лет назад, знаете, какой был самый популярный анекдот? Двое грабителей останавливают прохожего: «Снимай пальто». — «Пожалуйста, но оно у меня единственное». — «Хватит врать. Ладно, тогда снимай шапку». — «Пожалуйста, но ведь мне другой не купить». — «Пиджак!» — «Последний забираете, граждане». — «Да кто ты такой?» — «Инженер». — «Инженер? Что ж молчал? Ванька, дай ему десятку!» Вот так мы здесь забавляемся. В преферанс играете? Отлично. Есть любители. Всегда будем рады.

Потом появилась бутылка с лимонными корочками, и пошли в ход огурчики и помидорчики и потешные байки из быта города и завода.

И только однажды (может, потому, что Ленька слишком пристально рассматривал буфет с разнокалиберными графинчиками, полки с книгами, занавески и прочий домашний уют) Илья Маркович неожиданно сказал:

— Вы сидите и, наверно, думаете: мол, вот как человек опустил — водочка, закуски, карты, городские сплетни... словом, маленький мирок, провинция. А вы не торопитесь с выводами. Нас не стоит осуждать. Осуждать тут многие брались. Да не выдерживали полугода и сматывались обратно обивать пороги столичных учреждений. Поживете — поймете: нам многое надо прощать. Потому что мы остаемся, мы работаем. Мы здесь очень нужны. Это вы скоро почувствуете.

Ленька сначала опешил.

— Зачем мне так думать? — пробормотал он.

— Хорошо, — ответил Илья Маркович. — Я не вас лично имел в виду. Так. Абстрактно.

И вечер покатился по старым рельсам.

Ковш медленно наклонялся. Казалось, он был наполнен вареньем и красная с черными пятнами пенка уже остывала, а в форму хлынула молочная струя металла. На потолке задрожали тени железных перекрытий. На минуту все замерли.

Ленька подошел к Демидову и положил руку ему на плечо. Демидов оглянулся, дернулся, засуетился (вероятно, подумал, что неудобно перед мастером стоять руки в боки), но Ленька остановил его. Он и сам испытывал чувство растерянности и восхищения перед раскаленным потоком. Он видел это уже сотни раз, и каждый раз зрелище завораживало его.

Фонтан брызг угас, красное дно запрокинутого ковша тускло, как заходящее солнце. Гипноз кончился, все занялись своими делами.

— Майоров!

Его вызвал начальник цеха. Павел Петрович (на заводе его звали Пал Петров) хотел выяснить причины вчерашнего брака. Но Ленька начал подробно рассказывать, что в этот момент его в цехе не было, он задержался на совещании, хотя понимал, что начальника интересуют не причины его отсутствия, а причины брака. Но, понимая это, Ленька все-таки продолжал подробно объяснять, почему его задержали на совещании («Ничего себе идиотом я выгляжу в глазах Пал Петрова», — мелькнула мысль). Наконец начальник прервал его и прочитал ему краткое внушение. Ленька сумрачно слушал, думая про себя: «Хоть бы отметил, что весь месяц мы работали без брака, попробуй найди еще таких».

Потом начальник изменил тон: он заявил, что, дескать, многие бригады на заводе дают повышенные обязательства и, конечно, смена Майорова справляется с планом, но ведь праздники на носу, да и вообще так принято...

«Теперь Пал Петров дает мне возможность отыграться, — подумал Ленька. — Интересно, делает ли он это сознательно? Ведь он отлично понимает, что после разноса я вряд ли буду сговорчивым. Или это педагогический прием: сначала разнести, а потом показать, что я тоже кое-что решаю?»

— Нет, не можем, — сказал Ленька.

— Почему? — усмехнулся начальник.

— На одном энтузиазме не вылезем. Сначала рабочие должны набивать опоки чуть-чуть быстрее,

чуть-чуть увереннее, а это может прийти только со временем. И потом — установите в цехе пескомёт. Тогда мы сразу дадим двести процентов. Впрочем, вы это сами знаете.

— А вот и поставим, — не то с усмешкой, не то с угрозой сказал Пал Петров.

Ленька давно решил, что при столкновениях с Пал Петровым он должен хоть в какой-нибудь мелочи, но не соглашаться с ним. Авторитет Пал Петрова был настолько велик, что с ним почти никто не спорил. Пал Петров знал это и свои разговоры с подчиненными часто заканчивал иронической фразой: «Это моя точка зрения, но вы, наверно, станете возражать?» — ожидая, что собеседник тут же скажет: «Да нет, что вы, Пал Петрович!»

Ленька обязательно к чему-нибудь да прицеплялся. И как ни странно, но ему казалось, что таким поведением он завоевывает все большее уважение начальства.

Со старшим технологом у Леньки была другая политика. Старший технолог имел репутацию человека въедливого, книжного. Он следил, чтобы все выполнялось точно по расчету — грамм в грамм, секунда в секунду. Старые же мастера, полагаясь на свой опыт, придерживались проверенного принципа — «на глазок». Когда старший технолог вызывал Леньку, Майоров послушно записывал все его выкладки и расчеты. Мастера подтрунивали над абсолютной верой Майорова в цифры технологии, Ленька отвечал весьма сдержанно: «У вас большой стаж, вы люди знающие, а я новичок», — что, естественно, им льстило.

После разговора с начальником Ленька пошел к рабочим и провозился с ними почти до конца смены.

И здесь Ленька старался показать формовщикам, что он не чурается «грязной работы».

Он заметил, что, вынимая отливки, рабочие попеременно отдергивают руки и как-то странно размахивают ими.

— Шарипов, — сказал Ленька, — почему новые рукавицы не получили?

— Не дают, — мрачно ответил Шарипов.

— Я же подписал заявку. Ходили?

— Кончился лимит. А на складе у Веры черта с два получишь. Зверь, а не человек.

Ленька пожал плечами и сам пошел на склад. Вопрос о рукавицах был для него не технологический, а психологический. Получит — будет в глазах рабочих человеком. Не получит — окажется болтуном.

Ленька представлял себе кладовщицу Веру таким цербером и решил сразу подавить ее всеми авторитетами, включая главного металлурга. Но, придя на склад, он увидел молоденькую девочку и понял, что надо срочно искать «новый ход». На Веру, наверно, все пытались кричать, надеясь, что она еще маленькая и не устоит. А Вера, чувствуя это, сразу становилась твердой и непреклонной.

Вера подозрительно косилась на приближающегося Майорова, и Ленька готов был поклясться, что она встретит его фразой: «Приходите завтра. Сегодня склад закрыт».

— Так это вы? — сказал Ленька, ласково улыбаясь. — А я вас еще в воскресенье около универмага заметил. Вот, думаю, милая девочка, как бы познакомиться.

Он действовал почти наверняка. В воскресенье Вера хоть раз, но обязательно забегала в универмаг, так просто, для развлечения.

Он рассыпался мелким бесом. Он припомнил весь свой московский опыт. «Уж если я ее не обольщу, — думал он, — грош мне цена».

Ленька вернулся в цех, когда уже работала другая смена. Но на плече у него была связка новеньких рукавиц.

А потом его снова вызвал Пал Петров. А потом он опять долго сидел у старшего технолога. И все это были неотложные дела. А потом неотложные дела кончились, но Ленька придумывал себе все новые и новые занятия.

Он откровенно тянул время. Не хотелось покидать цех, где ему нравилось все: и суета, и авралы, и захватывающий ритм работы, и постоянное ощущение, что лично ты все время кому-то нужен, и сложные отношения между начальником, мастерами и рабочими, и даже сам воздух с его специфическими запахами — цех, где мелькали тени железных перекрытий, когда шла плавка и вспыхивали струи металла, как долгие зарницы.

ПЕРВЫЙ СОН ЛЕНЬКИ

Ленька ждет автобуса. Напротив — остановка того же автобуса, но в другую сторону. Ленька стоит в середине очереди. Напротив — такая же очередь. И там он видит ЕЕ. ОНА не то в зеленом, не то в темно-синем плаще. К той остановке подходит автобус. Но Ленька сквозь стены автобуса видит, что ОНА не садится. Подходит Ленькин автобус, но он тоже не садится. Автобусы уходят. Ленька видит, что ОНА по-прежнему стоит в очереди. Снова подходят машины, и снова Ленька и ОНА не садятся. Так проходит какое-то время. Наконец скрываются последние автобусы. Уезжают послед-

ние пассажиры. Он остается один, а на той стороне улицы стоит ОНА. Быстро темнеет. Ленька не может разглядеть ее лица, но знает, что это ОНА. Он оглядывается. Ни машин, ни прохожих. Он перебегает улицу.

Когда утром Ленька пытается вспомнить подробности, ему кажется, что этот сон он видел уже несколько раз.

ВТОРОЙ СОН ЛЕНЬКИ

Арбатская площадь кружилась вокруг деревянного постамента с устремленной вверх ракетой, как пластинка, насаженная на шкив проигрывателя. Кругами по ней ходили конькобежцы, из-под коньков вылетали определенные мелодии. У каждого своя. «Мамбарок» попеременно с «Каким ты был...». «Вот техника шагнула, — подумал Ленька. — Коньки вместо иголок!» И, перегнувшись, полез под шлагбаум, на котором была надпись: «Арбатская республика».

Люди передвигались по Арбату несколько странно. Они цеплялись специальной тросточкой за провод и скользили, пока не приближались к нужному дому. Тут они дергали за тросточку (как кондуктор трамвая за звонок), провод на секунду опускался, и они оказывались на мостовой.

Руслан катил перед собой большое колесо от самосвала, направляя его металлической ручкой.

— Привет, — сказал он Леньке. — Подвезти? У меня персональная машина.

— Нет, — сказал Ленька, — так дойду. Где Медведь?

— В «Праге» стоит у входа с большим блюдцем. Он метрдотель. Лютует. Забывает старых товарищей. Без галстука не пускает.

Ленька зашел в магазин. В углу стояла Алла и целилась в него, натягивая галстук вместо рогатки. Раз! — и галстук, спланировав, оказался на Ленькиной шее.

Но Ленька решил пройти дальше по Арбату. Когда он дошел до дома, где раньше помещалось кафе-мороженое, то увидел Барона, который сидел за непонятным сооружением, напоминавшим пианино. Сашка нажимал на клавишу, и из окон семиэтажного здания, как на пружинах, высовывались жильцы. Каждой клавише соответствовали определенные три окна. Иногда Сашка играл гамму, и люди мелькали почти во всех окнах.

— Видишь? — сказал Барон Леньке, не оборачиваясь и продолжая нажимать на клавиши. — Где-то замякнуло. Ищу. Он должен быть во втором слева, на пятом этаже. Никак не могу попасть на него. Может, слесаря вызвать?

Но Ленька не ответил, потому что оказался у Смоленской площади. Там, закрывая площадь, висел огромный экран, и на экране перед зрителями, повисшими на тросточках плотными рядами, как пальто в театральном гардеробе, шла сельскохозяйственная кинокомедия, где в главной роли выступал Бутенко. Леньку заинтересовало, куда поставили кинопроектор. И тогда он увидел маленький «москвич», из каждой фары которого попеременно выходили пучки света. В «москвиче» сидел старый глухой сапожник, частная лавка которого находилась на Большой Молчановке, и курил трубку. Бутенко на экране спорил с бородатым мужиком и вдруг, повернувшись к зрителям, закричал: «Ленька! Давно приехал?»

Что-то толкнуло Леньку в бок. Он оглянулся. Сзади стояла детская коляска, а в коляске огромная бу-

тылка молока. Коляску вел Пятерка. Он сказал голосом Ленькиной квартирной хозяйки:

— Леня, молоко уже вскипело!

Ленька открыл глаза. Над ним стояла Лидия Васильевна, женщина, у которой он снимал комнату, и говорила:

— Леня, молоко вскипело, пора вставать.

ПИСЬМО ЛЕНЬКИ МЕДВЕДЕВУ

«Мишка, здорово!

Что это вы, проклятые алкоголики, перестали мне писать? Зазнались?

Здесь у нас зима. По воскресеньям хожу на лыжах. Холодно, но терпимо.

Перевели меня на должность старшего технолога. Растем помаленьку. К Новому году обещают дать комнату.

С личной жизнью здесь по-прежнему полный провал, хотя появилась некто Галя в конструкторском бюро. Очень в порядке. Из Ленинграда. Но подойти к ней никак не могу. Пока не было повода.

Выписываю разные книги по литейному делу. Знаешь, завод с перспективами. Будет где развернуться.

Как вы там убиваете время? Собираетесь?

Всем привет!»

ПИСЬМО МЕДВЕДЕВА ЛЕНЬКЕ

«Старая галоша!

Куда ты пропал? Сам не пишешь, а нас обвиняешь. Мы уже тут решили, что тебя съели волки или что ты сгорел на производстве.

Рад твоим успехам. Давай не упускай свою Галю. Не роняй московской марки.

Я вкалываю на ТЭЦ. Работа не очень. Думаю, куда бы сбежать. Тут никаких вакансий не предвидится. Лет десять можно просидеть рядовым инженером, пока не умрет твой непосредственный начальник. А у меня начальство здоровое, играет в теннис.

Часто вижу Барона. Он в „ящике“. Платят там хорошо, но он рвется на теоретическую работу. Еще появляется Пятерка. Прибыл недавно из экспедиции. Готовится к новой.

Бутенко в Ростове. Маша с ним не поехала. И вообще ходят слухи, что они разводятся. Вот тебе и научно-показательный брак!

Звонок совсем забросил институт. Теперь он водит грузовики. Какая-то контора по междугородным перевозкам. Часто в отъезде. Но зато Алла скупает тряпки у всех спекулянтов. Вот какие наши успехи. Пиши и не пропадай».

ПИСЬМО ЧЕРНЫШЕВА ЛЕНЬКЕ

«Почтение славным труженикам Урала!

Дошло до нас, что в тебя влюблена вся женская половина завода и только девица Галя еще чудом устояла. Но ты, Леня, не отчаивайся, я думаю, и она тебя оценит.

Наши мальчики, получив высшее образование, малость растерялись и усиленно врастают в быт. За ними теперь нужен контроль, а то не ровен час женятся. Я и лекции им читаю, и привожу математические выкладки, и показываю диапозитивы — все из жизни наших ранних молодоженов.

Боюсь, проку будет мало. Все косятся по сторонам, хотя судьба Бутенко весьма поучительна, а Звонка — просто печальна. Новый год мы встречали вместе. Все было вроде здорово, но Медведь привел некую Нелю, особу энергичную, которая посматривает на Мишку, как удав на кролика. Я обеспокоен. С Пятеркой проще. Он еще блюдет дистанцию.

Юрка пишет, что много работает. С ним поехала половина курса. Мечтают создать свой театр. Я тут делаю одну тему, как говорится, подпольно, пока для себя. Времени уходит уйма. Но выхода нет — пан или пропал. Хорошо, что ты перелистываешь книги. Дело полезное. Станешь директором завода — возьми меня к себе, знаешь, по благу, как старого неудачника?

Что слышно с твоим отпуском? Есть проект объединиться на лето и укатить куда-нибудь на байдарках. Или тебя, как коренного уральца, влечет традиционный маршрут в Сочи?

Встретил недавно Машу. Обзывает Юрку дураком. Учти! Вот оно, женское коварство.

Привет от Мишки, Яши, Аллы и Руслана.

P. S. Только что получили твое письмо. Гордимся пионером рационализаторской мысли. Огорчило меня, что на Новом году ты все-таки познакомился с Галей. Держись, Леня! Так погибали и более светлые умы. Не ввергай в траур московских женщин!»

2.

«Ну, пойдем рядом, посмотрим, кому первому надоест», — решил Руслан.

«ЗИЛ» харьковчанина ни в чем не уступал машине Звонкова. Да, шофер попался заводной. Встречная «победа» испуганно шарахнулась к обочине, уступая дорогу двум озверевшим грузовикам. Ее водитель, наверно, материл Руслана по-страшному, но у него не было выхода: металла в «ЗИЛе» больше. К тому же он, частник проклятый, впадает в истерику после каждой царапины.

Вдруг харьковчанин стал сдавать. Руслан вышел вперед и занял свое «законное» место в правом ряду. Что же ты, друг любезный? Не выдержали нервы? Ах, вспомнил: сегодня тринадцатое число да еще понедельник! Наглядный пример, как мешают человеку предрассудки. Не хочет искушать судьбу. А мы еще порезвимся до Подольска, а там поедем согласно правилам, утвержденным ОРУДом ГАИ. Там уж не развернешься. Полно инспекторов.

Теперь Руслана обошла «Волга». Руслан театрально вытянул руку. «С могучею природою царям не совладать». Потом он высунул голову в окно, подставив лицо освежающему ветру. Помогло, но мало. Тогда он открыл дверцу и, продолжая одной ногой давить на акселератор, другую выставил на подножку — и так стоял, придерживая руль правой рукой. Посмотрел на часы. Около шести вечера. А выехал в семь утра. Поневоле будут глаза слипаться. Дорогу, рассчитанную на два дня, он пройдет за четырнадцать часов. Передовик производства!

Между прочим, Руслан действительно числился передовиком. Получал премии и благодарности. Но, честно говоря, не потому, что осознал полезность перевыполнения плана для народного хозяйства, и не потому, что ему нравилось видеть свое фото на Доске почета. Просто Руслан слишком много времени проводил за баранкой, чтобы получать удовольствие от са-

мого процесса езды. Любая дорога хороша... первые два часа. А когда это превращается в каждодневную работу, где уж тут любоваться пейзажами! По сторонам смотреть противно. И чтобы хоть как-то избежать однообразия пути, Руслан устраивал гонки. Отсюда экономия времени и полтора плана. Старые, опытные шоферы только качали головами: «Звонков, ты слишком быстро едешь. Так нельзя. Ты еще не представляешь, что такое скорость. Думаешь, можно затормозить?» Впрочем, говорили наиболее мудрые из них, все это до первой серьезной аварии. Но пока Руслану везло, и он был доволен своей репутацией отчаянного лихача.

Домой он попал только к десяти вечера. В метро чуть не заснул, но, уже стоя у дверей квартиры, слыша музыку и незнакомые голоса, почувствовал себя бодрым и возбужденным. Он мог открыть дверь ключом, но позвонил.

В дверях появился неизвестный Руслану молодой человек в белой рубашке, без галстука. Руслан не ответил на его недоуменный взгляд, отодвинул плечом и вошел. Знакомая обстановка: вино, магнитофон, несколько стильно одетых парней и девушек. Все обернулись в его сторону. Разговор прекратился. В своей промасленной кожаной куртке Руслан производил впечатление водопроводчика, явившегося без вызова хозяев. А вот и Алла. Как всегда, блистает. Где она так загорела? На пляже в Серебряном бору?

— Мир честной компании, — сказал Руслан и сел у магнитофона.

— Сейчас я тебе приготовлю ванну, — сказала Алла. — Откровенно говоря, я тебя ждала завтра.

И, поймав недоуменные взгляды гостей, представила Руслана.

Руслан лежал в ванне, когда зашла Алла. Она принесла чистое белье, рубашку и наутюженные брюки.

— Тебе помочь? — спросила она.

— Нет, — ответил Руслан. — Там надолго?

— Сейчас прогоню. Надоели. Ну-ка!

И она поцеловала Руслана.

Когда он вышел, чистый и сияющий, гости смущенно откланивались.

Руслан пил вино, доедал закуску. Алла сняла с плиты сковородку с мясом и со скоростью ста слов в минуту (так она говорила только наедине с мужем) рассказывала, что в Москве жара, духота, ты не представляешь, как сидеть на работе, хорошо, что к вечеру едем на пляж, эти ребята из МИДа, познакомились на лодочной станции, хорошая компания, ходили однажды в кино, а сегодня решила их пригласить.

— Из МИДа? Поздравляю, — сказал Руслан. — Где ты их находишь?

— Я? Скажешь тоже. Сами проявляют инициативу.

— Алка, вообще я могу посылать телеграммы на случай внезапного появления.

— Не говори глупостей.

— А ты шикарно живешь! Всегда какое-нибудь пиршество.

Алла посмотрела на него долгим взглядом:

— Признайся, Руслан, а тебе нравится такая жизнь! Возвращаться домой, находить свою жену эффектной и красивой, в окружении молодых людей, шокировать их своим пролетарским видом и знать, что они сейчас уйдут и наверняка будут завидовать, что эта женщина принадлежит тебе. Правда?

— Ты у меня умница, — сказал Руслан.

В маленькой комнате, где, судя по запаху, зимой хранилась картошка, Бутенко и Ивановский заканчивали гримироваться, попеременно выхватывая друг у друга осколок зеркала.

— Слушай, — сказал Ивановский, — я хочу тебя спросить.

— Ради бога, только не о зарплате, — сказал Бутенко, навешивая на мундир немецкого офицера разноцветные фольговые крышки, снятые с бутылок ряженки, кефира и молока. — Не дави мне на психику, я человек травмированный.

— Нет, — сказал Ивановский, — Меня вдруг заинтересовало: какой сегодня день?

— Спроси что-нибудь полегче, — сказал Бутенко. — Впрочем, по-моему, понедельник.

— А число?

— Кажется, тринадцатое. Ты суеверный?

— Нет, просто восхищен тобой. При такой жаре и дикой гонке сохранить здоровое мышление... Кстати, ты знаешь, что сейчас мы будем играть эту бодягу в сотый раз? Сотый раз за три месяца! Спешите видеть!

— Зато какие сборы! — сказал Бутенко. — Перекрыли все дары финансового плана.

— Дирекция ликует, а у меня размягчение мозга, — сказал Ивановский. — Я только не понимаю: зачем мы четыре года зубрили Станиславского? Вживание в роль, сверхзадача, мастерство, школа МХАТа! Где это все? Кому это надо? Два-три спектакля в день. Как попугай, вызубрили и шпарим...

— Ты хочешь сыграть «Царя Федора Иоанныча»? В этом поселке никогда не видели театра. Думаешь,

поймут? То ли дело подвиги лихого разведчика. У входа спрашивают лишние билеты.

— Вот я и удивляюсь твоему хладнокровию. Ты счастливый человек, все понимаешь.

— Могу поделиться своим счастьем. В счет тех двухсот рублей, что я тебе должен.

В комнату заглянул помреж:

— Готовы? Начинаем.

Они встретились через полчаса уже на сцене. Спектакль катился, как вагонетка под гору. Реплики сами срывались с языка. В нужных местах зал взрывался аплодисментами.

— Я тебя сто раз предупреждал, — вдруг сказал Бутенко. Это получилось случайно. В тексте было: «Я тебя предупреждал».

Ивановский на секунду запнулся (словно под колесо вагонетки попал камешек), потом сдвинул набекрень военную фуражку с немецкой кокардой и невозмутимо ответил:

— А я тебе сто раз говорил...

Не оборачиваясь, Бутенко чувствовал, что за кулисами возникает маленький ажиотаж.

Теперь началась игра.

Скуку как рукой сняло.

Вся труппа, словно в едином порыве вдохновения, лихо гнала текст, куда только можно вставляя слово «сто»:

— Я сотый раз смотрю на эту деревню...

— Я получил сотое донесение от партизан...

— Я вам сто раз отвечал: ничего не знаю...

— Открываю сотый замок...

— Мы сто раз стреляли в этого офицера...

— Я принесла вам сотую бутылку...

В середине третьего действия, когда Бутенко, убитого в сотый раз, унесли за кулисы, к нему подскочил директор:

— Юра, это же черт знает что такое!..

Директор не находил слов.

Бутенко приоткрыл портьеру:

— Смотрите, зал считает, что так и надо. Как принимают! Блеск! И ребята стараются.

«Чудо», которое произошло тринадцатого числа, в понедельник, в день, когда ничто хорошее произойти не может, было, как и все чудеса, хорошо подготовлено.

Лаборатория, где работал Чернышев, занималась, как говорится, одним узлом одной системы. Лучшие люди при помощи метода так называемого научного тыка долго ломали головы, но ничего выдающегося придумать не смогли и наконец решили сделать так, как получалось. А получалось так, что узел, который должен быть не больше маленького приемника, своими размерами напоминал шкаф. Именно тогда и стали замечать за Чернышевым нечто странное. Он худел на глазах. Парень, раньше блиставший остроумием, теперь не мог произнести двух правильно построенных фраз. На работу он приходил бледный, с темными кругами под глазами. Начальник лаборатории решил, что Чернышев намертво влюбился. Была высказана гипотеза, что виной всему «Петровская» водка, снова появившаяся в магазинах. Как видим, злые языки резвились вовсю.

Но у работников библиотеки с грифом первой секретности было иное мнение. Они возненавидели Чер-

нышева за то, что он запирался в читальном зале и задерживал их на много часов после работы. Так шло время, пока Чернышев наконец не решил, что он просто бездарность и что дикое напряжение нескольких месяцев, вечера в библиотеке и бессонные ночи — все ни к чему, да и вообще не податься ли ему в работники коммунального хозяйства.

Он посмотрел два фильма подряд, погулял по парку, побродил по улицам, потом зашел в кафе. Целый день он думал о чем угодно, только не о том, над чем ломал голову столько времени. Но в ожидании официантки он взял салфетку, машинально стал что-то чертить на ней, взглянул и тут же порвал. Сначала не поверил. Решение, как часто в подобных случаях, было удивительно простым. Ночью он сел за расчеты. А через две недели пришел к начальнику отдела и сказал: надо делать не так, а вот так, так и так. И вот мои вычисления.

Первым побуждением шефа было послать Чернышева проспать или опохмелиться. Он еще не сошел с ума, чтобы изучать интегралы Чернышева. Но потом шеф зашел в другой отдел, к доктору наук Василию Петровичу, и попросил проконсультировать вычисления Чернышева.

Василий Петрович был из тех теоретиков, что, например, увлекшись шахматами, знают защиту Чигорина лучше самого Чигорина, но никогда в жизни не сдвинули пешки. Рассчитать — пожалуйста, но играть самому! Зачем зря тратить время?

В понедельник тринадцатого Василий Петрович явился к шефу Чернышева и сказал, что он не завидует Осетинскому. Осетинский, который сидел на этой проблеме пять лет, теперь может повесить свои рабо-

ты в любом ватерклозете на первом же гвозде. И вообще этот мальчишка съел Осетинского. В записях Чернышева все правильно — раз, он удивительно талантливый парень — два, это готовая кандидатская диссертация — три. Шеф, как и все администраторы, был не очень силен в теории, но зато очень быстро перевел итоги работы Чернышева в сферу плана и премий.

Шеф вызвал начальника лаборатории и ознакомил его с расчетами Чернышева и с отзывом Василия Петровича. Посоветовавшись, они пригласили Чернышева.

Чернышеву было сказано, что хватит быть раком-отшельником, ему дают группу, пускай он заставит этих лоботрясов считать. И вообще лаборатория начинает работать на него, и все надо делать в темпе: сроки поджимают. Было также сказано, что прибавка к зарплате в размере трехсот рублей, вероятно, не помешает. Кстати, заметил шеф, у меня существует план по кандидатам наук, нечто вроде подразверстки, и есть такое мнение, что если Чернышев сдаст кандидатский минимум, то только что представленная им работа вполне сойдет за диссертацию и защита ее будет делом решенным. Но нужды производства прежде всего, и отпуска Чернышеву никто не даст. Так что пусть выкручивается сам. Не умрешь, все так начинали. В таком разрезе. Усек? Теперь иди.

Когда Чернышев, несколько пошатываясь, вышел из кабинета, шеф сказал начальнику лаборатории, что иногда этого парня под любым предлогом надо отпускать домой. А то укатают сивку крутые горки. И, между нами говоря, если начальник увидит, что Черны-

шев в рабочее время читает какой-нибудь учебник по философии, то пускай начальник смотрит в другую сторону.

— Вон машина геологов, — сказал Савелий.

Это было забавное зрелище: на холмистом плато, где, куда ни глянь, не заметно даже признаков дерева или хотя бы кустика, где водитель мог, закрыв глаза, ехать в любую сторону, хоть задом наперед, два грузовика с бешеной скоростью неслись друг на друга.

«Свидание космонавтов в межзвездном пространстве», — подумал Яша.

Машины затормозили.

— Привет геодезистам! — крикнула девушка из кузова грузовика. — Группа Штенберга? Слыхали. Где же ваш грозный начальник?

Савелий смущенно ткнул в сторону Яши, который стоял, укутавшись в зимний тулуп (из Ташанты Яша выехал налегке, в одной рубашке, но чем дальше в горы, тем становилось холоднее, и Яша как влез в тулуп, так решил с ним не расставаться до Судного дня или хотя бы до возвращения на базу).

Девушка (Яша не любил таких девиц — нахалка, задира, знает, что в этом краю без женщин она всегда в центре внимания; впрочем, он понимал, что тихим и стеснительным здесь не место, но все равно...) расхохоталась:

— У, какой он у вас молоденький! Я-то думала, увижу свирепого барбоса, который лает и не дает людям ни дыхнуть, ни охнуть. Как же он вами командует?

Ну вот, Яша так и чувствовал — элементарный подрыв авторитета...

Дальше пошел разговор по принципу: «А у нас в квартире газ. А у вас?»

Машины разъехались, но Савелий еще с полчаса восхищался девицей (что он в ней нашел? так, дура девка!) и рассуждал вслух о том, как хорошо было бы остаться с ней наедине (то есть начались речи, которых Яша терпеть не мог, но уж ладно, раз дал людям отдых да еще поехал сам с группой на рыбалку, сиди и помалкивай).

До речки они добрались, когда совсем стемнело. Их встретил одинокий рыбак, притащившийся сюда на мотоцикле с Кош-Агача. Рыбак сказал, что хариусов полно, он за день наловил полведра, давайте, товарищи, угощайтесь.

Из кузова достали старую резиновую покрывку, подожгли. Костер для бедных. Не возить же с собой дрова! Впрочем, резина горела хорошо, только надо было увертываться от ветра, а то лизнет черный язык копоты — и будешь ходить как трубочист. Сварили уху. За неимением другой посуды налили суп в кружки, потом из этих же кружек пили сладкий чай. Ничего, прошло.

— Яков Львович, — сказал Савелий, который в вопросах быта взял над начальником негласное шефство, — может, в кабине ляжете?

— Зачем? — возмутился Яша. — В кузове, как все.

Устроились в кузове. Яша долго ворочался, потом положил голову на сапог Савелия и сразу уснул.

Утром рыбаки наловили каких-то кузнечиков и разбрелись вниз по течению. Яша остался у машины и некоторое время старательно закидывал удочку. Ни одна сволочь не клевала. Тогда Яша укрепил удилица (черт с ним, с мотылем, пускай пользуются) и пошел вверх, в горы. Он решил добраться до заснеженной вершины, что казалась совсем близкой.

Трава быстро кончилась. Пошел щебень. Почетный эскорт из комаров все еще не отставал. Яша готов был спорить на бутылку кефира (дефицит в этих районах), что комары так высоко никогда не залетали. Первый раз, в виде исключения, ради Штенберга? Пожалуйста, могу обойтись и без этого церемониала.

Но вот исчезли и комары. Яша оглянулся. Отсюда машина была не больше спичечной коробки. Жирной точкой на зеленом поле чернел потухший костер.

Яша шел по гребню хребта, и каждая новая вершина казалась ему последней, но за ней шли новые и новые, а там, вдали, начинался снег. «Не дойти, — подумал Яша, — еще километров десять».

Когда он карабкался по глухому, скользящему щебню в очередной сопке, появился орел. Он летел совсем низко, метрах в пятнадцати. Яша не знал намерений орла. На всякий случай он вынул нож и начал целиться в птицу, чтобы орел подумал: дескать, у человека пистолет, и с ним лучше не связываться. Известно, что подумал орел, но скоро ушел вверх.

Проклиная свой скверный характер, Яша все-таки добрался до первого снега. Панорама. Алтай подо мною. «Один в вышине стою над снегами у края...»

Внизу, как зеленое разбитое блюдце, лежало озеро. Дикие горы и ветер. И полная гарантия, что здесь нигде не найти пустой консервной банки и клинописи вроде «Вася+Маша=любовь».

И, естественно, размышления типа: пройдет еще пятьсот лет, прежде чем на место, где сейчас Яша, ступит нога человека, и вообще еще люди не появились, а горы были, и так же дул ветер, и так же зеленело озеро, и Яша умрет, а горы будут стоять и т. д.

Спускался Яша бегом. Дорога назад показалась очень короткой.

Поплавок его удочки прибило к берегу. Мотыль висел в целости и сохранности. Внезапно Яша почувствовал сильнейшую головную боль. Он прилег. Боль усиливалась. Появилась тошнота, и во рту все время вкус чая, смешанного с ухой.

Рыбаки вернулись с богатым уловом. Опять разожгли костер. Варили уху. Яша отказался от еды. Запах рыбы вызывал у него рвоту.

Рыбаки снова ушли на промысел, а Яша остался.

Утром где-то внизу Савелий подстрелил дикую утку, она была еще жива и лежала недалеко от Яши, глядя на него тусклым, почти недвижимым глазом.

«Вот и я такой же несчастный, — думал Яша. — Сидел бы сейчас с Медведем и Русланом. Перекидывались бы в преф. Мило и спокойно. А солнце словно зацепилось за крюк. Ни с места. Время тянется бесконечно. Какой сегодня день? Ах да, проклятый понедельник, тринадцатое число. Везет же мне! В следующий раз не будь пижоном, бери с собой аптечку. Но когда же они придут? Совсем очумели ребятишки в погоне за этим хариусом. Чтоб я еще хоть раз в жизни притронулся к рыбе!.. Только по приговору народного суда».

Они могли уехать еще в обед. Стоило Штенбергу только сказать. Ведь он был начальником, к тому же еще заболел. Но он действительно загонял ребят. Не так часто им выпадал отдых. И на вопрос Савелия: «Что с вами?» — Яша ответил: «Так, просто хочу полежать, к рыбе я равнодушен».

Наконец наступил вечер. Пришли рабочие и завели мотор, и снова вверх-вниз по пологим сопкам,

и длинные споры, касающиеся параметров выловленных хариусов, а в голове у Яши кто-то неутомимо стучал молоточком, и во рту привкус чая, налитого в кружку из-под ухи.

В Ташанте он принял полпачки пирамидона. Головная боль прошла, но утром опухло лицо.

Тогда он рассказал Савелию про свои подвиги.

— Эх, Яков Львович, — развел руками Савелий, — я думал, вы умный человек, а вы как ребенок. Всегда вам говорил — торопятся только при ловле блох (Савелий любил вставлять фольклор в свои речи), кто же с сопки бегом спускается? Резкий перепад высот. Поздравляю с боевым крещением. Горная болезнь. Вон как вас разнесло. Но к свадьбе пройдет, я так думаю.

Савелий выходил на свою излюбленную тему.

Павел Петрович начал очень вежливо и очень почтительно, называя Леньку по имени-отчеству (сразу вспомнились слова главного металлурга: «Когда начальство кричит — все в порядке, когда ласково — не к добру»). Ленька слушал, как всегда, изобразив на лице внимание, а на самом деле вполуха, думая о своем. Но вот он насторожился, чуть не перебил начальника, однако сдержал себя. Начальник, наверно, ничего не заметил. Так. Все правильно. Слухи, которым Ленька не верил, подтвердились.

Дело было вот в чем. Цех осваивал новую деталь, очень сложную, с внутренними полостями. В принципе ее можно было изготавливать и механическим путем, но работа была трудоемкая, дорогая, для токаря восьмого разряда. Поэтому решили отливать деталь полностью. Как всегда, сроки установили мизерные, план большой, как следует освоить технологию не успели.

Получилось, что из ста отливок восемьдесят шли в брак. Но брак этот пока не учитывался. Бракованные детали просто не сдавали в ОТК, а складывали в кучи. Цех выполнял план, премии шли, но росли и горы брака. Когда-то должен был прийти конец. Приедет любая комиссия, и дело вскроется. Начальство потянут к ответу. А пока все знали, но закрывали глаза. Ведь цех план выполнял.

— Я понимаю, — говорил Пал Петров, — вы человек молодой, принципиальный, но подумайте сами: когда нам давали задание и устанавливали сроки, то знали, что мы не уложимся. Или задание будет сорвано, или пойдет огромный процент брака. Задание мы выполняем, нами довольны, а как мы выкрутимся, это никого не касается. Я тут посоветовался с некоторыми товарищами и пришел к выводу: есть один выход. Собрать все и закопать. Да, элементарно, в землю. Не такой уж большой урон. Завод терял и больше. Вы старший технолог, и я должен был поставить вас в известность. Кстати, мы свои люди, и из цеха эта история не выйдет. Будьте спокойны.

— Да, я слышал, — сказал Ленька, — один такой эксперимент уже проводили.

— Майоров! — Начальник стал официальным. — Не будем ворошить прошлого. Что там было, ни вы, ни я не знаем.

— А перелить нельзя? — спросил Ленька. Спросил просто так, для очистки совести. Ответ был ему известен.

— Нельзя. Другой состав. Значит, придется сдавать на общих основаниях, как металлолом. И тогда придется признаться, что мы гнали восемьдесят процентов брака. Вас это устраивает?

— Нет, но я не могу предложить ничего другого.

— Я предлагаю. Ваше решение?

— Не согласен.

— Отлично. А если...

— Понял. Мне придется обратиться к главному металлургу.

— Спасибо за откровенность, Майоров. Значит, вы один принципиальный, вы один честный, а мы все сволочи, не так ли? А задумывались ли вы над тем, молодой человек, что наверху нашими руками жар загребают? У них все о'кей, блестящие рапорты, а нам расплачиваться. Они же нам установили нереальные сроки, согласны? Отлично. Теперь мы играем в честность. Результат? Цех лишают премии — кстати, люди старались, и лишняя копейка, вы знаете, дорога простому труженику. И все почему? Потому что старший технолог вдруг захотел быть принципиальным. Ради чего, спрашиваю? И потом не забудьте — ведь нам же дальше вместе работать. Между прочим, вы не хотите взять бюллетень на три дня?

«Слушайся умных людей, — подумал Ленька. — Мне отвечать не придется. Он опытный начальник, мыслит здорово».

Ленька раскрыл рот, но вдруг неожиданно для себя произнес:

— Не затем я приехал на Урал, чтобы скурвиться.

Павел Петрович потушил папиросу.

— Отлично, Майоров, — сказал он, — приятно было с вами пообщаться. А теперь слушайте сюда. Я сдаю брак на переплавку. Когда полетит квартальная премия — а она полетит обязательно, — всех заинтересованных лиц я буду посылать к вам. Надеюсь, они кое-что вам выскажут. Кстати, стоимость брака взыщут с ИТР, и с вас в том числе. Я был лучшего мнения о стар-

шем технологe, но на всякий случай подсчитал. Лично с вас придется удержать полторы тысячи. Как, Майоров, будете сразу вносить или по частям?

— Привет, — сказал Ленька, — вычтите, как у всех, из зарплаты. А теперь, с вашего разрешения, пойду. Много работы. У вас ко мне все?

«Хамить ты, конечно, научился, — думал Ленька, возвращаясь в цех, — герой, а дальше что? Он тебе это припомнит. Уже выпустил когти. Полторы тысячи — это на полгода. Накрылось пальто. А еще ружье хотел купить. Ну и чудак ты, Майоров! Высоко летаешь, куда сядешь? Глупо, милый, очень глупо! Скоро тебе покажут небо в алмазах. Полторы тысячи! Сегодня какое, тринадцатое? Ничего себе неделя начинается!»

Днем Медведева вызвали на бюро райкома. Совещание секретарей комсомольских организаций некоторых предприятий. Очередное ЦУ — ценное указание: как проводить День советской молодежи. Мишка сидел, прилежно записывал, тихо зевал. Он быстро прикинул, что у них на ТЭЦ ограничатся обыкновенным субботним вечером. Ну, устроят викторину. Мероприятие. Галочка.

Он приехал домой. Но поспать не удалось. Деловые звонки. Потом какие-то женские голоса. Суета сует.

Вечером он вышел на ночное дежурство.

Часам к одиннадцати он проверил все, что можно было проверить. Системы работали нормально. Если никакой аварии не произойдет, а ее как будто не предвидится, то он может спокойно ложиться спать. Собственно, он нечто вроде ночного сторожа. На всякий случай. Вдруг что-нибудь.

Он раскрыл английскую книгу и некоторое время пытался читать. Но слова пролетали мимо. В словарь заглядывать не хотелось. Глаза слипались.

Подошел слесарь:

— Михаил Иванович, я того, можно?

— Иди кемарь!

Мишка знал, что сейчас слесарь спустится к самым машинам, там узкая скамейка, он подстелет тулуп и начнет давить сон, и грохот машин будет только убаюкивать его. Привычка!

Вообще делать этого не полагалось. По инструкции слесарям строжайше запрещалось спать во время дежурства. Но то инструкция. Лучше бы приготовили и для Медведева мягкий диван да в какой-нибудь тихой комнате. Теперь жди утра. Работа, называется! Посадите робота. А я живой человек. Хоть бы какое-нибудь ЧП для развлечения!.. Идиот, опомнись, о чем ты думаешь?! Не дай бог!

Мишка встал, прошелся, сделал несколько дыхательных упражнений. Элементы утренней гимнастики на ночь глядя. Почему глядя?

Час ночи. Мишка подошел к столику. Еще один день промелькнул. Сегодня какое? Он перевернул листок календаря. Уже четырнадцатое число, вторник.

3.

— Нет, я пойду, — сказал Руслан. — У меня тут дружок есть.

— На третьей автобазе, что ли?

— В театре. Артист.

Руслану показалось, что шоферы посмотрели на него как-то более пристально.

— Одедся бы поприличнее, — сказал один, — пиджак найдем.

— Так сойдет, — сказал Руслан.

— Это что, — сказал другой, — я в Москве Крюкова видел. На улице. Из ресторана он выходил. Я еще подождал, обернулся. Точно. Крючков.

В проходной Руслана задержал бдительный вахтер.

— Юра Бутенко в театре? — спросил Руслан.

— Юрий Павлович сейчас заняты. — И, скептически осмотрев Руслана, вахтер поинтересовался:—Контрамарку?

Руслан долго изучал афиши. В половине спектаклей Бутенко играл главные роли.

Прошли два каких-то типа, и вахтер сказал им:

— Передайте Юрию Павловичу, что его ждут. — И он указал на Руслана. — Говорит, что товарищ.

Минут через двадцать вышел незнакомый человек в костюме пирата, с перевязанным глазом и кривым носом. Он посмотрел на Руслана и спросил Юркиным голосом:

— А, это ты?

Руслан бросился к нему и начал быстро-быстро рассказывать, что вот, понимаешь, рейс в Ростов, повезло, дорога трудная, гололед, а завтра в Москву, и как хорошо, что он здесь и видит Бутенко.

— Ладно, — сказал Юра. — Сейчас мой последний выход. Подожди.

Потом он появился в сопровождении женщины и пожилого мужчины, кивнул Руслану, и Руслан пошел за ними и слушал, как женщина говорила, что Сазонов сволочь, а Петрова опять поплыла, и с задних рядов ее не слышно, никакой дикции, манная каша во рту, а пожилой мужчина все время повторял: «Юрий Павлович, надо поднять этот вопрос на собрании», — и Бутенко отвечал: «Обсудим», — а Руслан все шел сза-

ди и слушал и в общем был доволен, что Бутенко его не знакомит с этими, уж очень они важные, но Юрка, вероятно, главное, и Руслан радовался за товарища.

Когда они остались вдвоем, Руслан хотел сказать: «Почему ты их сразу не послал подальше? Видишь, я жду тебя два часа», — но сказал другое:

— Юра, что они на тебя навалились?

Бутенко выглядел утомленным. Но для полной убедительности он провел ладонью по лицу, чтобы теперь уж никто не мог усомниться, какой он вконец замученный, заезженный, изможденный, прямо хоть сейчас в могилу.

— Сбегу я отсюда к чертовой матери, — сказал он. — Надоело. Третий год. Отыграю этот сезон — и в Москву!

— Юрка, ты что, озверел? — удивился Руслан. — Ведь ты здесь почти всюду на первых ролях!

— Я здесь прима, — уточнил Бутенко, — и член худсовета, и председатель месткома, и прочее, но интриги, батюшка, интриги... Старик, хорошо, что приехал. Сейчас забежим в магазин, купим на ужин и потолкуем. Я соскучился по тебе. И вообще по всем ребятам. Помнишь фильм «Багдадский вор»? Там был всевидящий глаз. Иногда мне хочется его иметь, я посмотрел бы, что каждый из вас делает в данный момент.

— Юрка, — сказал Руслан, — а мы успеем? В общепитии в двенадцать закроют дверь.

— Брось, — сказал Бутенко. — Я же один. Переночуешь у меня.

Самолет начал заваливаться вправо. Сначала Яша подумал, что все нормально, просто вираж. Но поворот затягивался.

Звезды быстро смещались влево. Сбывались самые худшие предположения.

Яша отодвинулся от окна. В салоне по-прежнему сонное царство.

Тусклые матовые лампочки освещали пассажиров, застывших в неестественных позах.

Тихо, стараясь не разбудить Царева, который уткнулся в спинку кресла, Яша вылез в проход. Потянулся. Сделал несколько приседаний.

В проходе появилась стюардесса. Она направлялась к кабине пилота.

— Поворачиваем обратно? — спросил Яша.

Девушка буркнула что-то в ответ и прошла.

Яша давно заметил, что стюардессы любезны с пассажирами, которые делают все согласно правилам: пристегивают по команде ремни, курят и едят, когда положено, а в остальное время спят и не чирикают. К тем же индивидуалистам, которые не могут просидеть по шесть — восемь часов в кресле да еще бодрствуют по ночам, стюардессы относятся крайне подозрительно.

Вскоре девушка вернулась.

— Ну? — спросил Яша.

— Москва не принимает, — сказала стюардесса. — Идем в Новосибирск.

Яша присвистнул:

— Мы же почти долетели!

— Киев закрыт. Ленинград закрыт.

— А Свердловск?

— В Свердловске наша машина не сядет.

— И долго мы пробудем в Новосибирске?

— Что я вам, бюро погоды?

Девушка ушла.

«Скорость, комфорт, беспосадочный перелет, — подумал Яша, — сплошной обман. Теперь зазимую в Новосибирске. А у меня три рубля на всю группу. Говорил ребятам — оставьте деньги на всякий случай. Нет, потянуло всех в ресторан: конец экспедиции, одна ночь — и Москва! Чем же я вас кормить буду? Раньше тридцать рублей выглядели как-то солидно. А теперь это всего три рубля. И везет же людям, которые могут спать сидя!»

— Меня никто не видел? — спросил он.

— Не знаю, — сказала она, — по-моему, нет. Соседи уже легли. И потом они привыкли, что у нас гости.

— Но меня они, наверно, знают, — сказал он.

— Тем более, — сказала она. — Ты боишься?

— При чем здесь я? Я за тебя волнуюсь.

— А ты не волнуйся.

— Мне уже поздно волноваться, — сказал он. — А обстановка ничего, соответствующая. Полумрак. Включи что-нибудь.

Она включила магнитофон. Певица низким голосом запела по-английски про любовь. Слова он разбирал с трудом.

— Есть что-нибудь выпить? — спросил он.

— Зачем? Для храбрости?

— Не придирайся. Что, мы так и будем сидеть?

— У тебя есть другие предложения?

— Слушай, — сказал он. — Я не могу.

— Убирайся, — сказала она, — иди к черту.

— Пойми, это не так просто.

— Мне, наверно, просто, да? Что же, давай опять выяснять отношения.

— К сожалению, все ясно.

— Поплачь.

— Хватит. Иди сюда.

— Знаешь, мной еще никто не командовал.

Он встал и потушил свет. Певица кончила петь про любовь и запела что-то совсем невразумительное, потом заиграл джаз, потом пленка кончилась и был только слышен равномерный шорох — кассета продолжала крутиться. Потом он выключил магнитофон и зажег настольную лампу.

— Ты мне что-то хочешь сказать? — спросила она.

— Все прекрасно, — сказал он.

— Хладнокровный мужчина, — сказала она. — Говори, я же знаю.

— Ты умная.

— Не цитируй Руслана.

— Алка, я чувствую себя последним подонком.

— Давай, давай, — сказала она. — Кто же тогда я? Не стесняйся, выкладывай.

— Ты женщина, которую я люблю. Знаешь, когда я понял, что так может быть? Как-то на первом курсе я встретил тебя на улице. Ты со мной неожиданно поздоровалась, и я сразу вспомнил, кто ты.

— Приятно слышать, — сказала она.

— Алка, зачем я тебе нужен?

— Естественно, только для развлечения.

— Перестань. Кстати, а как ты поняла? Ведь я тебе никогда бы ничего не сказал.

— Молчи уж, воплощение мужества и скромности. Я все-таки чувствую, кто и как на меня смотрит.

— Ты уйдешь от него. Это дело решенное.

— Значит, убить парня?

— Обманывать лучше?

— Иногда да.

— Тогда мне ясно, зачем я тебе нужен. Поиграть и выбросить?

— Вот теперь ты подонок!

— Как он придет, я ему все скажу. Он взрослый человек. Он умный парень. Он мой товарищ. Он должен понять. Представляешь, мы будем встречаться, какими глазами я буду на него смотреть?

— Обыкновенными. Нахальными, как смотришь на всех.

— Я так не смогу.

— Сможешь. Я сама знаю, как для него лучше.

— Но нельзя же строить отношения на одной жалости...

— Заткнись! Понял? Вот так. Ну, извини. Сам виноват. Просто мне надоело слушать. Все эти доводы «за» и «против» я повторяю себе уже целый год. Да, с тех пор, как мы с тобой встретились в метро. Да, еще ничего не было. Пойми, Руслан мне очень дорог. И я еще ничего не решила. Понял? Но все будет так, как я решу. И если что, как бы я тебя ни любила, пошлю ко всем чертям. Ходит тут, разглагольствует. Это мое дело, ясно? Обиделся?

«Может, еще не поздно, — думал он. — Что мы наделали! Встать и уйти! И ничего не было. И никто ничего не узнает». Но он понимал, что все это разговоры в пользу бедных. Никуда он не уйдет. Такую, как Алла, ему больше не встретить. Что ж, лучшие женщины достаются сильным. Разве он виноват?

Чернышев встал и включил магнитофон.

...Трое других были в черных костюмах и белых рубашках, и узкие галстуки стягивали шеи, как бечевки — воздушные шары. Лица у них были красные, щеки они раздували не то от волнения, не то от желания

казаться солидными, и это усиливало их сходство с шарами. Трое других попеременно подходили к зеркалу, причесывались, приглаживались, отряхивались. Курили они лихорадочно и беспрерывно.

Медведев сидел в углу и лениво перелистывал старый «Огонек». Мишка был в спортивном свитере и чувствовал себя вольготно и свободно. Курить ему тоже хотелось, но, глядя на трех других, он решил: нет, ни за что, принципиально.

Вероятно, потому, что он выглядел очень спокойным, трое другие подходили к нему и с некоторым почтением спрашивали: «Ну как? Скоро? А какие вопросы?» — и хоть Мишка выступал по телевидению впервые и сам толком не знал, но отвечал он кратко и обнадеживающе: «Ничего! Наверно! Посмотрим!»

Наконец им сказали «Пора!» — и они пошли мимо пультов управления, где над десятками экранов склонились молчаливые, очень занятые люди, вниз, в зал, где их посадили в кресла по обе стороны от дикторши. Она показалась Медведеву старой знакомой, почти каждый день он видел ее на экране телевизора, и Мишка сел рядом с ней, и она, быстро и скептически осмотрев всех четверых, улыбнулась ему и сказала:

— Причешитесь!

Осветители стали зажигать люстры, трое других застыли, как на фотографии, а Мишка вдруг стал зевать, и дикторша спросила его:

— Нервное?

— Нет, просто не выспался, — ответил Мишка.

Появился еще один человек, придвинул кресло, сел, подмигнул Медведеву и сказал:

— Как загорится красная лампочка, начинаем.

Мишка успел подумать, что, собственно, все получилось случайно. Один вечер напряженной работы, и сто тысяч московских пенсионеров будут сейчас наблюдать его физиономию, уж не говоря о сослуживцах и соседях, а Ниночка из столовой обязательно спросит, в чем была дикторша и какая на ней была юбка, но тут зажглась красная лампочка, все как-то вздрогнули, а лицо дикторши поплыло в улыбке, и она сказала:

— Теперь, дорогие товарищи, мы вас познакомим с победителями спортивной викторины «Знаете ли вы футбол?».

Домой Ленька вернулся очень поздно. Сколько ни говорили на собраниях, какие решения ни принимали, все равно в конце месяца цех превращался в филиал Канатчиковой дачи. В начале последней недели казалось, что никакое чудо не вытянет план, но вот сейчас стало ясно, что план не только сделан, но даже перевыполнен.

Сегодня Ленька пробыл на заводе с семи утра до одиннадцати вечера. К этому времени он почувствовал, что последние клетки серого мозгового вещества превратились в чугуны, и он вышел на улицу, глотнул морозный воздух. А тут мастер Потапов предложил по дороге завернуть к нему минут на десять, Ленька подумал, что от этого хуже не будет. Они посидели с чаком и перемыли кости начальству. Когда Ленька подходил к дому, он чувствовал себя вполне бодрым.

Он осторожно закрывал дверь. Из своей комнаты высунулась соседка. Ленька спросил, все ли дома и можно ли запереть на цепочку.

— Да, — сказала соседка, — все дома.

Но в голосе ее слышалась какая-то растерянность.

— Только Галя ушла в роддом.

Чугун в голове мигом превратился в живое серое вещество.

— Как это так? — возмутился Ленька. — Ей еще рано! Почему она пошла? Еще не время. Со мной надо было посоветоваться. Сразу, вдруг?

— Не знаю, — сказала соседка, — но Гале стало плохо, и мой Витька ее отвел.

— Чепуха какая-то, — сказал Ленька. — Почему ее приняли?

— Им, наверное, виднее, — сказала соседка.

Ленька выбежал на улицу. На углу заскочил в телефонную будку. Как ни странно, автомат, который обычно висел с оторванной трубкой, или сразу давал частые гудки, или просто тупо поглощал монеты, на этот раз соединил его с главным металлургом.

— Илья Маркович, — сказал Ленька, — вы спите?

— Нет, — ответила трубка, — уже не сплю.

— Извините, пожалуйста, но... — залепетал Ленька.

— Что, опять авария?

— Нет, все в порядке. Даже серия «МК-245» готова.

— Прекрасно, Майоров. Рад, что вы мне это сообщили. Хотя можно было подождать до утра.

— Илья Маркович, я пришел домой, а мне говорят, что Галя ушла рожать.

— Сразу бы так и сказал...

— Ведь ей еще рано.

— Много ты понимаешь. Беги в роддом!

Ленька мчался по пустым улицам, а в голове звучала песня «Зеленый огонек такси», хотя в это время в городе нельзя было поймать даже телегу. Он был твердо уверен, что сейчас же возьмет Галю домой, потому что ей еще рано, она, наверное, просто испугалась. Не-

давно об этом говорили на работе, и ему сказали, что так бывает. Женщины в таком состоянии очень мнительны.

Он долго звонил, наконец появилась санитарка и впустила его.

— Жена у меня здесь, — начал Ленька, — Майорова. Сегодня пришла. Но зачем ее приняли? Ведь у нее срок не наступил.

— Подождите, — сказала санитарка, — сейчас узнаю. А раз приняли, значит, надо.

Санитарка вернулась с врачом. Лицо его показалось Леньке знакомым. Не то виделись где-то на активе, не то играли в волейбол, а может, просто так, ведь город маленький.

— Сам Майоров явился, — сказал врач и протянул руку.

— Привет, — сказал Ленька. — Понимаешь, жена здесь, у тебя. А ей еще рано. Наверно, психанула. Женщины в этом состоянии...

— Бывает, — охотно согласился врач.

— Вот я и думаю, не забрать ли ее. Кстати, как она?

— Она? Вполне нормально. Час тому назад родила мальчика. Три двести. Рост — пятьдесят один. Еще какие вопросы?

— Знаешь, как страшно, — говорил Бутенко, — когда несколько рядов заполнено, а дальше — черная пустота. Выходишь на сцену с закрытыми глазами. Только бы не смотреть в зал. Вот так мы начинали. Театр маленький, на отшибе, репертуар старый. А публика привыкла ходить в музыкальную комедию. Мы привезли «Царя Федора Иоанныча». Это сразу стало со-

бытием. Сплошные аншлаги. Но «Царя» мы готовили два года. Выпускной спектакль. Каждый жест отработан. А тут? Шестнадцать репетиций, прогон — и на сцену. Где уж следить за мастерством, вживанием в роль, сверхзадачей...

Руслан послушно кивал. Правда, ему, как человеку темному, казалось, что шестнадцати репетиций вполне достаточно. Но раз Бутенко так говорит, значит, действительно кошмар. И потом его разморило после длинной дороги. Он давно бы лег, но Юрка разошелся.

— Мечта сделать свой театр! — говорил Бутенко. — А кто руководитель? Человек, который ждет, что скажет третий замзав по сельскому хозяйству. А как театр принимает пьесу? Пьеса читается на труппе. Актеры слушают. Думаешь, главное для них — художественные достоинства? Ничего подобного. Каждый слушает со своей точки зрения: какая роль достанется ему? Есть подходящая, голосует «за». Нет роли, — значит, пьеса мелковата по теме, идейно не выдержана, не будет кассового успеха. А состав труппы? Двенадцать кандидаток на роль Джульетты. А всем уже далеко за пятьдесят. Уволить? Набрать молодых, способных актеров? Практически невозможно. Профсоюз моментально восстановит. Что же получается? Интриги, батенька, интриги... Вот и попробуй создать свой театр! Наши же все гении. «Когда я играл Шуйского!..» Ну, бился с тобой преподаватель, сделал тебе роль. А дальше? Сам работаешь? Куда там! Все мешает. Масса причин, все объективные. Знаешь, мы воспитаны соответственно: привыкли, что нам должны помогать, создавать условия, поощрять нас, поддерживать. А актер — это подвиг. Сам из себя не сдела-

есть хорошего артиста — нечего других обвинять. А наши ребяташки про это забыли. Вернее, их просто никогда не учили самостоятельной работе. Вот так и лопнула мечта о театре, который имел бы свое неповторимое лицо...

Мне вроде жаловаться не на что. Куда уж лучше! Но я решил: лучше буду в Москве статистом, чем здесь премьером. Пока не поздно, надо учиться. А то года через два я, пожалуй, поверю во все, что обо мне здесь пишут, тогда привет, крышка. Мне уж тут предлагали перейти в местный драматический театр. И оклад больше, и перспективы другие, но я подумал: «Нет, в Москву!»

— Если ты не устроишься в Москве, а здесь все потеряешь, что тогда? — спросил Руслан.

Юрка хотел сказать, что виделся с одним известным московским режиссером, понравился ему и что режиссер обещал взять его к себе, но сказал совсем другое:

— Такова жизнь в искусстве. Звонок. Лотерея. Пан или пропал.

Так получилось гораздо значительнее.

— Э, да ты совсем засыпаешь, — вдруг спохватился Юрка. — Я сейчас кофе сварю. Холостая жизнь всему научит. У меня отменный кофе.

То ли кофе подействовал, то ли разговор коснулся более близких Руслану тем, но дальше пошло веселее.

— Сколько мы не виделись? Почти три года. Два раза я приезжал в Москву, встречался со всеми ребятами, а ты, как всегда, был в разъездах... Маша? Разошлись по-хорошему. По-моему, она замужем. Очень рад за нее... Почему так получилось? Девка с честолюбием. Не хотела ждать, пока я пробьюсь. Не хотела гу-

бить молодость в провинции — кстати, это подлинные ее слова. Вероятнее всего, просто не любила, играла в любовь. Актриса! Скучал ли? Да, очень. Но говорят, пошло на пользу: мне здорово даются трагические роли. Да и времени нет скучать. Ты не представляешь, Руслан, как много я работаю. Не вылезая из репетиций. Почти каждый вечер спектакль. А ведь надо еще книги читать. А то отстанешь. Я уж не говорю об общественных нагрузках... Выходные? Практически их у меня нет. Выездные концерты, шефские спектакли. Но я все о себе. Хватит. Что ты?

— Я? — Руслан встал и прошелся по комнате. — Я обыкновенный рабочий класс. Кручу баранку.

Он помолчал немного. Получилось жидко. Надо обосновать.

— Вам хорошо, — сказал Руслан, — у вас есть призвание. Ты — артист, Сашка — математик или кто он там... физик, не разбери-поймешь, — словом, ученый. Черт знает, что он там делает, в своем «ящике». Но в двадцать шесть лет кандидат наук, начальник лаборатории! Это что-нибудь да значит. А я обыкновенный. Наверно, я мог бы получить диплом и стать инженером, допустим, тем же диспетчером у нас в конторе. Но зачем мне это? Работа диспетчера нервная, сидит между двух огней. С одной стороны — шоферы, с другой — начальство. Даст поблажку шоферам — начальство его за шиворот. Потрафит начальству — шоферы на него волками смотрят. Потом я еще со школы ненавижу сидячий образ жизни. А тут пейзажи мелькают, новые люди. У нас в конторе тоже свои пригорки и ручейки. Интриг хватает. Я мог бы в это дело влезть. А зачем? У меня своя работа, я свое место знаю. И привет. Вернулся домой, переоделся — и пошла другая

жизнь. С Аллой не соскучишься. Культпоходов у нас, как говорится, достаточно. Думаю, что мечта о дипломе — это пережиток. Лучше быть хорошим шофером, чем средним совслужащим. А я семью обеспечиваю, да и работа мне нравится. У кого есть призвание, тому повезло. А простые, обыкновенные люди мечтают о личном счастье. Ты говоришь, что только при капитализме стремятся к личному счастью, а у нас, мол, живут общественными интересами. Прости, но я не разделяю эту точку зрения. И думаю, не только я. Я кручу баранку, выполняю — и привет!

— Значит, твое дело — сторона? — спросил Юрка.

— А ты не раздувай ноздри, не заводись. Мы можем так до утра митинговать, да боюсь — не договоримся. Отложим до следующего раза. Сейчас уже два ночи.

— Можно и до следующего, — сказал Юрка, — только готов с тобой спорить, и по-крупному.

— Согласен, — сказал Руслан. — Тебя лично политика касается. Ты работник идеологического фронта. А шоферы всегда нужны. Давай спать. Мне завтра в восемь выезжать.

— Слушай, ты мне про ребят так ничего и не сказал!

— Это пожалуйста. Ленька женился. Приезжал с ней в отпуск.

— Что он сейчас делает?

— Пьет, наверно. Или бегаёт к соседке. Не верю, чтобы Ленька стал примерным семьянином.

— Ну, а Медведь? Пятерка?

— Медведь вечерами ходит на хоккей. Пятерка, как всегда, в экспедициях. Подальше от женщин. Видишь, все по-старому.

— А Барон?

— Барон погряз по уши в науке. Он теперь в киты выбился. Тебе ребята пишут?

— Да. Ленька и Пятерка чаще других.

— Пятерка всегда был прилежным, а Ленька — со скуки.

— Скучать ему, видимо, не приходится. У него был конфликт с начальством. Потом начальник ушел на повышение, а Леньку неожиданно назначили заместителем начальника цеха.

— Да ну?

— А то, что Медведь, кандидат партии?

— Чего?

— Ничего ты не знаешь. Он еще член бюро райкома комсомола.

— Вот тип! Чего же он молчал?

— О чем вы говорите, когда встречаетесь?

На всей улице это было единственное освещенное окно. Если бы кто-нибудь посторонний заглянул в него, то слов, конечно, не услышал бы, а увидел двух людей, один из которых ходил по комнате, размахивал руками и что-то говорил, а другой сидел неподвижно и наблюдал за первым.

4.

— Теперь он пропал навсегда, — сказал Чернышев.

— Может, у них профсоюзное собрание? — сказал Руслан. — Или показ документального фильма «Лучше удовлетворим потребности населения»?

— Идиотское положение, — сказал Чернышев, — негде встретиться с товарищем. Деловые разговоры приходится совмещать с процессом пищеварения. Но не мерзнуть же на улице?

— Спокойно, Саша, береги нервы, — сказал Руслан. — Это тебе не точные науки. Завались мы сюда с большой компанией да закажи сразу шесть бутылок водки — вот тогда бы завертелись. А можно и по-другому: несколько фраз на ломаном французском языке. Когда приходишь в ресторан, столько унижений выдержишься!

— Может, начнем? — предложил Чернышев. — К утру он как раз принесет горячее.

— Пошли, — сказал Руслан. — Твое здоровье. Интересно, разбавляют они наполовину или меньше? Надо бы заказать бутылку. Я же говорил, что у меня тоже есть деньги. Знали бы, что пьем.

— Я смотрю, ты спец.

— Да нет, но просто случается — на трассе подвезешь нескольких «голосовавших». Левые деньги. Причем сами дают, я поначалу отказывался.

— Слушай, Руслан, вообще у меня к тебе серьезный разговор.

— Понял. Чтоб просто так Чернышев заехал к тебе в контору, вызвал да еще потратил на тебя целый вечер, такого еще не бывало.

— Не болтай ерунды.

— Разве не так? Совсем зазнался. Оторвался от масс. Даже Медведю не звонишь.

— Почему? Когда есть время. Но на мне еще куча административных дел.

— А я что говорю? Ну, что у тебя там наболело-накипело?

— Кажется, наш. Несет!

— Я говорю, сегодня вечер чудес: появился ты — раз, официант обернулся за полчаса — два...

— Рыбу будешь?

— Давай... Нет, силос я не употребляю. Ну, по второй.

— Сигареты есть? Спички? Спасибо.

— Ты же не куришь?

— Балуюсь. Слушай, Руслан, мы с тобой друзья. Я хочу, чтобы мы ими и остались.

— Многообещающее начало. И ведь всего после двух рюмок.

— Дело серьезное. Благоразумней было бы молчать, и никто ничего бы не знал. Современные браки, все бывает. Так живут по многу лет, и все довольны. Но ты мой товарищ.

— Что-нибудь насчет Аллы?

— Да.

— Я, конечно, человек любопытный, но лучше не надо. Чего ты масло не берешь?

— Не хочу. Сказать, чтоб принес горячее, или рано?

— Пускай тащит.

— Можно вас на минуточку? — сказал Чернышев. — Горячее, пожалуйста.

— Смотри, — сказал Руслан, — сейчас он двигается веселее. И все-таки я любопытный. Так что ты знаешь про Аллу? Говори смело. Я ей ничего не скажу.

— Если бы это что-то меняло! Короче, я ее люблю. Она любит меня... Стой, еще не все.

— Я и не бегу. Вопрос: и вы уже?..

— Это важно?

— Да!

— Тогда — да!

— Алла знает?

— Что?

— То, что мы здесь сидим?

— Нет, она категорически запретила мне с тобой говорить. Хотела сама. Постепенно тебя подготовить. Можешь дать мне в морду.

— Зачем? Ты молодец.

— Спасибо на добром слове. Руслан, я все понимаю — и твое состояние, и то, что ты обо мне сейчас думаешь. Если ты скажешь, чтобы я никогда не видел Аллу, так и будет. Это я твердо обещаю.

— Подожди! Знаешь, мне что-то захотелось еще по одной. Не возражаешь? Вот и наш спаситель. На этот раз вовремя. Здоровье Аллы?

— За тебя.

— Хорошо прошло. Чем-то мы завоевали его доверие. Готов спорить — натуральный, неразбавленный.

— Руслан...

— Ах да... Кстати, если не возражаешь, я налью себе еще. Ладно? Вот так. Со стороны, наверно, выглядит красиво: милый, интеллигентный разговор. Не переживай. Я норму знаю. Я всегда в порядке. И вообще... И давно?

— Не очень.

— Правильно. Между прочим, я не такой дурак. Кое-что уже чувствовал. С твоего разрешения я поговорю еще с Аллой. Извини, все-таки семья. А потом... Может, мне сегодня переехать к матери?

— Руслан...

— Почему? Она умница, сделала хороший выбор. Я думаю, ты ее не обидишь, а то смотри!

— Ты что, одурел?

— Нет, но как-то сразу... могу сгоряча и не так сказать. Извини.

— Кончай.

— Ты прав. Это когда-нибудь должно было кончиться. Сашка, она очень хорошая. Не смей обижать ее.

— Руслан, я тебе клянусь. Я не хотел... Просто неожиданно.

— Лишнее говоришь, Барон.

— Ты настоящий парень, Руслан.

— Compliments? Не надо.

— Давай еще выпьем.

— Во! Наконец слышу голос не мальчика, но мужа. Официант!.. Спокойно, теперь мой черед заказывать.

— А он опять смылся.

— Производственное совещание. Или вторая часть кинофильма. Сбежать за ним на кухню?

Он подумал, что свисток не ему. Но потом в зеркальце увидел, как зажглась фара мотоцикла и, описав дугу, вышла на осевую. Руслан надавил на газ. Теперь перед ним была темная, безлюдная набережная. Он шел под восемьдесят. Но сзади по осевой неумолимо приближался мотоцикл. Надо было остановиться сразу. Теперь поздно. Ни одного поворота направо. Первый поворот за мостом. Но ему не успеть. Может, резко затормозить, выпрыгнуть из кабины, а там в какой-нибудь двор? Но фара скрылась за кузовом, и тогда Руслан резко вывернул влево. Так. При отягчающих обстоятельствах. Правда, теперь инспектор не будет пытаться обгонять. А вдруг ему надоест? Отстанет? Глупо. Да и инспектор попался не из пугливых.

Руслан опять увидел фару. Теперь она была на правой стороне, и Руслан тоже повернул направо. И сразу влево. Иначе мотоцикл проскочит у тротуара.

Но он не учел, что скользко, что предательский весенний лед не даст вывернуть руль. Руслан резко нажал на тормоз, но «ЗИЛ» уже не слушался его. Задние колеса оказались на тротуаре, и грузовик юзом пошел на столб. Руслан повис на руле. Нога вдавила тормозную педаль. Еще секунда. Руслан закрыл глаза. Удар. Звон стекла. Мотор заглох.

Руслан услышал визг тормозов мотоцикла.

Инспектор вскочил на подножку, открыл дверцу и выхватил ключ зажигания. Руслан сидел неподвижно, намертво вцепившись в руль.

— Жив? — тихо спросил инспектор.

— Порядок, — сказал Руслан.

— А ну, выходите! Ваши права! — закричал инспектор.

Руслан вышел, протянул права.

— Путевой лист?

— Забыл на базе, — сказал Руслан и взглянул в лицо инспектору.

— К теще на блины ехали? — спросил инспектор уже спокойным голосом.

— Гололед, — сказал Руслан, — машину повело. Вот и авария.

— Машину повело, а не водителя? Мотоцикл не видели?

— Нет, я обычно не смотрю назад.

— Доходчиво объясняете, — сказал инспектор. —

А свисток?

Руслан подумал, что орудовец, в сущности, добродушный мужик. Другой бы в лучшем случае изматерил Руслана. Надо было сразу остановиться, подбежать с виноватой улыбкой: дескать, виноват, начальник, власть ваша, задница наша. Может, обошлось бы.

— Не слышал, — сказал Руслан.

— Сколько выпили?

— Вчера пил, — оказал Руслан.

— Понятно. Пил вчера, сивухой несет сегодня. Садитесь в коляску.

— Но машина...

— Потом машина. Отъездились.

— Сейчас. Только посмотрю, — сказал Руслан.

Помята кабина, выбито боковое стекло. Еще повезло.

Мотоцикл развернулся и понесся по набережной. Руслана ударила холодная струя воздуха.

— Застегнитесь, — сказал инспектор.

— Ерунда, — сказал Руслан.

Он сидел в отделении милиции на скамье, такой же, какие бывают на вокзалах, и слушал, как составляли протокол, как договаривались, кто поедет за его машиной. Потом он услышал шум подъезжающего грузовика, потом Руслана спросили:

— Пил?

— Нет, — ответил Руслан, — утром только кружку пива.

Офицеры ушли. Из боковой комнаты высунулась грязная, оборванная личность. Дежурный старшина прикрикнул, и личность скрылась.

— Напьются, как свиньи, — сказал старшина вроде бы сам себе. — А этот бандит ишь сидит, молчит. Чуть инспектора не угробил, машину разбил. А если бы дети, а? И кто их только воспитывает? Стрелять таких надо. — Руслан молчал, а старшина продолжал: — За это тебе, голубчик, не только лишение прав на год, к транспорту близко не подпустят, будь уверен. С работы выгонят, факт. Да еще из своего кармана запла-

тишь. Знаю таких. Выпил водки и пошел кататься. А если бы дети, а? Я бы сажал таких без разговоров.

Вскоре появились еще два милиционера. Руслан вышел с ними и опять сел в коляску.

— Не выпадешь? — спросил один из них.

— Я трезвый, — ответил Руслан.

— Это хорошо, — сказал милиционер. — Люблю, когда спокойные.

Холодный поток снова ударил его. Руслан раскрыл рот и глотал воздух. Он еще надеялся, что запах выветрится, экспертиза ничего не покажет и тогда можно будет отвертеться. А иначе крышка. Он проклинал свою глупость и обзывал себя самыми последними словами. Но не за то, что не вернул машину в гараж (утром механику пол-литра — и все дела), и не за то, что пил весь вечер (такое настроение — выпил и снова по улицам, и это отвлекало, иначе можно было бы повеситься), а за то, что свернул на эту набережную, специально выбрал: после одиннадцати там никогда ни одного постового, захотелось дать газ и пройти спокойно минут десять, и, как назло, именно в этот день патруль ОРУДа, что им не спится, а если бы не свернул, его бы никогда не остановили, ездить он умеет.

Они долго стучались в поликлинику, но им не открывали. И Руслан сказал, что, наверно, не здесь, и они обошли здание и попали в маленькую комнату, где заspanная медсестра дала Руслану пробирку, он в нее осторожно дунул несколько раз, и жидкость осталась бесцветной, но медсестра что-то кинула в пробирку, жидкость стала красной, а потом посветлела.

— Вот, — радостно сказала медсестра, — пожалуйста!

— В акте записали: «Средняя степень опьянения».

Мотоцикл тихо шел по совершенно пустому шоссе.

— Почему так медленно? — спросил Руслан.

— Замерзнешь, — ответили ему.

— Давай гони, я застегнусь.

И мотоцикл сразу словно прыгнул, а Руслан накрылся брезентом.

— Что ж ты, Звонков, наделал? — сказал ему второй милиционер, стараясь перекричать ветер. — Что жена теперь скажет?

— Холост я, — сказал Звонков.

И хотел добавить: уже две недели, как холост, ушла жена, понимаете?

Но он промолчал. Он еще выше натянул брезент и закрыл глаза. Доездили. Крышка. Одно к одному. Зачем только он свернул на набережную? Нет, он просто трус. Надо было зажать руль — и прямо в столб. И сразу никаких волнений. Во всяком случае, не было бы так холодно.

Они пришли к нему в воскресенье рано утром. Мрачные и официальные, они терпеливо ждали, пока он сделает зарядку, помоеется, сядет завтракать. От чая они отказались. С Сашкиной матерью были любезны, с самим Сашкой говорили неохотно и односложно, как с малознакомым человеком. Чернышев делал вид, что ничего не замечает, и отпускал свои обычные шуточки. Раза два Медведь, словно забывшись, впадал в привычный тон и чуть было не завелся, когда Сашка поздравила его с успехами старшиновской тройки «Спартак». Но Пятерка сразу прерывал Мишку, и Мишка, спохватываясь, становился важным, и это было даже смешно. Наконец они остались втроем, и Пятерка сказал:

— Барон, мы слыхали про твои подвиги. Что ты намерен делать дальше?

— Ребята, — сказал Сашка миролюбивым тоном, — вы что, из Армии спасения? Или стали штатными блюстителями нравственности?

— Брось, — сказал Мишка, — противно!

В его голосе Сашка не почувствовал твердой убежденности. Этой репликой Медведь скорее реабилитировал себя перед Яшей за свои недавние срывы. Ясно, чья инициатива.

— А что мне остается? Вы смотрите на меня, как два инквизитора на ведьму. Может, сбежать за помелом?

Тут уж Медведь должен был хотя бы улыбнуться. Но он, проявив героические усилия, сдержался. Видимо, Пятерка здорово его накачал. Чернышев понял, что просто шуточками не отделаешься.

— Хорошо. А ваше мнение?

— Отвечай сначала на вопрос, — сказал Яша.

— Вот как? Отлично. — Чернышев заговорил голосом начальника лаборатории: — Я намерен жениться на Алле. Как только она получит развод, мы регистрируемся и будем жить согласно кодексу РСФСР о семье и браке. Устраивает? Одна деталь: комнату, которую они снимали, мы оставили. По соображениям, всем понятным, мы ищем другую. Еще какие вопросы?

Они переглянулись. Потом Медведь отвернулся, а Яша сказал:

— Тебе придется выбирать — или мы, или Алла.

— Однако! — сказал Чернышев. — Ребята, вы не спятили?

— Ты хочешь сказать, что сделал выбор? — спросил Яша.

— Нет. Я просто ничего не понимаю.

— Ты не имеешь морального права на ней жениться. Она может быть с кем угодно, но только не с тобой. Подумай о Руслане.

— Алла не из тех, кто занимается благотворительностью.

Это он сказал зря. Теперь Медведь окончательно стал на сторону Пятерки. Чернышев это сразу почувствовал. Что ж, разговор пойдет по существу.

— Поясни, — сказал Пятерка.

— Охотно. Никто из вас не верил в прочность этого брака. Алле нужен был человек, на которого она могла бы опереться, а не по-детски влюбленный мальчишка, с которым ей приходилось нянчиться. Да и Руслан все понимал, ведь я с ним говорил. Я не виноват, что она полюбила меня. Не я к ней пришел, а она ко мне.

— А ты обрадовался, — сказал Яша.

— А я обрадовался. В отличие от некоторых, я не запираюсь на замок от женщин. Так уж в природе устроено, что нас к ним тянет, ты этого еще не знаешь, прими соболезнования.

— Но она была женой твоего товарища, — сказал Медведь.

— По-твоему, я с ходу к ней полез? Кстати, много лет назад один наш общий знакомый тоже чего-то добивался от Аллы. А ее уже тогда любил Руслан. И у нашего общего знакомого ничего не получилось вовсе не потому, что его вдруг остановил порыв благородства.

— Мишка, — сказал Пятерка, — мне кажется, сейчас он всех нас поставит на свои места. Все мы ничтожества, Руслан — ребенок, а бедная, неудовлетворенная малоинтеллигентной жизнью Алла наконец нахо-

дит великого человека, достойного ее любви. Это, конечно, Чернышев — гениальный ученый, кандидат наук, начальник лаборатории. Не то что какой-то шоферюга!

— Прости меня, — перебил его Чернышев, — каждый из нас был волен играть в карты или сидеть над учебниками. Звонок выбрал самый легкий путь...

— А ты — самый подлый, — вставил Яша.

— Серьезно?

— Абсолютно.

— Тогда зачем же ты со мной разговариваешь?

— Дал бы тебе в морду, да знаю, что ответишь.

— Ты всегда был предусмотрителен.

— Хватит, — вмешался Медведь. — Яшка, ты уж совсем того. А тебе, Барон, одно могу сказать. Был у нас хороший парень Сашка Чернышев. Потом он зазнался, поставил себя выше всех, отсюда и все его поведение. Ты можешь доказывать кому угодно. С тобой могут многие согласиться. Только не мы. Мы не можем понять, как один из наших ребят отбил жену у другого. Значит, этот парень не наш. Вот и весь разговор. Прощай. Пойдем, Яша.

Они ушли, а Чернышев позвонил Алле и сказал, что будет занят до вечера.

Потом запер комнату, сел работать. Сначала не получалось. Разные посторонние мысли.

Ну и пускай катятся к черту! Можно, конечно, сидеть год около Руслана в качестве сестры милосердия. Можно долго выяснять отношения с каждым из ребят в отдельности. Восстанавливать старую дружбу. Вообще есть масса объектов для благотворительности. Например, Осетинский, бывший руководитель группы, совсем сдал. Но оставим благотворительность другим.

Все, все надо забыть. Достаточно, что Алла выбила его из колеи. Хватит. Потеряно слишком много времени. У него есть одно — самое главное. Это работа, которую никто, кроме него, выполнить не сможет. А если сможет, то тогда Чернышев все растерял, проиграл, тогда он уже никому не нужен. Он выбился в люди, с ним считаются, ему верят, он ведет самостоятельное дело. Для многих это потолок. Но не для него. Другой счет. Есть много очень сильных людей, некоторые из них талантливее Чернышева, и он не имеет права отстаивать, он должен работать и работать, жертвуя дорогим и близким, когда-нибудь это ему зачтется.

Постепенно он втянулся и уже ни о чем другом не думал и кончил только вечером, когда пришла Алла.

Она рассказала ему, что у Руслана беда и что она целый день провела с ним.

— Ты правильно поступила, девочка, — сказал Чернышев. — А я чем-нибудь могу ему помочь?

— Нет, ему никто не поможет.

— Тогда хватит об этом, — сказал Чернышев. — Знаешь, я не люблю неудачников. Мне его очень жалко, но я убежден, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Если они сами не выплывают, значит, так и надо. Согласен, философия жестокая и непопулярная, но зато верная. Может, то, что случилось, даже к лучшему для Руслана. Пускай впервые задумается всерьез о жизни и о своем месте в ней.

— Ну и строг ты, Сашка! — сказала Алла. — Кто же я, по-твоему?

— Слов захотела, комплиментов? Не выйдет. Впрочем, могу. Самая обыкновенная женщина. Масса недостатков и комплексов. Ну, есть, конечно, кое-что. Кстати, не очень красивая. Правда, и не уродина. Нечто

среднее. Довольна? Но один человек считает, что ты самая умная, самая красивая и вообще единственный друг на этом свете, подарок Господа Бога неизвестно за что. Это — субъективное мнение некоего Чернышева. Человек, как известно, часто ошибается. Правда, боюсь, что в этом плане я буду ошибаться всю жизнь.

Часть четвертая

1.

Прошу встать! Суд идет!

Судья начал читать приговор, а он стоял справа, выпрямившись, и с высоты своего роста смотрел в зал, на свидетелей, на родных подсудимого, на застывших милиционеров и на самого подсудимого (где-то он вычитал, что, когда выносят обвинительный приговор, присяжные избегают встречаться взглядом с преступником, и поэтому он не спускал глаз с черноволосого, коротко остриженного парня, и тот тоже косился на него, вероятно пытаясь угадать, что же будет дальше). Несколько раз он переводил взгляд на двух девушек, что стояли в глубине зала, обиженно выпятив губы. На их лицах было написано, что, дескать, все это несправедливо, и за что же вы нашего хорошего Петю... Иногда в свою очередь девушки смотрели на него, но не так, как обычно на улице. Для них он тоже олицетворял сейчас непреклонный закон.

На всех лицах, что были перед ним, застыла терпеливая покорность, и только один парень, нескладный, громоздкий, вероятно, товарищ подсудимого, но, как казалось Медведеву, человек другого склада,

хороший, простой работяга, как-то выделил Медведева из трех членов суда и старался поймать его взгляд. И когда их взгляды встретились, Медведев на секунду закрыл глаза, а тот все понял, кивнул и зажмурился.

Наверно, каждому заседателю хочется вести процесс самому, так сказать, работать на публику. Ведь в глазах присутствующих главное действующее лицо — судья, который во сто раз лучше тебя знает судопроизводство и в десять раз — само дело. Пока ты ломаешь голову, какой бы вопрос задать поумнее, судья успевает небрежно задать твой вопрос, и он сразу кажется таким проходным, а ты сидишь молча, надув щеки, и только согласно киваешь, когда судья вдруг поворачивается к тебе и очень серьезно, тихо и неразборчиво говорит что-то вроде «вля-пля-бля» и громко и торжественно в зал:

— Совещаясь на месте, суд счел возможным обойтись без свидетельских показаний гражданки Морозовой, не явившейся по неизвестным причинам.

И только адвокат, требовавший этих показаний, искоса посмотрит на тебя. Он-то знает, что значит «совещаясь на месте».

А решалось все в маленькой комнате, куда они удалялись для вынесения приговора. Сегодня вместо пятнадцати минут, которые обычно уходят в такого рода делах на написание самого приговора и на перекур, они прозаседали два часа. Вроде спорить было не о чем. Закон гласил ясно: нарушение паспортного режима, в двадцать четыре часа, дважды не выполнял. Статья уголовного кодекса определяла год заключения как минимум. Несколько лет назад Михеев был осужден за попытку украсть чемодан на вокзале; так как он

был с товарищем, то преступление подпадало под раздел «групповая кража». Он отсидел два с половиной года и вернулся в Москву, к родителям. Михеев, его мать и отец — все вместе хлопотали, но милиция отказывалась прописать его в Москве. Шло время. На работу его не принимали, пришел участковый и взял подписку о немедленном выезде за сто первый километр. Михеев продолжал ходить по инстанциям, надеясь на лучшее. Второй раз пришел участковый. Михеев опять дал подписку и опять остался. Это была уже азартная игра с законом. И вот результат.

Судья говорил, что закон есть закон, и до каких пор можно быть легкомысленным, и если милиция не прописывает, значит, у нее есть основания. Но Медведев и второй заседатель, пожилая учительница, не соглашались с судьей. Михеев произвел на них впечатление человека, попавшего в дурную среду по молодости и глупости. Теперь, когда он решил жить честным трудом, его опять хотят посадить. Вполне понятно стремление Михеева остаться в Москве, где у него жилплощадь, родители, друзья. Конечно, шутить с законом нельзя, Михеев должен был уехать. Но ведь человеку свойственно надеяться. А сейчас давать ему на полную катушку — значит озлобить парня окончательно. Медведев предлагал полгода. Полтора месяца Михеев уже отсидел в предварительном. Если он будет хорошо себя вести — а заседатели были в этом уверены, — его выпустят через два месяца. Парень запомнит этот урок и в то же время поймет, что суд ему поверил.

Судья спорил отчаянно. «Ведь не мы составляем законы, — говорил он, — есть кодекс, как же мы в нарушение статьи?»

Заседатели уперлись. В конце концов судья уступил. «Но, — сказал он, — ей-богу, прокурор опротестует приговор — и будет прав, вот увидите».

Во время судебного заседания Михеев показался Медведеву умным и развитым парнем, несколько склонным к иронии. Но сейчас, когда судья кончил чтение, Михеев вдруг сказал:

— Спасибо!

Сначала Медведев подумал, что парень иронизирует, но потом, увидев реакцию зала и повторив про себя эти слова с интонацией Михеева, Мишка решил, что парень произнес их вполне серьезно. Вероятно, в камере тамошние профессионалы убедили Михеева, что меньше года ему не дадут.

Когда Мишка вышел на улицу, там еще стояли родители Михеева, две девушки, несколько ребят. При появлении заседателя они замолчали, и Мишке показалось, что тот парень, с которым они переглянулись при чтении приговора, хочет к нему подойти. Но тот парень не подошел. Тот парень увидел, что рядом, облокотившись на светло-коричневую «Волгу» и небрежно крутя цепочку с ключами, стояла девушка в брюках и в яркой шерстяной кофте. Девушка, на которую никто раньше не обращал внимания, теперь небрежно крутила ключи, всем своим видом как бы говоря: «Тот красивый судья, про которого вы только что решили, что он, наверно, самый добрый и что такой молодой, а уже... этот судья для меня просто Мишка, и, кстати, он мой, понятно?» Эта немая сцена длилась ровно столько секунд, сколько потребовалось, чтобы Медведев пересек тротуар, сел в машину, чтобы Лена включила зажигание, и они уехали. Но Медведеву эти секунды показались бесконечными, потому что он прекрасно

представлял себе, в каком состоянии сейчас родные и товарищи подсудимого. А тут, сразу после суда, им как бы наглядно продемонстрировали другой стиль жизни, и хотя он, Медведев, ей-богу, не виноват, но все равно...

Объяснить Лене он это не мог и потому просто спросил:

— Ты чего приперлась?

Лена посмотрела на него так же, как и минуту назад, когда он выходил из здания суда:

— Соскучилась. А что, разве нельзя?

— Можно, но только не на отцовской машине. Отвыкай ею пользоваться. Научись сначала сама зарабатывать деньги. Устраиваешь здесь зрелища! Хватит стилижных штучек. В брюках по улице не ходят — неприлично.

Во время этой тирады Лена несколько раз поворачивалась к нему, и на лице ее были и внимание, и почтение, и сверхсерьезность — дескать, вот какой у меня Миша умный, ну, давай-давай. Медведев понял: чем больше он будет сейчас говорить, тем это бесполезнее. С иронией Лены он еще не мог справиться. Поэтому свою гневную филиппику закончил весьма мирно:

— У тебя не такие плохие ноги, чтобы их прятать.

На третий день суда Лена пришла прямо в зал во время выступления прокурора. Заканчивалось слушание дела Гусевых. По просьбе адвоката при допросе свидетелей все посторонние были удалены. Но сейчас зал был полон, люди стояли в проходах. Тем не менее, когда суд заперся в комнате для вынесения приговора, судья спросил у Медведева:

— Эта девушка, что стояла в дверях, ваша жена?

— Да, — сказал Медведев, — теперь, наверное, да. Судья усмехнулся и спросил заседательницу:

— Ваше мнение? В общем-то бытовое хулиганство. Можно принудительное лечение, а можно и год. Зная, что вы всегда всех защищаете, я бы настаивал на одном годе тюремного заключения.

— Полтора, — сказала заседательница, — полтора года обоим супругам.

— Интересно, сколько можно максимально? — спросил Медведев.

— Максимально — два года, — ответил судья. — Им можно инкриминировать только нарушение общественного порядка в квартире, ночные дебоши, нецензурную брань, появление на кухне в голом виде. Остальное, собственно, их внутреннее, семейное дело.

— Вот за их внутреннее, как вы говорите, семейное дело, — сказал Медведев, — Гусеву полтора, а ей, Гусевой, два. Она мать, на ней должна была семья держаться.

Судья читал приговор, а он стоял, как всегда, справа от судьи и смотрел на лица двух людей, что стояли ниже, прямо перед ним. На лице женщины застыла улыбка этакой покорности и готовности (наверно, с этой улыбкой она выходила вечерами на площадь трех вокзалов, с этой улыбкой извинялась утром перед соседями, с этой улыбкой посылала сына за очередной бутылкой водки). Лицо мужчины было сумрачно и серьезно. Эти два сорокалетних человека опустили настолько, насколько это вообще возможно (судья перечислял: с любой работы их выгоняют через месяц, частые гости вытрезвителя, бесконечные попойки дома, драки с вызовом милиции, каждую

ночь соседям нет покоя, нецензурная брань в общественных местах и т. д. и т. д.). Медведев смотрел на лица двух людей, которые еще не знали приговора и не подозревали о его серьезности (в последнем слове она сказала, что ладно, так и быть, согласна на принудительное лечение от алкоголизма, а он отказался — сам, дескать, вылечусь), Медведев смотрел, старался встретиться с ними глазами и повторял про себя: «Нет, не за это, не за это!»

В семье Гусевых жило двое детей. Мальчику было восемнадцать, девочке — десять. Напившись, Гусев ежедневно бил своего приемного сына, пока тот не ушел из дому. Последние три года мальчик ночевал у товарищей, у родственников, на чердаках, в парках на скамейках. Он вынужден был бросить школу и работать в сапожной мастерской, а вечерами учиться и читать книги по биологии, потому что у него уже было призвание, он мечтал стать ученым, и страшная жизнь семьи не сломала его, а, наоборот, закалила. Но он потерял два года и теперь уже не успеет окончить десятилетку до армии и в университет сможет попасть только через пять-шесть лет. Парень не пил, не курил, не шлялся по улицам, но он был лишен дома. Родители его не стеснялись. Они пили при нем, напившись, оправлялись тут же, занимались «любовью», дрались, приводили чужих «дядь» и «теть». Недавно, когда сын пришел домой поздравить с Первомайским праздником, мать обняла его и сказала: «Саша, выпей пол-литра, она, знаешь, какая вкусная!»

Девочку добрые люди устроили в интернат, и она появлялась у родителей по субботам и воскресеньям, но и этих дней было достаточно, чтобы она потом показывала подругам, как «играют в папу с мамой». Год

назад Гусев решил уйти к другой женщине и взял с собой дочку. Гусева встретила соперницу со своей дочкой на улице, подошла и громко сказала: «Нюрка, девку ты можешь взять себе, а Ваньку отдай!»

За все это супругам Гусевым не полагалось никакой статьи. За это кодекс не предусматривал тюремного наказания. Но Медведев стоял и повторял про себя слова приговора: «Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...»

— Леонид Андреич!

— Что тебе, Шарипов?

— На тебя вся надежда, выручи! Дома дел много, а я, старый человек, не успеваю.

— Опять отпустить на картошку?

— Зачем картошка, мастер? Алгебра у нас сегодня. Учительница молодая, настырная. А мне четвертый десяток. Голова работает плохо. Помогите решить задачу!

— Леня, только ты не пугайся, ладно? Вот посмотри.

— Не вижу.

— Занавески! Старые были ужасные. А эти красивые, правда?

— Прелестные. Как раз такие я видел недавно в страшном сне. Когда я умру, завернешь меня в них, чтоб каждому была ясна причина моей смерти.

— Ну, знаешь, я случайно достала, брали нарасхват.

— Пойду в горсовет, попрошу, чтоб, когда выходишь на улицу, срочно закрывали все магазины. На учет, инвентаризацию или просто на обед.

— Леня, ты не понимаешь, как приятно покупать.

— У меня, наверно, станок, да? Деньги сам печатаю, да?

— Когда ты покупаешь книги, я же молчу. У всех людей хорошие занавески.

— Плевал я на твоих людей! Может, попросишь славянский шкаф? Сервантик? А канарейку не хочешь?

— Эх, вы! Из-под носа упустили победу! Слабонервные девицы, а не игроки! Сейчас были бы уже чемпионами города. Теперь вам играть пятую, решающую. А мяч круглый. Но ничего, мобилизуйтесь. На вас смотрит весь завод! Честь завода! А ты, Демидов, кончай сам бить. Знаешь поговорку: не умеешь — не берись! Сколько из-за тебя очков проиграно. И вообще меняем расстановку. Один остается у сетки, а все вторые пасы на Майорова. Он всегда точен. Его не заблокируют. Не экспериментируйте с подачами, когда Майоров на первой линии. Главное, мяч через сетку. И там, в защите, не спать! Двигайтесь, двигайтесь! Ясна тренерская установка? Выиграть надо! Леня! Ты же капитан команды, классный игрок, скажи им! Все слушайте Майорова!

— Ребятишки, значит, так. Забудьте все, что вам сейчас сказали. Представьте, что мы на тренировке, а против нас команда дачников. На нас никто не смотрит, и эта партия ничего не решает. Запомните: вы все умеете играть. Если удобно, бейте сами; если неудобно — пас товарищу, тому, кто находится в наиболее выгодном положении. Расстановка на площадке прежняя. Не суетитесь. Играйте свою игру. Ну, чуточку собраннее. Понятно? А теперь пошли.

Когда вездеход засел окончательно и Эдик побегал в леспромхоз, который они проезжали совсем недавно, так, километра два успели отползти, Яша сел на

пенек и стал чертить на земле палочкой одному ему понятные знаки. Со стороны он, наверно, походил на Иисуса Христа, составляющего в уединении производственные планы на ближайшее тысячелетие. Такой же усталый, такая же рыжая щетина (две недели не брился), только ореол вокруг головы был черный. Комары стонали в отчаянии, но сесть не решались. Изредка чисто нервно, а не по необходимости, Яша накладывал на лицо и руки новый слой мази. Потом он смотрел на часы. Если вездеход вытащат, тогда они еще успеют. Правда, сегодня воскресный день. Яша знал, что это значит.

Эдик вернулся на тракторе. Тракторист по случаю выходного дня был навеселе и поэтому держался очень решительно. Он с ходу посадил трактор рядом с вездеходом и, когда мотор заглох, долго оглашал лес воплями и проклятиями.

Тракторист и Эдик ушли и вскоре вернулись на новом тракторе, и Яша понял, что тракторист принял еще новую порцию, и теперь Яша не сомневался, что и эта машина останется в речке. Он пытался отговорить тракториста, но спорить с ним было бессмысленно.

Как ночной сторож у трех застрявших машин, Яша прогуливался по берегу, пока из-за пригорка не выполз трактор, на этот раз тяжелый, харьковский. И хоть тракторист не упустил возможности снова приложиться к бутылке, у Яши появилась надежда. Этим тракторам он верил. Лишь бы зацепить! «Харьковец» вполз в реку, и тут с него соскочила гусеница. Тракторист взвыл итальянским тенором, а Яша подозвал Эдика и сказал, что надо идти искать ночлег. Надо ждать. Утром кто-нибудь протрезвеет, иначе они потопят всю технику леспромхоза.

Ветер светлым облачком скользил по песку. У скамейки валялись ягоды рябины. Влажный песок отливал радужными красками, словно его облили бензином. Неподвижные чайки белели на воде, как куски газеты.

Солнце все быстрее погружалось в тучу. Вот от него остался маленький кусочек. Туча пошла вверх, и солнце блеснуло последний раз, как огонек папиросы. Серые, будничные цветы сгрудились у горизонта, медленно растекаясь по небу и по морю. И только здесь, где стоял Медведев, на воде и вверху было светлее, а верхний край одного облака розовел, как крем пирожного.

Волны выгалкивали на берег обломанную ветку.

Мимо прошли три пожилые женщины, говорили о зарплате.

«Все нормальные люди, — думал Медведев, — спокойно дышат озоном, и никакая вечерняя меланхолия не мешает их пищеварению. Один ты вместо того, чтобы наслаждаться пейзажем, бесишься. В чем дело? Почему ты не пошел в кино с молодой женой? Рычишь на нее и убегаешь один на пляж? А ведь любишь ее. Ты удачно женился. Бывают же чудеса! Дочь крупного начальника — и ничего, оказалась хорошей девочкой. Но как ей сейчас объяснить твоё поведение? Нельзя же признаться, что, уехав в первый раз с женой в отпуск и не прожив даже половины срока, ты рвешься в Москву. Лена все поймет неправильно. А как прикажете вас понимать, товарищ Медведев?»

Скучно? Утром — пляж, к вечеру — волейбол. Когда скучать? Рвешься на работу? Ты был инженером на ТЭЦ, потом — освобожденным секретарем. Не понра-

вилось. Перешел на завод старшим технологом. Вставать в полседьмого утра. Доволен новой работой? Не очень. И тем не менее хочется в Москву, на завод.

Причины?

Честно?

Привык Миша быть в центре внимания.

Приходишь на смену — тебя рвут на части. Не успеешь оглянуться — уже четыре часа. А там заседание бюро, а там общее собрание, «Товарищ Медведев, не забыли? Сегодня местком», да надо прочесть лекцию молодым рабочим, да еще вызывают в райком, да необходимо побеседовать с первой бригадой, а тут еще директор вызывает. Домой Медведев приползает поздно, измочаленный и выжатый как губка. Клянет все на свете. Вслух. А на самом деле? На самом деле нравится ему такая жизнь, привычка — вторая натура. Вот так-то. И когда этого нет, то чувствуешь себя как рыба, вынутая из воды.

Интересно, если бы тебя запереть в комнате хотя бы на неделю. Готовые харчи и прочее, но никаких контактов с людьми. Повесился бы? А великие герои прошлого годами сидели в одиночных камерах. Так что слаб ты, Миша. Нет у тебя воли, закалки.

Пойти встретить Лену? Все-таки уже двое. Коллектив!

Никто не воспринимал ее всерьез, потому что, когда ребята или родители приходили к Пятерке в больницу, где он лежал со сломанной ногой, черненькая девушка в очках молча вставала и исчезала. Знали только, что зовут ее Таня. А на вопрос: «Кто она?» — Яша махал рукой. Сначала над ним посмеивались, а потом призывали к девушке, принимая ее, вероятно, за внештат-

ную медсестру, и так это повторялось ежедневно, и никто не подозревал до тех пор, пока, выйдя из больницы, Яша не обзвонил всех и не пригласил на свадьбу.

Месть ребят была грубой: в подарок они принесли дешевый фотоаппарат (Яша никогда не снимал), трубку (Яша никогда не курил) и толстую книгу очерков по узбекской советской драматургии.

Все знали, как надо делать фильм, — операторы, осветители, директор картины, администратор, не говоря уж об актерах. Даже у такелажников была собственная теория, даже статисты пытались давать советы. Один лишь режиссер хватался за голову. Сценарий был совсем не плох, но потом режиссер испугался: а вдруг? Первая картина. Надо наверняка. И он хотел впихнуть в нее и Бергмана, и Антониони, и Мунка, и Тарковского, и чтоб каждый кадр стоял так, как в «Пепле и алмазе».

Приезжал сценарист. Сказал, чтоб четко придерживались сценария и все получится в блеске.

Приезжал редактор. Сказал, чтоб, главное, следили за сюжетом, остальное придет само собой.

Приезжал «маститый». Советовал нажимать на второй план и искать подтекст. Картину делать по принципу мозаики. В монтаже все прояснится.

Директор кричал, что не хватит пленки, и писал доносы в студию.

Бутенко хотел послать все к чертовой матери. В конце концов, он артист хорошего московского театра. Плевать ему на кино. Но он знал, что надо терпеть: нельзя подводить режиссера. Кроме того, пускай скептики в Москве цедят сквозь зубы: «Кино только портит актера», — но если Бутенко снимается в фильме,

да еще в главной роли, да еще вдруг фильм пойдет с успехом, то же самое театральное начальство, которое так неохотно отпускаяло его на съемки, будет относиться к нему совсем иначе. Старый, проверенный вариант.

Костюмерша Валя снимает сарафан и ложится загорать. Около нее, как козел на привязи, топчется оператор Кленов; режиссер с оператором обсуждают «Дорогу» Феллини, очень им хочется заснять перевернутый грузовик, только вот не знают, куда его присобачить; Анна Авдеевна (пожилая актриса из Ермоловского театра, здесь играет колхозницу, которая спасает Юрке жизнь) сидит в кустах, жалуется на сердце: ах, жара, духота, требует валерьянки; Витька и Андрей (они сейчас не заняты в кадре) сваливаются откуда-то сверху: «Юрка, мы такой виноградник нашли, кончай эту бодягу, иди с нами»; директор Рогов решает, что самое время закатить истерику: не составлен план съемок на следующую неделю; на площадку прибегает жена художника — сын объелся сливами, у него температура, пошлите машину за врачом; оператор спорит со своим помощником: забыли, какую пленку вчера зарядили; появляются два сторожа с верхних плантаций, толстого осветителя Мишу они принимают за главного и пытаются узнать, что снимают; «Камера, приготовиться!» — вспоминают, что нет Севастьянова, он статист, должен изображать убитого, но вечером долго дебатировали, не слишком ли «кровавый» эпизод получается, выбросили Севастьянова, а теперь восстановили Севастьянова, но он исчез, начинаются гонки по пересеченной местности в поисках Севастьянова; «Мотор!» (пятый дубль) — и ты снова бредешь по дороге, тяже-

ло раненный, в изорванной шинели, и на твоём лице горе и отчаяние.

...И было как-то странно спуститься с сопок и увидеть спящий посёлок и два черных бульдозера на грязно-белом снегу, которые тарахтели, — казалось, что сейчас они куда-то двинутся, просто рабочие отлучились на минутку, но Штенберг знал, что рабочие давно спят и оставили машину ещё днем, а может, ещё на прошлой неделе, и вообще здесь, на Севере, моторы никогда не выключают — потом не заведешь.

— Хлопцы, — сказал Яша, — марш по кабинам, вот вам и тёплый ночлег.

— А если он поедет? — спросил Эдик, который был тогда в своей первой экспедиции.

— А ты не брыкайся, — сказал Яша.

Сам он улегся рядом с Эдиком на сиденье и сразу словно куда-то провалился...

Шеф вызывает его к себе, и он час сидит в кабинете, развалившись в мягком модерновом кресле. Обсуждают новые данные, потом шеф рассказывает последний анекдот. Потом перед ним стоит и сбивчиво отвечает на вопросы молодой геодезист, недавно окончил институт, предстоит первая экспедиция. Яша вспоминает, что когда-то и он так же стоял, а теперь уже старший научный сотрудник развалился в мягком модерновом кресле.

— Где остановиться, — заканчивает шеф, — спросите у Якова Львовича. Он был в тех местах.

— Не будет погоды, — говорит Яша, — пойдете в дом дирекции. В гостиницу не надо — всегда перепол-

нена, грязь, клопы. А в доме дирекции Иван Николаевич, он там лет двадцать, всех знает и к нашему брату почтение имеет. Поселок хороший, потом, на трассе, еще не раз его добром помянете. Танцев, правда, нет. — И, видя, что парень начинает краснеть, продолжает: — Зато по субботам выдают сливовую настойку.

...Экспедиция снялась раньше. Он догонял ее по трассе на газике, который дали в управлении. Двое суток они выбирались к побережью, и когда до поселка оставалось километров пять, не больше — он отчетливо помнит этот момент, — газик тихо-тихо пошел влево, потом сполз в канаву и медленно лег набок. Шофер протер глаза и сказал: «Кажется, я заснул...»

...Он вызывает Верочку, секретаря, она вечно обижена. Ей кажется, что Штенберг вечно к ней придирается. Ничего подобного. Просто на работе надо работать, а не красить губы.

— Вот список литературы, которая мне нужна к завтрашнему дню.

Она читает, выпячивает губы.

— К утру я не успею.

— Это вы своему мальчику говорите. А на службе есть один ответ: сделаю.

Верочка круто поворачивается, ее каблучки стучат по паркету. «Металлическая подковка, — определяет Яша, — как у Тани». Он понимает, что сейчас думает Вера. Тем лучше. С него требуют, и он должен. Может, завести с Верой легкий флирт, как делает Каманин? Нет, на это он не способен. Четыре года он мотался по стране, четыре года, не успев вернуться из одной экс-

педиции, он уходил в другую. Он даже не мог представить себе, как здорово приходить каждый вечер домой и знать, что тебя ждут.

Верочка недовольна: ей придется задержаться на полчаса. Штенбергу после работы надо ехать в библиотеку. Там он просидит до закрытия. Так надо. Другие, возможно, обошлись бы извлеченными данными, по справочникам, а Яша пролистает все первоисточники. Ничего не поделаешь, характер. Неизвестно, что кому дороже: Верочке ее полчаса или Штенбергу вечер.

Несколько сильных ударов подбросили «верболайнер» — так на Дальнем Востоке называют грузопассажирские корабли. Пассажиры привстали с коек.

— На камни наскочили? — спросил кто-то весьма меланхолично.

— Стоп-кран сорвали.

Он выбежал на палубу. По морю ходили растрепанные волны. Горизонт прыгал, как полосы на экране телевизора.

И только сейчас Штенберг понял, что это — землетрясение. Моряк из начальства мечтательно протянул:

— Тряхнуло бы нас в Петропавловске — план по перевозкам был бы обеспечен...

Зеленая лампа, стопка книг, склоненные головы соседей. Собственно, это работа, о которой он всегда мечтал, — книжная, кабинетная. Бывают люди, которым нравится месить болото. А другим нравится сопоставлять, анализировать, находить общие закономерности.

Одевшись, он подошел к телефону-автомату. Девушка стояла в будке и, закусив губу, изучала записную книжку.

— Мужчине звоните? — строго спросил Яша, открыв дверь.

— Нет.

— Женщине?

— Нет.

— Значит, в зоопарк.

Девушка выскочила из кабины.

Яша набрал номер:

— Это ты? Привет... Да, в библиотеке... Звонил Мишка?.. Ладно... Почему не спишь?

Он знал, что она не спит, что она будет ждать его, когда бы он ни пришел, и за это он ее и любил, но для порядка выговор.

— Не ужинала? Очень плохо. Сейчас приду.

Мокрый снег падал лохматыми хлопьями и тушил костер. Савелий сказал, что надо развернуть палатку и держать ее над хворостом, как крышу. Потом он долго чиркал спичками, они отсырели и, казалось, никогда не зажгутся...

...Водитель громко объявил остановку. Яша вышел из троллейбуса. Вот его дом. Лифт еще работает. Прекрасно. Разве он когда-нибудь уезжал отсюда? Мокрый снег? Костер? С ним ли это было? Может, просто приснилось?

— А кто спорит? — говорил Мишка. — Танечка очень хорошая. Даже хорошенькая, если снимет очки. Правда, без очков я ее не видел. Ну, подумаешь, фигу-

ра? Не на фигуре женятся. Душа-то какая, наверное, чистое золото. Ты опять насчет ног? Какое твое дело? Ноги в принципе есть? Опять же специальность редкая, высшее образование, в библиотеке работает, понял? Прямо своими руками несет культуру в массы. Правда, руки у нее иногда болят: не то прострел, не то еще что-то, медицинское название, мне сложно запомнить. А если не руки, то живот. Или просто ангина с высокой температурой. Грипп? Чуть где-нибудь запахнет новым вирусом, Танечка обязательно его подхватит, тут она пионер. Так что Пятерка не скучает, всегда что-нибудь найдется. Прошлой зимой сломала руку на улице. Согласен, несчастный случай. Со всеми может быть. Но ты почему-то ходишь и не ломаешь? А недавно лошадь ее сбила. Чувствуешь? Это уже говорит о высоком профессионализме! Ты сначала попробуй найди в Москве лошадей! Да, забыл — частые головные боли. Зубы? Само собой разумеется. А если солнце светит, тепло и Таня из дома еще не успела выйти, — как, спрашиваю, Яшка, кажется, с Танечкой пока все в порядке? Да, отвечает, почти, только она беременна. А здоровье? Сам понимаешь, слабое. Значит, очередной аборт. Видишь, жизнь у Яши наполнена смыслом. В любую минуту можно ожидать, что с Танечкой что-то случится. Каждый развлекается по-своему. Пятерка любит ухаживать и хлопотать. Только дай ему возможность. Сразу чувствуешь себя сильным мужчиной, когда рядом с тобой такое слабое, беспомощное существо. Не будь тебя около, оно бы сразу на тот свет. Танечка не упускает случая осчастливить дорогого ей человека. Кстати, у нее, как и у каждого хорошего стратега, большие резервы. Да нет, я не о хроническом тонзиллите! Считай, мама, папа, бабушка, дедушка, другая ба-

бушка, другой дедушка, штук пять теток. У них конвенция, что ли, но если и выпадет денек, что не надо вызывать для Танечки «неотложку», то родственники спешат ей на подмогу. Ах, у двоюродного дедушки микроинфаркт! Танечка в своей тарелке — бьется в истерике. Пятерка тут как тут, прыгает около нее с каплями и валерьянкой.

— Но ведь она любит Яшу!

— Ну и что? Тут при жизни памятник надо ставить!

— Так вот, — начал рассказывать Ленька, — заваливаюсь я к Медведю. «Миша, — спрашиваю, — дома?» — «Михаила Ивановича (заметь: по имени-отчеству) в данный момент нет». И норовят дверь захлопнуть. Я быстро плечо выставляю. Вхожу. Лена лежит на диване и листает книжку. «Добрый день, говорю, а где Миша?» — «Михаил Иванович, отвечает, сегодня на конференции, не то обком, не то горком вызвал, поэтому, говорит, он и не пришел сегодня на кросс. И так у вас на заводе его эксплуатируют почему зря. Ни одного вечера дома не сидит, а тут и в воскресенье еще требуют». Я, значит, извиняюсь, только, дескать, не с завода, а проездом, из отпуска, передайте, что заходил Леня. Она сразу вскочила и кинулась мне на шею, я даже остолбенел. «Ленька, кричит, ведь я же вас хорошо знаю, почему сразу не сказали? А Мишка осел. Его совсем замучили общественными нагрузками. Вот только от общества Красного Креста бог помиловал».

Ну, мы еще минут пять потрепались, я ей говорю: дескать, жалко, что у Мишки конференция. «Какая, отвечает, конференция, просто я ему утром скандал закатила. Отец ты или не отец? Чей ребенок? Один раз в

жизни можешь с ней погулять? У меня зачет, и вообще мне надоело. Где же равноправие!»

Я опять извиняюсь: забыл, дескать: «Хоть и бракоделы, но все равно поздравляю. Сколько, спрашиваю?»

«Порядок, отвечает, уже пять килограммов. Спускайтесь во двор. Он там с коляской».

Выхожу во двор. Нет Медведя. На улицу. Нет Медведя. Вдруг из-за угла с бешеной скоростью выскакивает человек, одной рукой толкает перед собой коляску, другой держит «Советский спорт» — читает на ходу.

Я кричу:

«Мишка!»

Он:

«Привет, подожди, я сейчас!»

И не успел я слова вымолвить, как он уже скрылся, целый квартал отмахал. Я хоть когда-то и занимался спортом, но тут, смотрю, не догнать. Ничего, думаю, при таком темпе он скоро опять откуда-нибудь выскочит. И верно, появляется, но, к счастью, на доступных мне оборотах.

«Стой, — говорю. — У тебя тренировка?»

«Да нет, — отвечает, — она вопить начала, а я ее и так и сяк, и качал, и песни пел — ничто не помогало. Знаешь, сколько пришлось бегать, пока успокоилась и заснула».

Я сунул руку под одеяло. Еще бы, говорю, ей не вопить. Она мокрая с ног до головы. Надо просто сменить пеленки.

Я это все к тому рассказываю, что не нашлось ни одного дурака, который вышел бы с секундомером, пока Медведь делал круги по кварталу, а то плакал бы твой Армин Хари горячими слезами.

...Чердаков приподнял шляпу, кивнул и прошел мимо. Не остановился, не протянул руки, не спросил: «Как жизнь, Юрочка?» Что с ним? Обиделся? За что? А может, очередная блажь?

Он поднялся по лестнице и тут же увидел Федорова. Федоров стоял, заложив руки за спину, и не то что смотрел на него, а скорее рассматривал.

— Можно поздравить? — спросил Федоров.

— Проснулся! Давно подписано!

— Тогда ты ничего не знаешь. Жалко мне тебя, Юрка. Без дураков. Искренне говорю.

— Хватит разыгрывать, — сказал Бутенко. — Самое страшное, что ты можешь придумать, — это решение худсовета утвердить на главную роль Костюковского.

— Ты угадал, сегодня утром был худсовет. Вместо тебя — Костюковский.

— Привет, — сказал Юрка. — На эти фокусы давно не покупаюсь. Фантазия твоя ограничена. Нашел бы что-нибудь пооригинальнее.

В театре была традиция — при встрече друг с другом рассказывать всякие ужасы: пьесу сняли, премьеру запретили, труппы сокращают, зарплату не выдают, «а тобой лично только что интересовались из милиции, уж не знаю, что ты вчера натворил».

Поэтому Юрка ткнул Федорова в живот и пошел дальше. Но вдруг повернул, подбежал к Федорову:

— Ты серьезно?

— Нет, шучу.

— Я серьезно тебя спрашиваю!

Они дружили с Федоровым. В глазах его Юрка ясно видел выражение искреннего сочувствия и еще... Как бы мы все ни волновались за человека, которому

сообщили тяжелую весть, но волей-неволей, помимо нашего желания, нас тянет посмотреть, как он это воспримет.

— Поди к Василь Васильевичу, — сказал Федоров.

Василь Васильевич встретил его явно с тоскливой миной. Было ясно, что он не настроен разговаривать с Бутенко. Поэтому он засуетился вокруг него.

— Старик, самое главное — не отчаиваться, — начал Василь Васильевич, но уже вторая его фраза противоречила первой, а в третьей он перескочил совсем на другое.

Его речь была построена по железному логическому принципу: «В огороде бузина, а в Киеве дядька». Дескать, он лично, как постановщик спектакля, уверен, что Бутенко справится с ролью намного лучше Костюковского. Все знают, что Бутенко давно готовился к ней и даже выступал на концертах с отрывками, которые были превосходны. И конечно, молодым у нас дорога. Пожалуйста, Бутенко играет главную роль в одной из пьес Горького, центральной постановке сезона. Куда уж лучше! Поэтому Бутенко нечего жаловаться, что худсовет пересмотрел свое решение и утвердил Костюковского. Костюковский имеет звание заслуженного, много сделал для театра. Уже то, что Бутенко на равных соперничал с Костюковским, большая честь для молодого артиста. Но в труппе сложное положение. Костюковский играет главные роли в четырех постановках, но он устроил истерику, что его затирают; старики, сам знаешь, народ обидчивый. Главный режиссер не захотел портить отношения с Костюковским, тем более что Костюковский не один, за его спиной министерство, но мы еще посмотрим.

— Послушайте, Василь Васильевич, — сказал Юрка, — ведь я же не бегал, не интриговал. Вы мне сами предложили. Вы мне обещали. Вы меня убедили. Поймите, я уже поверил. Сразу бы сказали, — нет так нет, и ни у кого никаких претензий. Зачем дразнить? Ведь я живой человек, у меня есть нервы.

Это был плач в пустыне, глупый, никому не нужный.

В конце концов, ничего сверхъестественного не произошло. Передали роль другому. Бывает.

И все-таки.

В театре, как и в других видах искусства, есть незримое деление на разряды: первый, второй, третий, четвертый и т. п. После выхода фильма, после успеха в пьесе Горького, после статей в центральной прессе Бутенко стал выходить в первый разряд. Он прорвался сквозь строй маститых, и какие-то там десятки начали откровенно заискивать перед ним, а первые, вроде Чердакова, приняли его в свой круг. Это сказывалось даже в мелочах. Сам Евгений Евгеньевич пригласил Бутенко на день рождения. Недавно в ВТО сам Михаил Михайлович подошел к Бутенко, но ведь год назад он в лучшем случае только поздоровался бы с Юрой. Именно теперь Василь Васильевич предложил Юрке главную роль, и это предложение никого не удивило. Роль по праву была его. Он был готов к ней больше, чем Костюковский. Для Бутенко это была возможность выложить весь свой жизненный и артистический опыт, сейчас он сделал бы все не так, как делали до него, а лет через десять, кто знает, может, он сыграет так же, как Костюковский. Это было главным для Юрки. В творчестве необходимо, чтобы один раз повезло. Жар-птица улыбнулась ему, а когда он уверовал в нее, повернулась к нему задом.

Но объяснять это было бессмысленно. Такие вещи не объясняют.

Первым все позволено. Но теперь он опять станет вторым или третьим. Теперь опять ждать десять лет. И тот же Василь Васильевич, который сейчас клянется ему в любви, через год скажет: «Почему Бутенко, а не Иванов, Петров, Сидоров?» Взойдут другие имена. Вот так.

Два дня Юрка еще на что-то надеялся. Вдруг Борода (так звали в театре главрежа) увидит страшный сон и наутро завопит в дирекции: «Подать сюда маво любимаво Бутенку!» Или мысль еще более нелепая (Юрке даже перед самим собой было стыдно): вечером позвонит Бороде сам министр культуры: «Тут у нас просмотр был, фильм, конечно, не шедевр, но я обратила внимание на Бутенко. Ваш? По-моему, очень неплохой актер... Ну, привет! Давно не видела вас в министерстве». И Борода, как самый смелый человек на свете, помчится впереди собственного визга на худсовет: «Безобразие! В нашем театре затирают молодежь!»

Но на третий день вывесили списки. Все было кончено.

Появилась еще одна блестящая идея — повеситься. Гроб поставят в зале. Черный креп, трубы оркестра, непрерывный людской поток (откуда?) Главреж стряхивает слезы с бороды, как крошки от киевской котлеты (сравнение пришло, когда он вспоминал один официальный банкет, и идея сразу отпала).

Вечером Юрка позвонил Медведю.

Пришел Пятерка. Майор привел Барона. Ленька взял на себя роль арбитра. Как ни странно, все принялись осуждать Руслана. Дескать, ушел в подполье, и никто не помнит, когда видел его в последний раз.

Совсем оторвался. Попробуй его найти. Наверно, это специально: сам не хочет! Потом:

упреки («А ты сам зазнался — не звонишь»), подозрения («Другие товарищи, да? Старых забываешь?»),

плач Ярославны («У меня на работе такая неприятность»),

оргвыводы (чаще собираться, Чернышеву — может приводить Аллу, ладно, признаем),

воспоминания (как у «профессора» отняли бутерброд) и т. д.

Юрка потребовал гитару:

— «Ах, Арбат, мой Арбат, ты мое отечество, никогда до конца не пройти тебя».

В начале второго Лена сказала:

— Ребята, имейте совесть, сидите хоть до утра, но родители спят, поэтому давайте еще тише. А Мишке, между прочим, в семь вставать, конечно, это его частное дело.

С седьмого этажа пришлось спускаться кубарем, потому что Барон бежал впереди и звонил во все звонки.

На улице Юрка первый запел:

— «Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше, когда дворники маячат у ворот...»

Жизнь опять была прекрасна и удивительна.

Кончался Ленькин отпуск. Двух месяцев (за прошлый и за этот год) не хватило, чтобы завершить интриги в московских учреждениях.

Вот в коридоре Мосгорсовнархоза он беседует с главным инженером одного из московских заводов.

Да, конечно, Майорова отхватили бы, как говорится, с руками и ногами. Опытные специалисты очень

нужны. Но сначала его должны отпустить с Урала. Договаривайтесь там... Нет, вызов мы не можем прислать. Были бы рады, однако...

— Пал Петрович!

— Сколько лет, сколько зим!

Трали-вали, кошки играли, собственно, теперь-то Ленька может смело уходить. Надеяться ему не на что.

— Майоров, одну минутку. Куда же вы?

Ленька возвращается.

— На ваше счастье товарищ из свердловского совнархоза. Он может помочь. Знакомьтесь.

— Добрый день, Леонид Андреевич!

— Добрый день, Пал Петрович!

Главный инженер разводит руками:

— Вы знакомы?

— Еще бы! — говорит Пал Петрович. — Майоров начинал у меня в цехе.

— Прекрасно, — говорит главный инженер. — Товарищу надо помочь. Он пять лет на Урале. Заместитель начальника цеха.

— Вот как? Поздравляю!

Пал Петрович смотрит на него в упор. Спокойно, Леня, твое дело давно проиграно.

— У товарища здесь больная мать, — продолжает главный инженер. — Кроме того, Москва — родной город, я его понимаю. Раньше, когда совсем не было специалистов, я бы даже не заикался, а теперь там, наверно, выросли свои кадры. Откровенно говоря, я не поклонник такой практики, когда москвичей — в Свердловск, свердловчан — в Москву.

— А наш городок, насколько я понимаю, в двухстах километрах от Свердловска. Заскучали, Леонид Андреевич?

— Отнюдь. Там очень весело. Извините, я тороплюсь. — Ленька быстро уходит.

Главный инженер поражен:

— Что он, психованный?

— Нет, просто у нас старые счеты.

— А... Ну, прости, брат. Он склочник, лодырь?

— Напротив. Очень толковый инженер. Ему пришлось с азов начинать. У нас там нянюшек не было. Не то что здесь. Но он дурак, ясно? Идеалист, интеллигент. Этот карьеры не сделает.

— Но он заместитель начальника цеха!

— Я его рекомендовал. Правда, сие ему не известно.

— Ты?

— Да, когда покидаешь старое место, хочется оставить его в надежных руках. А Майоров надежный. Рекордов с ним не поставишь, главк не удивишь. Но зато провалов не будет. Гарантия. Нет в нем гибкости, полета. Но если тебе нужен человек, за которым ты был бы как за каменной стеной, то я постараюсь.

— Сделаешь?

— Все в руках божьих.

▶ ▶ ▶

— Танька, смотри направо, сейчас из-за колонны выйдет в зеленом платье, с сумочкой. Ну куда ты глядишь, видишь?

— Ага.

— Это Алла. Та самая.

— Ну?! Сейчас подойдет поближе — рассмотрю... Подумаешь, ничего особенного!

— Перестань. Она же очень красивая.

— Просто нарядилась. Я таких не люблю.

— Давай ее остановим.

— Брось, Ленка, разве можно?

— А почему нет?

— Я лучше уйду.

Лена (*шепотом*):

— Да не бойся, стой.

(*Громко и вызывающе*):

— Добрый вечер, Алла!

— Здравствуйте, девочки.

— Вы меня, наверно, не знаете. Я жена Миши Медведева. А это Таня, жена Яши Штенберга.

— Почему? Я много о вас слышала. Саша мне все рассказывает. Здравствуйте, Таня. А вас зовут Лена, да? Мне очень хотелось познакомиться с укротительницей Медведя. За ним бегало столько девушек! Не обижайтесь, я знаю, как он стоял до утра в вашем подъезде. Что ж, я считаю, ему здорово повезло. Надеюсь, вы его держите в ежовых рукавицах?

— Он у меня пикнуть не смеет.

— Отлично. Таня, мы с Леной жалкие, ничтожные люди по сравнению с вами. Вы взяли такую крепость. Или еще вопрос: кто кого взял?

Л е н а. А где Саша?

А л л а. Разве он когда-нибудь бывает дома? Я сижу, как соломенная вдова, и жду, когда великий Чернышев осчастливит меня своим появлением. А ваши?

Л е н а. Сегодня «Спартак» — «Торпедо».

А л л а. Знакомо. Итак, у наших мужей не нашлось времени посмотреть своего друга. Как вам Юрка?

Т а н я. Очень смешно. Юрка — наш парень, вчера еще к нам заходил, с Яшей пленки слушали. И вдруг — он на сцене!

А л л а. Согласна. Такого не бывает.

Т а н я. Ой, второй звонок!

Л е н а. В антракте.

А л л а. Конечно.

После второго действия.

Все трое (*одновременно*):

— Ну как?

Л е н а. Юрка просто великолепен.

Т а н я. Но он слишком молодо выглядит.

Л е н а. Жалко, что ему не дали роль в следующей постановке. Обидно за парня. Очень талантлив.

А л л а. Все правильно, Леночка, Юра хорошо играет. Но, к сожалению, он не только играет. Каждым своим жестом, каждой репликой он пытается подчеркнуть: мол, смотрите, как я хорошо играю.

Л е н а. Вы прямо как профессиональный критик.

А л л а. Зачем издеваться над старой, больной женщиной?

Л е н а. «Старой, больной». Это Сашкина фраза.

Т а н я. А чем вы больны?

А л л а. Да так, к слову. А вообще у меня что-то с печенью. Сейчас я на строгой диете.

Т а н я. Ой, как здорово! Ведь у меня тоже холецистит.

Весь антракт прошел в оживленной беседе на медицинские темы.

После спектакля, проводив Таню, Лена и Алла пошли к метро.

— Аллочка, как тебе Таня?

— Жены Сашкиных товарищей вне критики.

— А если честно?

— По-моему, зануда.

— Нет, она хорошая, но есть кое-что.

— А ты, Ленка, мне очень понравилась. Приходи к нам, ладно? Знаешь, на работе я так выматываюсь. Ез-

дишь по Москве со всякими иностранцами, гид-переводчик. «А вот, господа, посмотрите направо, прекрасная перспектива Нового Арбата» — и все с такой милой стандартной улыбкой, потом я губкой сдираю ее с лица. Когда Сашка включает приемник, я кричу на него. Меня мутит от звуков английской речи. Сразу вспоминаешь, как эти жиртресты умильно щупают тебя масляными глазками. Так что до дому доберешься — и никуда.

— Алка, приходите вы с Сашей к нам. Тут проездом будут Ленька с Галей, соберемся.

— Но ведь ребята устроили мне обструкцию.

— Они ничего не понимают. Кстати, все это время они только о вас и говорили.

Во время телефонного разговора.

Л е н а. Как тебе Алла?

Т а н я. Слишком умная. Выпендривается.

Л е н а. Побойся бога! Алка — милая, простая девка.

Т а н я. Все равно я не могу ей простить, что она с Русланом сделала.

Л е н а. Танечка, ты когда-нибудь Чернышева видела?

Т а н я. Мельком.

Л е н а. А Руслана?

Т а н я. Никогда.

Л е н а. А я знаю обоих. Ты посмотри на них, сравни, а потом говори.

2.

Телевизор не работал. Это было даже смешно. Кто-то, вероятно из АХО, решил, что в доме команду-

ющего положено быть телевизору, хотя непонятно, что он мог ловить, находясь в сотнях километров от ближайшего промышленного центра, в поселке, не обозначенном ни на одной гражданской карте мира. Весьма проблематично, что в этом доме за весь год кто-нибудь вообще жил больше недели. Кроме того, Чернышев сильно сомневался, что человек, приехавший сюда, как-то уж сразу начинал так скучать, что непременно хотел посмотреть «Голубой огонек», транслируемый местными студиями из Москвы. Но тем не менее в АХО, видимо, была на этот счет инструкция. Положено — и точка. Так и появился здесь «Темп-2», но что-то у него испортилось — от сырости или просто подсунули бракованный экземпляр. Чернышев представил, какой бы поднялся переполох, если бы командующий (а в этой комнате останавливался только командующий) один раз нечаянно нажал на кнопку. Но деятель из АХО мог спать спокойно. Чернышев был уверен, что к тому времени, когда начальству станет невтерпез без «Голубого огонька», весь нынешний состав АХО уйдет на пенсию. И все-таки анекдот. Раньше Чернышеву казалось, что на «высшем уровне» бытовое обслуживание работает все же лучше.

Зато приемник включился сразу. Концерт симфонической музыки. Вроде Чайковский. Руслан назвал бы даже номер симфонии. А он, Чернышев, неуч. И не стой с умным видом, не пытайся вспомнить. Бесплезно. Заглянем в книжный шкаф. «История Отечественной войны», мемуары де Голля. Художественная литература: Смирнов, Гранин. Лично он, может, осилил бы «Крокодил». А на более серьезное он сейчас не способен.

Он подошел к столу. Сел. Теперь есть деталь для собственных мемуаров: «Когда я сидел в кресле командующего». В принципе, наверное, минут через десять можно поговорить с Москвой: «Алиса, привет, как твои дневные подвиги?» Или поднять по боевой тревоге военный округ. Пожалуйста, стоит только снять трубку. Но телефонист знает, что командующий прибудет только завтра. Если парень с юмором, просто пошлет подальше. Зато завтра...

Чернышев встал. Пора и честь знать. Ничего апартаменты, вполне в спартанском духе. Вот только кровать основательнее, чем у Чернышева. У Чернышева металлическая, с железной сеткой вместо матраца. Правда, она тоже рассчитана на генералов.

Начальство одно не приезжает. Вышибут Чернышева отсюда к чертовой матери, а он привык к этой комнате. Все-таки прожил десять дней. И то хорошо, что его, человека сугубо штатского, пустили в комнату для высших чинов, сопровождающих командующего. Ну, порезвился — хватит.

Чернышев вышел на крыльцо, запер дверь. Свет лампочки под козырьком упирался в туманную стену дождя. Если это можно было назвать дождем. Уже три часа бушевал потоп, который изредка сменялся сильным ливнем. Последние надежды: а может, не прилетит из-за погоды? Глупость. Для армии погоды не существует.

В комнате Чернышева никакая симфоническая музыка не заглушала равномерный шум бесконечного обвала за окнами. Надо спать. Час ночи. По-московски всего одиннадцать. Не привык. Интересно будет посмотреть на тебя завтра. Взглядом постороннего наблюдателя. Милая картина. Чернышев, независимый

и элегантный, объясняет командующему, что, дескать, извините, но испытание надо отложить минимум на три дня. То есть, конечно, все можно. Девяносто девять процентов гарантии. Но Чернышеву нужно двести процентов. А ему, видите ли, показалось... Вот такая непринужденная беседа. Ведь Чернышев — математик, из другого ведомства. Очень смелый человек Чернышев. Сегодня.

А завтра...

Как он хоть выглядит, этот генерал, командовавший армией в годы войны, посылавший, если требовала обстановка, свои полки на смерть? Так надо! Ясно? Приказ. Доложить об исполнении. Сколько было процентов гарантии, когда форсировали Одер? Генерал привык распоряжаться жизнями тысяч людей. И вдруг появляется этакий пижон, молокосос, профессор кислых щей. У него, видите ли, особое Мнение. Да взглянет ли командующий в твою сторону?

А если и взглянет? О чем вы думали раньше? Чем у вас там занимаются? За что вам только деньги платят? Цыц, малявка, не грубить начальству!

Потом, в Москве, Чернышева вызовут на ковер уже по ведомству. «Как же так, — скажут, — товарищ Чернышев? Для вас государственных сроков не существует? У вас были претензии к инженерам?.. Ах, вы сами не разбираетесь, вы теоретик, вам только показалось! А вам не кажется, уважаемый, что учреждение, в котором вы служите, малость отличается от детского сада? Задумывались ли вы, в какое положение поставили нас перед...»

Любопытно, что сейчас у Чернышева на все находится ответ. Великий он был оратор наедине с собой. Но почему, почему ни разу за все время, что он пом-

нит, не выдерживался график? Сроки всегда форсировались. Начальство прибегало взмыленное, собирало народ и с очаровательной улыбкой доказывало: дескать, мы понимаем, конечно, трудно, но положение обязывает, такая складывается обстановка, — словом, не полгода, а три месяца, ясно? Как будто самим инженерам плевать на время, как будто они специально тянут резину, чтобы иметь возможность забить «козла» в рабочее время... Ах, начальство так не думает? Тогда откуда эта удивительная страсть хоть на три дня, да опередить график? Приятно потом докладывать? А если бы подсчитать, во сколько миллионов обходится иногда стремление доложить как можно раньше...

Это была хорошо подготовленная речь минут на сорок. Чернышев выучил ее наизусть, слово в слово. И опять он ходил из угла в угол и мысленно повторял ее. Зачем? Для собственного успокоения? Бесспорно, это успокаивало его. Каждый раз он придумывал другую обстановку, но эффект его слов всегда был один и тот же: директор (генерал, министр, член государственной комиссии) вынимал платок, вытирал глаза, пожимал Чернышеву руку.

Остановись! Заставь себя замолчать! Ведь это просто маразм. Зачем разыгрывать перед собой один и тот же спектакль? Ты никогда не осмелишься. Ты очень решителен, когда дело касается чертежей, расчетов, схем. Тут ты можешь воевать сколько угодно. После очередного ЦУ ты можешь тихо ругаться, но когда к тебе подходит руководитель работ или генеральный конструктор и, улыбнувшись, спрашивает: «Как жизнь, Чернышев?» — куда что девается! Ты краснеешь как свекла, прячешь глаза и робко мямлишь: «Ничего, по

графику!» Приятно будет завтра услышать твой дрожащий голос, когда на вопрос: «А что думает институт?» (это еще если спросят) — ты бодро пискнешь: «Все в порядке, товарищ генерал!»

Чернышев лег и долго прислушивался к тому, как за окнами продолжало падать небо. Он уже начал засыпать (потому что появился Пятерка, темное шоссе, велосипеды, у Чернышева сорвалась нога с педали, и он дернулся в постели), как вдруг снова, будто наяву, услышал взрыв, который, казалось, бросил его из укрытия, и снова та же картина перед глазами: люди бегут, бегут из траншеи туда, где... И Чернышев бежит со всеми, уже близко, и совсем исчез снег, словно здесь никогда не было зимы. И огромная рваная воронка. И ничего нет.

Утром его разбудил телефон. Лихой, молодцеватый голос сказал:

— Товарищ Чернышев? Вам придется перейти в гостиницу. Сами понимаете...

— Хорошо, — сказал Чернышев и начал спешно одеваться.

В гостиницу так в гостиницу. Он был там. Одноэтажное здание. В комнатах по шесть коек. Полна коробочка. Командированные офицеры или инженеры, еще не устроившиеся с жильем. Разве он лучше других? Собственно, попал он сюда случайно. Не было мест в гостинице.

Он не успел помыться, как раздался новый звонок. Тот же голос, но уже в другой тональности, несколько смущенно извинился. Есть распоряжение не трогать Чернышева.

Тем лучше, подумал Чернышев и прикинул: в доме кроме двух комнат командующего еще три, каждая

с отдельным входом. Значит, кроме главного, приехали всего два генерала.

Иначе откуда такой почет?

Новый звонок. Полковник Ефимов.

— Да, — сказал Чернышев. — Иду к вам.

Он повесил трубку и услышал шаги за стеной. Сначала лихие, быстрые, потом уверенные, тяжелые, и дальше, беспорядочно, несколько пар сапог. Громкие голоса. Слов он не различал.

Чернышев накинул плащ и, проходя мимо умывальника, заглянул в зеркало. Слава богу, он не похож на молодого шизика-физика, которых обычно изображают в комедиях (очки, торчащие патлы длинных волос, ковбойка — рассеянный человек, бормочущий под нос непонятные формулы). На Чернышева смотрел спортсмен, коротко остриженный и не очень юный. Вот только круги под глазами. Опять.

Полковник Ефимов был на редкость симпатичный дядька, из тех военных, которые до старости сохраняют гибкую, мальчишескую фигуру и которых седина красит. Но глаза у него были грустные, не армейские. Вряд ли жизнь баловала его. Годами не вылезает из медвежьих углов. Одно развлечение — московские пиджоны вроде Чернышева. Казалось, он насквозь видит Сашку (молодой, способный, повезло, петушится, подожди, еще обкатают).

— У вас есть конкретные замечания? — спросил Ефимов. (Пошел разговор по существу.)

— Может, где-нибудь ослаб контакт. Но я не знаю где.

— Чем это грозит? (Не морочьте людям голову.)

— Практически ничем. И все-таки наш принцип — трижды подстраховаться.

— Почему вам кажется, что контакт ослаб? (Здесь не играют в бирюльки, и личные ваши ощущения никого не интересуют.)

— В институтских условиях у нас получался несколько другой эффект.

— Но ведь есть разница между лабораторией и полигоном. (Типичный теоретик, буквоед. Пороха не нюхал.)

— Но ее не должно быть.

— Сами дадите объяснения? (Вот ты и спекся.)

— Да.

В глазах Ефимова зажглись огоньки. Пожалуй, в них не было ни уважения, ни восхищения. Так смотрят на озорника, который громко объявил, что сейчас спустится с десятого этажа по водосточной трубе. Огоньки быстро погасли.

...Командующий сидел вполоборота к Чернышеву. Рядом с командующим три генерала и несколько штатских, которых Чернышев видел впервые. Начальники служб докладывали коротко и четко, как это бывает только в армии.

Чернышева захватила торжественная обстановка. Подводился итог работы сотен, а то и тысяч людей. Вклад его института казался небольшим, а его, Чернышева, ничтожным. И Чернышев на минуту поверил, что все пройдет благополучно, никто о нем не вспомнит, и слава богу. Если вдруг назовут его фамилию, он просто не сможет подняться со стула. Скорей бы все кончилось.

Встал Ефимов:

— Система проверена. Приборы работают нормально.

Командующий кивнул. Ефимов сел. Пронесло.

Но один из генералов наклонился к командующему, и командующий явственно произнес:

— Да, конечно. — Громко: — Прошу товарища Чернышева!

Взгляды всех присутствующих, словно гири, повисли на нем. Он доложил. Но сам не слышал своих слов.

— Итак, ваше мнение? — негромко спросил командующий.

— Можно, но я не уверен.

— Сколько потребуется времени? — еще тише спросил командующий.

Уж лучше бы он сразу стал кричать. Топать ногами. Так было бы легче. Гроза началась — и все. А то тучи сгущаются, и ни ветерка, и нечем дышать.

— Двое суток, — сказал Чернышев, хотя только что хотел сказать: трое.

— Хорошо, — сказал командующий и отвернулся.

...Вспомнилось, как давным-давно они собрались у кинотеатра «Художественный», чтобы первый раз в жизни пойти в ресторан. Сколько было волнений! Не дай бог, узнают родители! Ресторан казался символом чего-то запретного, легкомысленного и очень веселого. Ну и идиоты они были. Нет мест более унылых, чем рестораны, да еще в маленьких городах. Пустые столики похожи на могилы, покрытые тонким слоем снега. Стулья явно похищены с вокзала. В дальнем углу группа военных отмечает известный лишь им одним праздник. В середине зала гражданский летчик и девушка не отрываются друг от друга. За ближайшим к Чернышеву столиком три молодящиеся женщины и двое лысых мужчин пьют, наверно, давно и сейчас пытаются петь, правда, негромко. Оркестр — пять

стариков, — подлаживаясь к немногочисленным посетителям, наяривает фальшиво и не в такт что-то очень древнее. Несколько одиноких мрачных субъектов, каждый за отдельным столиком, ведут легкомысленный и веселый образ жизни. Два лысых танцора приглашают двух дам. Третья скучает. Медленно приближается пьяный в грязной полосатой сорочке. Он делает церемонный поклон. Дама отказывается. Пьяный пристально на нее смотрит взглядом старого обольстителя. Дама непреклонна. Появляется новый пьяный, копия первого, но моложе и решительнее. Он отталкивает неудачника и прямо хватает даму за руку. В этот момент музыка кончается. Все возвращаются на свои места. Пьяный ретируется.

Двое парней напротив Чернышева. Один, в зеленом пиджаке, похож на шофера. Другой, в очках, вылитый студент физфака. Очень пьяны.

Зеленый пиджак подсаживается к Чернышеву:

— Давно от хозяина?

Несколько осторожных фраз, и Чернышев понимает: виновата короткая прическа, его приняли за недавно выпущенного уголовника. Это становится забавным.

— Смотрю — выпил, заказал еще, выпил и сидит смирно. Нет, думаю. А я этим оркестрантам в свое время по десять бутылок шампанского заказывал. Чтоб играли только для меня. Сам я с Донбасса, но здесь работал завмагом. Деньги были. Не веришь? — Показывает Чернышеву выданную ему справку о досрочном освобождении. — Отсидел восемнадцать месяцев и двадцать три дня. А кореш — завмаг (это тот, которого Чернышев принял за студента). Под него копают, ему еще предстоит.

Кореш что-то мычит.

— Отстань, дай поговорить с человеком. Он свой парень, оттуда.

— И я там буду, — мычит кореш.

— Ты? Не бойся. Обязательно. Не минует. Хотя кому ты там нужен? Что ты умеешь делать? — Смотрит на свои руки — и опять к Чернышеву: — А я в районе, в глухом. Старые товарищи устроили. Продмаг. Никогда бы меня туда не взяли, да некому работать. Трудно, пятьдесят три рубля. Жена, ребенок, теща. А что остается? — Он еще долго рассказывает про свои невзгоды и вдруг останавливается: — Парень, может, тебе хватит? Ты что, того? Перебрал? Проводить тебя?

— Нет, — отвечает Чернышев. — Не надо. Посижу спокойно.

— Как знаешь, — говорит сосед и отходит.

Он думает, что я пьяный. Заботится. Вероятно, я начисто отключился. И он заметил. Нет, я, к сожалению, трезв, как дежурный милиционер. Просто чуть расслабился. А может, это — следствие нескольких рюмок? У каждого по-разному. Или я прилетел с другой планеты? Но я не понимаю, что происходит. Не надо объяснений. Тебе крупно повезло — ты нарвался на сборище подонков. Или нет, допустим, все это прелестные ребята. Этот пьяный в полосатой сорочке — отличный производственник, попал сюда случайно, ссора с женой, и запил с горя. Или эти три женщины, что пытаются петь: «В жизни раз бывает семнадцать лет», чудные интеллигентные люди, читают в подлиннике Шекспира. Допустим, сегодня я участвую в аттракционе «Кривое зеркало». Допустим. И этот бывший уголовник, дай бог ему больше не провороваться... Конечно, тяжело: жена, ребенок, пятьдесят три рубля, да еще теща. Сочувствую. Но, милый

мой, задумывался ли ты хоть раз, в какое время мы живем? Понимаешь ли ты, что творится в этом лучшем из миров? Не приходила ли тебе в голову, ну, случайно хотя бы, такая нелепая мысль, что все мы можем в один прекрасный момент взлететь к чертовой матери? Нет, не взлететь, а испариться? Не будет ни тебя, человек в зеленом пиджаке, ни твоего товарища, ни ревизора, ни твоей жены, ребенка и даже тещи, ничего не будет.

Я знаю, что сейчас делают мои товарищи, и не только они. Нас много. Тысячи. Сотни тысяч. А где остальные? Играют в домино? Ломают голову над сложной проблемой покупки нового спального гарнитура? Отстоят смену — и айда, ребятишки, на футбол? Или после сытного ужина философствуют, развалясь, что, дескать, трудно достать нейлоновые носки, а тут еще угроза атомной войны?

А тебя я хочу взять за грудки, выволочь из-за столика и спросить: «А что ты лично делаешь, сволочь, чтобы не было войны?»

Такой же вопрос ко мне? Хорошо, я отвечу. Однажды я смотрел фильм. Человечество после атомной бомбежки. На последнем берегу. Один из героев говорит: «Когда-нибудь разумные существа других планет поймут, что Земля погибла в результате неисправностей в электронной машине». Так вот, я работаю над тем, чтобы этих неисправностей не было. Ты не видел этого фильма, хочешь посмотреть? А не побежишь ли ты на следующий день скупать соль и мыло?

Другой вопрос? Я ожидал его. Да, мои товарищи работают непосредственно над оружием. Самым страшным. Но сможешь ли ты когда-нибудь понять людей, которые всю свою жизнь, весь свой талант, все

свои силы вкладывают в совершенствование этого оружия, твердо веря, что никогда, никогда оно не будет применено? Тебе не понять трагедии этих людей, я не боюсь повторить — именно трагедии.

Ты скажешь: не всем заниматься ядерной физикой. Я, например, шью брюки. И шей на здоровье, большое тебе спасибо, только не считай, что на этом кончается твоя человеческая миссия, что остальное — дело политиков и ученых.

Мы все должны поровну нести ответственность за сохранение жизни. И если это будет так, с нашим шариком ничего не случится. Иначе...

Если бы люди на земле думали, а не отсиживались по своим углам! Разве взорвалась бы тогда хоть одна бомба!

В конце концов, у меня нет претензий к дремучим идиотам. Это не их вина, а их беда. Но ты, милый паренек в зеленом пиджаке, почему ты стал дремучим? Очень удобная позиция: я простой завмаг, работа, слесарь, печки-лавочки. А почему ты простой, какая между нами разница? Ведь мы с тобой росли в одно время, воспитывались в одинаковых условиях. Разные способности? Нет. У нас была равная возможность стать Человеком, понимаешь, Человеком с большой буквы, в каких бы областях мы ни совершенствовались. Я могу на Страшном суде отвечать за любого из ребят, с которым учился... Стоп. Ну, почти за любого. Почему они не выбрали путь, который привел бы их в глухой район, в тихий продмаг? А ведь этот путь был проще. (18 месяцев 23 дня? Ну, милый, тут, извини, у нас система такая, почему-то не любят воров. Впрочем, многие умнее тебя. Устраиваются хитрее. Их не поймает.)

Гасят свет. Пора уходить. Чернышев расплачивается и возвращается в гостиницу.

Как он попал в этот маленький захолустный городок?

Здесь устроили конференцию физиков некоторых социалистических стран.

Чернышева вызвали и предложили поехать.

— Привет, — сказал Чернышев, — а при чем здесь я? У меня работы по горло.

— Знаем, — ответили Чернышеву, — и все-таки почему бы вам не поехать?

«Действительно, почему?» — подумал Чернышев.

На конференции оказалось очень интересно. Чернышев понял, что он, как говорится, слишком уж заспециализировался. Лично для его работы конференция ничего полезного не дала. Но это была хорошая встряска. И потом ее результаты скажутся самым неожиданным образом.

На конференции Чернышев разговорился с умным и острым на язык чехом. В середине беседы чех неожиданно спросил:

— Вы физик?

— Нет, — ответил Чернышев. — Я здесь сбоку припека.

— Чем вы занимаетесь?

— Делаю разные игрушки, — вежливо ответил Чернышев.

— Ясно, — сказал чех. — Тогда у меня к вам несколько странный вопрос. Можно?

— Пожалуйста, — сказал Чернышев.

— Понимаете ли вы, что нет таких идеалов, ради которых стоило бы уничтожить все человечество?

Чернышев усмехнулся:

— Это вопрос не по адресу. Мы это знаем.

Конференция кончилась. Участники разъехались.

Чернышев задержался на сутки — у него была такая возможность. Он захотел отключиться от всего, побродить по городу просто так, отдохнуть.

Он честно обошел весь город, а вечером решил тихо-мирно посидеть. И вот в самом неподходящем месте — бац, началось. Причины? Резкая смена обстановки? Нет, вероятно, вспомнился разговор с чехом. От себя никуда не убежишь.

Еще вчера была солнечная погода, а сегодня пошел снег, самолеты не вылетали, и ни один аэропорт, как авторитетно сообщил начальник агентства, не принимал.

Чернышев, вконец расстроенный, купил билет на поезд и опять шлялся по городу. Дул холодный ветер, температура упала до пятнадцати градусов, на Чернышева показывали пальцами: «Смотри, сумасшедший, без шапки!»

В одном из магазинов, куда Чернышев забежал погреться, его остановил подвыпивший субъект.

— Браток... — начал он.

И Чернышев сразу понял:

— Двадцать копеек?

— Точно! — восторженно завопил субъект. — Я бы никогда не подошел, да вижу — парень только что оттуда.

Польщенный Чернышев дал двадцать копеек и решил, что надо срочно покупать шапку или отращивать волосы. Иначе разоришься.

В поезде он читал все подряд, выключал радио, когда отворачивались соседи, смотрел, как телеграфные столбы отряхиваются от снежной пыли, и под-

считывал часы, оставшиеся до Москвы. Может быть, впервые он не думал о работе. А в голове его возникали сцены встречи с Аллой, и еще раз (новый вариант), как его встретит Алла, и еще раз, как это все произойдет. Время и дорога тянулись бесконечно, и Чернышеву стало казаться, что Аллу он вообще никогда не увидит.

Поезд пришел в два часа дня. Он пошел домой. Аллы, конечно, не было. Он позвонил на работу и сказал, что сейчас будет. Когда он закрывал дверь квартиры, раздался телефонный звонок. Он вернулся, постоял, послушал, но трубки не поднял. Он знал, кто звонит. Если он поднимет трубку, то на работу не поедет, а должен, раз сам обещал.

На работе он задержался, хотя мог и не задерживаться. Правда, выйдя из института, он схватил такси, но по лестнице поднимался не торопясь.

Алла выскочила из кухни.

— Сволочь, — сказала она. — Я тут на стенку лезу, не могу представить, что с тобой произошло! Разные ужасы мерещатся. Два дня нет человека! А он и в ус не дует! Денег на телеграмму не было? Позвонить трудно?

— А чего волноваться? — сказал Чернышев. — Я же уехал в цивилизованный город, а не на полигон.

— Откуда я знаю, что с тобой случилось? Ты всегда точен. Не смей подходить ко мне! Сегодня с утра обрываю телефон, а ему лень позвонить!

— А вдруг ты на экскурсии?

— Мне бы передали. Не догадался? Врешь! Просто захотел меня позлить. И не улыбайся, не улыбайся!

Через пять минут:

— Скажи хоть: скучал?

Чернышев вспомнил поезд и бодро ответил:

— Что ты! Было так весело! Масса молоденьких девочек.

Часть пятая

1.

Когда-то, в далекой молодости, мне казалось, что я, Руслан Звонков, личность незаурядная и необыкновенная. Очень сложный я был тогда человек. Никому не удалось бы меня подвести под определенный тип характера. Был ли я смелым? Сегодня — да, а завтра мог струсить. Любил читать? Да, неделю не вылезал из библиотеки, а потом год не брал книгу в руки. Был ли легкомысленным, непоседливым? Но в восьмом классе я вставал ежедневно в пять утра и принимался за задачник. А когда работал шофером в «ящике» и приходил домой усталый, хотелось спать или пойти в кино. Нет, говорил я себе, ты сейчас поедешь в институт на лекции или сядешь за чертеж. И ехал в институт или садился за чертеж. Эгоист? Но ведь я стоял в парадном и уговаривал Аллу пойти на свидание с Медведем. Завистник? Когда Юрка поступил в театральное училище, я был рад за него больше, чем он сам. Тупой, ограниченный человек? Кто же тогда в пятнадцать лет ломал голову над экономическими вопросами и штудировал «Историю дипломатии»?

Нет, определенные типы характеров существуют, видимо, только в художественной литературе. Хлеста-

ков все время врет. Базаров всех презирает. Онегин скучает. Унтер-офицерская вдова сама себя сечет.

Но попробуй определить, что за тип Руслан Звонков. Сегодня он отличный шофер, фотография выгорает на Доске почета, ни одного прокола за много лет. А завтра Звонков пьяный колесит по Москве и пытается уйти от орудовского мотоцикла на грузовике! Очень непонятный парень был Звонков. Никто не знал, чего можно от него ожидать.

А теперь? Увы! Теперь Руслан Звонков человек без неожиданностей. Заранее известно, что он сделает, что скажет.

Воскресным теплым днем промчится мимо «Волга» — я провожу ее взглядом и процежу сквозь зубы: «Частник проклятый, бабу повез!»

Резко затормозит на светофоре грузовик — «Тюфяк, — говорю я, — ездить не умеет».

В столовой встану из-за стола, скажу вслух: «Я наелся, напился, кверху хвостик поднялся».

Зайдет разговор о театре или кино — непременно найду место, где вставить: «Бутенко знаете? Артист знаменитый, играл в фильме... Что? Да так, к слову пришлось. Учились вместе. Дружки были. Пожалуй, теперь он меня и не вспомнит. Зазнался».

Попадется мне интеллигентный клиент, вежливый, чистоплюй, обращение на «вы», сложные литературные обороты. А я его матом: «Что ты, тра-та-та, мне мозги, тра-та-та, тут надо, тра-та-та, и все дела, понял?» Интеллигент снимает очки, краснеет, суется около меня (я все норовлю в своем замасленном комбинезоне к его светлому костюму прислониться) и вдруг тоже неумело, не к месту, выругается — смех один.

А то наскочит хмырь, под своего парня работает, дескать, я, ребяташки, сам такой, все понимаю, ты, дескать, кореш, тра-та-та, прошприцуй да посмотри, нет ли люфта, тра-та-та, в передних колесах. И хлопнет по плечу.

А я тихо отстраняюсь и спокойно отвечаю: «Простите, но мне кажется, мы с вами на брудершафт не пили. Возможно, в вашем учреждении считается хорошим тоном материться. Или вы ошиблись адресом? Здесь вам не бордель, здесь станция обслуживания. Много молодых рабочих, только что со школьной скамьи, а вы, взрослый, образованный человек, какой пример им подаете?»

Еще какую-нибудь цитату из Достоевского приведу.

У хмыря челюсть отваливается, пот его прошибает, а ребяташки наши демонами ходят, усмеваются. Давно привыкли к моим «номерам».

Если я сижу в незнакомой компании и меня спрашивают о зароботке или старый хороший клиент вдруг заинтересуется, то я, конечно, начинаю жаловаться: «Расценки низкие, запчастей мало, зимой работы нет, ну, случается, перепадет трояк, так ведь у нас традиция — после смены в магазин. Все идут, а я что, белая ворона? Неудобно отказываться. А в день получки одно расстройство».

Когда же я в костюме с узкими лацканами, во вьетнамской рубашке да с польским галстуком иду в ресторан с девочкой, тут совсем другая песня. Мол, шофером я по двенадцать часов за баранку цеплялся и еле привозил полторы сотни. А слесарем я, случается, рублей по тридцать за смену в карман опускаю. Частник проклятый на юг торопится, в магазине хоть шаром покати, а у меня все, что ему нужно, припрятано, да

работа не кое-как, а с гарантией. Куда же он от меня денется?

Если кто-нибудь из нашей компании спрашивает меня по телефону, я шепчу матери: «Скажи, что нет дома и неизвестно где». Если же я снимаю трубку сам, радостно так плету: «Мишка, привет! Сколько зим, сколько лет!.. Кто пропал? Я пропал? Да ты что, озверел?.. Сейчас не могу. Свиданка. Серьезная девочка... Завтра? Завтра обязательно. Как штык. Жди звонка. Привет!» И конечно, не звоню. А когда мать открывает рот: «Почему бы тебе не...», я на нее сразу кричу: «Не твое дело!» — и она пугается, замолкает. Впрочем, ребята мне давно не звонят.

Вот так. Теперь про меня все наперед известно. Знаю, что когда-нибудь накоплю деньги на машину (об этом никому ни слова) и буду кататься по воскресеньям. А больше ни о чем и не мечтаю. День и ночь — сутки прочь. Я доволен.

Ворота станции облеплены машинами, как кусок сахара разноцветными жуками. Опоздавшие ползают по пустырю, пытаясь пролезть поближе. Частники проклятые, словно больные перед приемом у врача, испуганы, но бодрятся.

В проходной меня останавливает армейский капитан:

— Эй, друг, ты откуда?

— Добрый день, — говорю я, — да.

— Конечно, добрый день, — сразу соглашается капитан. — Понимаете...

— Пока нет, — говорю я.

— В общем, вон мой «москвич», серенький такой, что-то трещит в коробке передач. Я хотел сам, разби-

рал, ничего не получилось. Потом треск исчез. Думал, пронесло. А пока сюда ехал, впечатление, будто сейчас машину разнесет на куски. Может быть, вы... — И смотрит на меня умоляющими, чистыми голубыми глазами.

Интересно, сколько нарядов вне очереди ты вка-тил бы мне, попади я в твою роту? И ведь, наверно, не один ты копался в коробке. И шофер из части, какой-нибудь всезнающий Иван, полез, да руками развел. Да напугал еще: дескать, придется разбирать задний мост. Тут ты схватился за голову, взял у жены два червонца, отложенные на праздник, и поперся к нам. И сейчас еще надеешься: авось ничего страшного, суну рабочему на пол-литра, он быстренько сделает — и все дела.

— Посмотрим, — говорю я. — Вот контора, в общем порядке пойдете к мастеру, он откроет наряд, а тогда милости просим.

А двое других уже стоят рядом, выжидают. Капитан поворачивается к ним и делает знак: дескать, бесполезно, не клюет.

Первые клиенты. Мне достается «победа». Ее владелец от меня ни на шаг. Не люблю, когда стоят над душой, а этот еще лезет с указаниями: мало покрутил, еще качни, не забудь подтянуть подшипник и т. д. Показывает, что, дескать, сам в машине разбирается. Попросил я у него ключ на двенадцать, так он его потом тряпочкой и — в карман. Не дай бог я стащу.

Сделал я ему «ТО-2». Все культурненько. Спрашиваю:

— Какие еще пожелания?

Он засопел и в карман полез. Мелочью гремит. Решил осчастливить.

— Пардон, — говорю я, — наша фирма чаевых не принимает. Есть ко мне претензии?

Тут он надулся, словно его в одно место качнули на пару атмосфер. И ходу. Ладно, паразит. Ручной тормоз у тебя скоро сорвется, а переднее правое колесо будет греться. Но ты же сам меня просил затянуть потуже подшипник. А на ручной тормоз надо было указать, раз ты все сам понимаешь.

Подкатывает красный «москвич». ТО-1. Работа на три минуты. Я своему напарнику:

— Коля, уважь товарища.

А товарищ, парень моих лет, снимает темные очки и говорит:

— Вы Звонков?

— Допустим.

— Привет вам от Валерия. Это он вас рекомендовал. Вот я и попросил мастера, чтобы меня к Звонкову направили.

— Валерка? — говорю. — С радио? Как же, наш старый клиент. Почет и уважение. На что жалуетесь?

— Да разболталась машина. Надо все проверить, а я сам профан в этой области.

— Значит, «ТО-2» с гарантией? Пятнадцать, пойдет?

— Зачем разговоры? Договорились.

Начал я шуровать. М-да, Валеркин друг ездит, прямо скажем, варварски. Колеса у него болтаются, а в моторе грязь, небось и не заглядывает. Таких к машине на пушечный выстрел нельзя подпускать. Но я ему все чин чинарем, чисто, культурненько. Теперь тысяч пять может смело накатывать. Фирма!

— С Валеркой вместе работаешь?

— Почти. Только он в промышленном, а я в отделе литературы и искусства.

— Ну, — говорю, — артистов знаешь? Не всех? Бутенко такой, знаменитый, в фильме играл... Слыхал?.. Так, к слову пришлось. Учились вместе. Дружки были. Пожалуй, он меня теперь не вспомнит. Зазнался.

Кончил я, сдал ему машину.

— Спасибо. Теперь катайся. Валерке привет.

Прихожу с обеда, а мой утренний знакомый, армейский капитан, ждет меня, загорает. Сделал я с ним круг. Машина в порядке. Капитан бледнеет. Это, говорит, бывает. Сейчас не трещит, а потом начинает, да так, словно вот-вот разнесет в куски.

— Придется разбирать задний мост. Наверно, там стружка. Или болт отлетел. Пойдете выписывать? Двадцать восемь рублей. И сегодня я не успею.

Капитан ни жив ни мертв. «Мне, — шепчет, — так и говорили, да я надеялся...»

(Как я и предполагал, комиссия была. Консилиум устраивали. Частники проклятые!)

— Подождите, — говорю, — деньги вам пригодятся. Праздники скоро, а, капитан?

(Сколько бы нарядов ты вкатил мне вне очереди, попади я в твою роту?)

Вывесил я машину, вскрыл одно колесо, вскрыл другое. Вот она, любезная. Пружинка соскочила, застряла в тормозных колодках. Ее размололо. Отсюда и треск. Заменяю я пружинку. Фирма!

Капитан сияет.

— Называйте, — говорит, — сумму.

— Отставить, капитан, я за пустяки денег не беру.

Так он напарнику моему Кольке сунул в карман рублевку.

Еще я с «Волгой» возился. Клиенты сбились в кучу. Обычный разговор. Дескать, целый день кошке под

хвост. А в Америке машины на сто тысяч гарантию имеют. И опять же обслуживание люкс. Подкатил, бросил мальчику ключи, а сам пошел пить коктейли. Выходишь — все смазано, подтянуто, проверено. Машина вымыта. Пожалуйста, счет.

А кто тебя, черта толстозадного, в Америку пустит? Радуйся еще, что сейчас на человека напал, а то вон Юрка, король халтуры...

Часа в четыре явился Петька. Выручи, мол, парня. Проездом в Москве. Ленинградец. А «парень» Петьке в отцы годится. По виду учитель, если не профессор. Машину профессора легонько «приласкал» в дороге автобус. Крыло ему Петька выправил, а вот передок... Ленинградец мне интеллигентно плетет разную научную ахинею.

— Хватит, — говорю, — папаша, мне мозги тра-та-та. «Волгу» пора заводить. А на «запорожце» — да на юг! Несолидно. Как ехать думаете? Передок — это жизнь. Втулки надо менять. Есть втулки?

Конечно нет. Разве у профессоров что-нибудь бывает? Они все в призрачном мире живут. Газетам верят — дескать, по дороге станции техпомощи. А кому они нужны, частники проклятые?

— Идите, — говорю, — просите мастера, чтобы выписал со склада втулки.

— Просил, тра-та-та (быстро он у меня научился), да все кончились.

Возможное дело. Толя, мастер наш, тоже фрукт: не понравится ему физиономия — нет, и весь разговор. А клиенту ставить машину на прикол? Для своих корешей, гад, бережет.

Пошел я на склад, достал втулки. Цена им три копейки, да где возьмешь? Договорились мы с ленин-

градцем, все чин чинарем. После смены отогнал я «запорожца» (есть у меня поблизости «подпольная» яма). До темноты перебирал передок. Папаша оказался свой в доску. Подбросил меня в центр.

Завалился я домой. Руки-ноги как протезные.

— Мать, приготовь рабочему человеку пару калорий!

Потом полистал «Советский спорт». Не заметил, как уснул.

2.

Когда-то, опять же давным-давно, смотрел я фильм. На экране лихие морские сражения сменялись блистательными балами, тонули французские фрегаты, береговые крепости выбрасывали белые флаги, а адмирал Нельсон дарил алые розы леди Гамильтон. В разгар кровавой Трафальгарской битвы пуля настигла Нельсона. Потом... Грязный кабак, и спившаяся женщина неопределенных лет говорила: «Не было „дальше“, не было „потом“». Прекрасный трагический конец. Зажигался свет, и зрители с красными, опухшими веками толкались у выхода.

Вот так же и мне одно время казалось, что не будет «дальше», не будет «потом». Правда, мой «адмирал» если и устраивал сражения, то гораздо менее эффектные (во всяком случае, по пиротехнике) по сравнению с Трафальгаром, и никакая холера ее нигде не настигала, и до сих пор она живет счастливо с моим товарищем. Да и я сам не столь очарователен, как леди Гамильтон, и явно уступаю ей в цельности характера. Вероятно, в девятнадцатом веке люди были романтиками и максималистами. Все или ничего! Может, я и ошибаюсь, но мне как-то трудно представить, чтобы

знаменитая в прошлом красавица прокачивала тормоза старому «москвичу». А я занимаюсь этим каждый день, и следы моих бурных страстей сохранились только на одном из фонарных столбов по Бережковской набережной.

Когда после моего семейного Трафальгара прошел год, на горизонте замелькали какие-то девушки. Прогулочными лодками они кружили около меня и исчезали, а я, как лермонтовский парус, и не искал и не бежал. Но прошлой осенью, когда я наконец-то вырвался в отпуск и примчался на самолете вслед за проклятыми частниками к Черному морю, со мной произошло нечто серьезное.

Ее звали Лида. У нас сложилась веселая компания беззаботных дикарей. Там были молодые врачи, инженеры и даже один поэт. А я был... юристом. Да-да, юристом. Если кто-нибудь приставал ко мне с вопросами, то я сразу напускал такого многозначительного тумана, что спрашивающие бледнели и почтиительно замолкали. Алла кое-чему меня научила, да и за долгое общение со своими старыми товарищами я нахватался верхушек, так что держался вполне интеллигентно.

Но пробиться к Лиде было нелегко. Толя, врач, владелец «Москвича-402», захватил лидерство.

Однажды мы поехали из Анапы в Новороссийск на двух машинах. Впереди шла новенькая «Волга» Марика, инженера со «Станколита» (впрочем, машина принадлежала его отцу), а мы с Лидой и поэтом тащились на Толином «москвиче». Толя купил машину весной, водить не умел, да еще и трусил. Через каждые тридцать километров лихач Марик останавливал «Волгу», ребята выходили на травку и ждали, когда

мы покажемся из-за поворота. Лида сидела рядом с Анатолием. Когда он уныло плелся в кильватере очередного грузовика, я хладнокровно заводил разговор о поэзии.

Так мы добрались до Новороссийска, а на пляже Толя умудрился посадить машину на песок. Он включал и переднюю, и заднюю скорость, потом за руль сел Марик, но результат был тот же. Я стоял в стороне, смотрел и думал, что еще немного — и тогда без грузовика нам не справиться. Кто-то побежал за веревкой, чтоб «Волга» взяла Толю на буксир, но тогда я сел за руль и через несколько секунд вывел машину на шоссе. Это всех озадачило. Пошли вопросы.

— Да, — сказал я, — когда-то водил. Но прав с собой у меня нет. Однако, если Толя сядет рядом...

Толя промолчал. Но когда мы поехали обратно, быстро стемнело. Фары встречных машин заставляли Толю тормозить каждые пятьдесят метров, и мы догнали Марика, и он сказал, что ждет нас уже полчаса и так дело не пойдет, пускай поведет Руслан, а он, Марик, будет стараться идти потише.

— Иди так, как привык, — ответил я.

— Но ведь «Волга»... — начал Марик.

— На меня не обращай внимания, понял? — ответил я.

Я плотно сел Марику на хвост, и он погнал, а я не отставал, и тогда он еще увеличил скорость, а Толя рядом со мной клал в рот сигареты, как леденцы, а потом пошли горы, и тут уж Марик не мог. Я сделал его на третьем вираже, и больше мы Марика не видели, пока не приехали в Анапу, не заглушили мотор, заперли дверцы и купили вина в ближайшем погребе.

Тут они появились, выскочили из «Волги», словно катапультировались, и Марик сказал: «Ну и ну!», а остальные — много других слов,

Мы пили сухое вино в комнате поэта, танцевали, и Лида на меня несколько раз так посмотрела... Но я не подошел к ней ни в тот вечер, ни потом, потому что все было более серьезно и разговор мог идти только в открытую, а что бы я сказал: «Лида, прости меня, ты архитектор, а я тебя обманул, я не юрист, а просто слесарь, печки-лавочки...»

Перед отъездом она дала мне свой телефон. Я обещал сразу же позвонить и, конечно, никогда этого не сделаю. Я человек суеверный и твердо знаю, что перед очередным нашим свиданием ко мне вдруг явится Толя или Марик на профилактику, а Лидин телефон они записали еще в первый день пребывания в Анапе.

Я, грязный, потный; в промасленной спецовке, выхожу из магазина с Колькой и Петькой. Сегодня опять подхалтурили, раздавили бутылку на троих, а Петька еще с утра набрался. И вот мы выходим на шоссе, а мимо проносятся частники проклятые, и вдруг скрип тормозов, и у обочины рядом с нами останавливается белый «Москвич».

— Привет, — говорит Алла.

— Привет, — говорю я.

— Как жизнь? — говорит она.

— В порядке, — говорю я.

— Ну, привет, — говорит она.

— Привет, — говорю я.

Ребята смотрят на меня как ошпаренные (такая девочка, бывают же счастливицы, которые с ней, но она не для нас), и я знаю, что они о ней думают, и что ду-

мают обо мне, и какой вопрос зададут через пять минут, и как я на него отвечу — я все знаю. Более того — знаю, что Алла так быстро уехала потому, что поняла мое состояние, но теперь она уверена, что я сегодня же ей позвоню, а она никогда не ошибается. И клянусь, она поняла, что я скажу ребятам, когда ее машина скроется за поворотом.

Красивая женщина, белый «москвич» — ах, какая романтическая история! Настолько романтическая, что я уже стал сомневаться, было ли это на самом деле. А ведь, откровенно говоря, я и живу только для того, чтобы изредка вспоминать прошлое и убеждаться, что все это было на самом деле. И чем ниже я буду опускаться и чем выше будут подниматься Алла и Сашка, тем дороже мне будут мои воспоминания и, как ни странно, тем больше значения приобретет для меня самого моя персона.

— Алла, — говорю я в телефонную трубку, — ты одна?

— Да, я одна.

— Только ты не думай, ничего не произошло, я просто так, меня заинтересовала машина. Профессиональное любопытство. Сашкина? Давно купил?

— По-моему, ты что-то забыл, — говорит она. — Ты еще хотел предложить мне по старой дружбе у тебя отремонтироваться, смазываться и т. д. Не правда ли?

— Допустим, — говорю я.

— Господи, этот дурак ни капельки не изменился! Спускайся на улицу, я сейчас за тобой подъеду. И не смей никуда исчезать!

Она выходит из машины и протягивает мне ключи:

— Садись за руль. Поехали на окружную дорогу.

— Дождь, — говорю я, — скользко. Ты не боишься?

— И с этим дураком я прожила несколько лет, — говорит она.

Через час я сказал:

— Хватит. Отвел душу. Может, найдем какое-нибудь место, где бы ничто не мелькало, никто бы не слепил глаза и не надо было все время кого-то обгонять?

— Например?

— Внуково. Там шумно и много народу.

— Отлично, — оказала она, — как раз оттуда я позвоню домой. Предупрежу, что задерживаюсь.

— Только... — сказал я, — но пойми правильно, может, конечно, но...

— Как будто я ждала от тебя чего-то другого! Ладно. Как хочешь.

И она продолжала выдавать мне все, что про меня думала. Меня раздели донага, и даже тайные мысли, в которых я сам себе не признавался, были извлечены на свет божий, просвечены рентгеном, проанализированы. По мне гуляли, как хотели, а я молчал в тряпочку. Будь это в другой обстановке, я бы не выдержал. Нахамил бы, сбежал или просто взмолился: «Остановись!» Но дорога давала мне силы все это выслушивать, и, в общем, относительно спокойно. Алла великолепно выбрала момент, когда меня можно было взять голыми руками.

Объявили посадку на очередной самолет, кафе сразу опустело.

— Алла, — сказал я, — расскажи мне о ребятах.

— Наконец-то опомнился. Кстати, мы довольно часто собираемся. И, как ни странно, особенно жены. Галя ждет второго ребенка. Вот-вот должна родить.

— Ай да Ленька! — сказал я. — Разве он в Москве?

— С прошлой осени. Работает на заводе начальником участка. Галя жалуется. Все, говорит, умеют устраиваться, а Ленька как впрягся, так с утра и до поздней ночи. Домой приползает чуть живой. А Мишка во Внешторге. Устроился совсем недавно. Очень доволен. Ездил в Италию. Торгует с «Фиатом», не как-нибудь. Юрка с театром на гастролях. У Пятерки все без перемен. С Танечкой у него по-прежнему африканская любовь. Но прошел слух, что собирается в экспедицию.

— Расскажи про Сашку, — сказал я.

— Таинствен и занят, как всегда. Говорят, что он вполне может получить доктора наук, да сам не хочет, все ему некогда. А зимой группе из института, в том числе и Чернышеву, дали премию. Какую и за что — нам, простым смертным, не сообщили. Но знаю, что много денег. Как раз хватило на «москвич».

— Сашка водит?

— Куда ему! Я его и близко не подпускаю.

— Ты выпьешь со мной?

— В другой раз. Когда придешь к нам. А сейчас мне вести машину. В отличие от некоторых, я не такой уж классный шофер. Не рискую. Руслан, может, хватит? Смотри сам. Только потом не расползайся, чтобы мне не пришлось собирать тебя ложками...

— Алка, скажи, ты мне не изменяла до...?

— Спасибо. По-моему, нам пора ехать. Или у тебя еще? Давай выкладывай, не стесняйся.

— Не обижайся, Алка, я имею право на несколько вопросов, пускай очень глупых.

— А как ты сам думаешь?

— Не знаю.

— Похоже на тебя. Нет. Понятно? А теперь извинись.

У меня есть скверная привычка: что бы ни произошло вечером — к восьми как штык являться на работу. А ведь, наверно, можно было организовать бюллетень или договориться с мастером. И наплевать мне на то, что весна и техосмотр и частники проклятые лезут на станцию через все щели.

В пять часов я сказал «баста», поехал в город, посидел сначала в одном месте, потом в другом, потом почему-то оказался в третьем, всюду пил, а на меня не действовало.

За моим столом устроилась пара — тихий, пришибленный мужичок в очках и молодящаяся старушка, давно прошедшая через все медные трубы.

Впрочем, я не очень к ним присматривался. Я в сотый раз «отрабатывал» занимательную историю одного моего знакомого, некоего Руслана Звонкова. Некий Руслан Звонков поначалу был весьма способный юноша. Даже чего-то хотел, большого и общественно-го. Потом он женился на Алле и уверовал, что в ней вся его жизнь. Алла казалась ему очень красивой и очень умной. А она была просто глупой девчонкой и вышла за Звонкова потому, что в один прекрасный момент решила, что у нее все уже в прошлом. На самом же деле жизнь ее только начиналась и ей нужен был сильный, самостоятельный человек. А один мой знакомый, некий Руслан Звонков, был тряпкой, о которую Алла вытирала ноги. И в конце концов встретила того, кто был ей нужен, полюбила его и ушла от Звонкова.

Ушла жена. Конечно, трагедия. Но у людей случилось и похуже. Они теряли на фронте зрение, ноги — и ничего, не ломались. А мой знакомый, некий Руслан

Звонков, тут же сломался. Причем в своем падении он был высокомерен. Дескать, вы все, остальные, тоже не первого класса. Светочей науки и культуры из вас не получилось, вы уже показали, на что способны. Я, правда, ничего не показал, но тоже мог бы и, наверно, добился бы больше вас, если бы не обстоятельства.

А между прочим, вся наша жизнь складывается из обстоятельств.

Вот какая история произошла с Русланом Звонковым. Эту историю впервые четко сформулировала, рассказала ему Алла. А до Аллы ее рассказывали Звонкову его старые товарищи, у которых было достаточно времени изучить все его «номера».

Руслан Звонков, обидевшись на себя, еще пуще обиделся на своих товарищей. А они ведь сначала встали на его сторону. Но уж очень гордый человек был Руслан Звонков.

Интересно, на чью сторону встали бы ребята, случись все наоборот? Если бы Звонков был крупным специалистом, ученым, а Чернышев вкалывал бы слесарем?

То-то и оно! Победителям все прощается!

А Руслану Звонкову остается сидеть в этом заведении, говорить о себе в третьем лице и ненавидеть всех и вся.

Очкарик опять заказывает бутылку. Лихо рассказывают тебя, друг ситный. Главное, есть на что заказывать. А мой лимит на сегодня кончился.

Что? Наливают мне? Уговаривают?

Еще по одной! Почему бы и нет? Не пьет только телеграфный столб: у него чашечки вниз.

Через некоторое время мне казалось, что лучше людей, чем мои собутыльники, не бывает на свете.

И меня несло:

— Я работаю! Понял? И точка! Вкалываю с утра до вечера. Меня кормят мои руки. Зарабатываю очень даже прилично. Скоро куплю машину. А пока капитаны, журналисты, печки-лавочки, все бегут ко мне на поклон: запчастей не достать! Но это все ерунда. Звонков еще себя покажет. Знаете, какие у меня товарищи? Во, фотография в любом киоске продается. Юрка — артист, в фильме играл... Знаменитый. Вместе в школе учились. А Мишка? Красивый был парень. Все девчонки из ближайших школ в него влюблялись. А сейчас он во Внешторге. Миллионами ворочает. Кто ни приезжает — Рокфеллер, Морган, — все к нему. Захочет Мишка — заключит контракт. Нет — покажет кукиш! Вот он какой! Яшка, дружок мой, пока мы здесь водку пьем, всю страну объездил. Нет ни одного города, ни одной деревни, где бы он не был. Живут люди! А Ленька на заводе, начальник участка. Брошу я свою контору, приду к нему, скажу: «Ленька, возьми меня к себе». А ему это плевое дело. Перед ним директор на задних лапах прыгает. Как Ленька скажет, так и будет. Но, мальчишки, слушайте меня, все это ерунда по сравнению с Сашкой. Сашка — ба-альшой человек. Что он там делает, уму непостижимо, ему не то что директор — министр ни-почем. Американцы бы за его голову столько долларов отвалили... В следующее воскресенье все ребята собираются. Традиция. И меня приглашают. Все они важные персоны, а как же без меня? Я там главным гостем буду. Ждут не дождутся. Соскучились! Эх, братцы, на какой я женщине был женат! Джину Лоллобриджиду знаешь, итальянскую кинозвезду? Так Джина и в подметки ей не годится... Ладно, дело прошлое. А я могу жениться хоть сейчас. Спорим! Позвоню по одно-

му телефону. Лида, архитектор, интеллигентная девушка. На юге за ней и Марик, и Толя, и даже поэт — все хвостом ходили. А она только на меня смотрела. Каждый день возвращается с работы, спрашивает: «Руслан звонил?» А я молчок. Я еще успею. Никуда она от меня не денется. Но ты, Валя, — да брось,ними очки, — ты молодец. Тебе повезло. Зина — мировая баба. Зина, мы пьем за твое здоровье.

Утром я встал рано. Трещала голова. Мне было и муторно, и не потому, что с похмелья, а потому, что я вспомнил, какую чушь порол вечером. Я испытывал даже не стыд и не отчаяние — просто мне было так плохо, что хотелось повеситься, и чем скорее, тем лучше.

Не знаю, что бы я с собой сделал, если бы не скверная привычка: что бы ни произошло накануне — к восьми как штык являться на работу.

3.

Празднично накрытый стол. Юрка играет на гитаре. Ленька и Мишка спорят о футболе. Чернышев скептически наблюдает, как Пятерка танцует с Аллой. А что делают Таня, Лена и Галя? Суется. Как всегда, не хватает вилок. Решается принципиальный вопрос: класть ли в салат майонез? Наконец все садятся. Но почему-то никто не торопится, никто не кричит: «Мужики, уходит время дорогое!» Как-то уж очень основательно накладываются в тарелки шпроты, бычки, сыры и разные другие печки-лавочки. Кто-то вспоминает старый анекдот, но его слушают вполуха, все посматривают на дверь.

— Ну его к черту! — говорит Ленька. — Это ему не школа, чтоб опаздывать.

— Верно, нам больше достанется, — поддерживает его Пятерка. — Начали, ребята. Юрка, давай текст!

Юрка произносит тост.

Шум, смех. И опять все затихает.

— Алла, — спрашивает Чернышев, — ты точно с ним договорилась?

— Абсолютно, — отвечает Алла. — Он клялся, что придет.

— Ребята, — предлагает Юрка, — может, позвонить ему? Или, еще лучше, заехать? У меня такое чувство, что мы перед ним виноваты. Все-таки он скромный парень, простой работяга.

Нет, так не пойдет. Переиграть! Когда ты был с Аллой во Внукове и сказал нечто подобное, она тебя сразу остановила: «Только, ради бога, не говори этой фразы при Сашке». — «Почему?» — «Не советую!» — «А что тут криминального?» — «Наоборот, очень удобные слова, но подумай». — «Алка, ты права». — «Понял?» — «Да, спасибо».

Начнем сначала. Итак, празднично накрытый стол. Юрка играет на гитаре. Мишка рассказывает Ленке, как он торгуется с акулами западного бизнеса. Чернышев... В общем, экспозиция та же. Но когда все усаживаются, вдруг звонок, и на пороге появляется Руслан с очаровательной интеллигентной девушкой.

— Знакомьтесь, — говорит Руслан, — Лида, моя невеста.

Ребята вскакивают (словно я разбил все бутылки коньяка), и даже Алла смотрит на Лиду более пристально.

Чрезвычайно любопытная сцена. В течение полчаса ты должен найти человека, которого не видел больше полугода, уговорить его отменить все планы

на сегодняшний вечер и отправиться с тобой в незнакомый дом, а заодно попутно выйти за тебя замуж. Темпы!

Оставим до следующего раза? Отлично. Может, тогда ты явишься (держа в зубах служебное удостоверение) сразу директором станции обслуживания. Вот взяли и назначили Звонкова. А Звонков (смотрите!) сразу навел порядок. Наверно, повесил новый плакат, что, дескать, чаевые унижают достоинство человека. И все осознали. За Петькой полдня гонялся частник проклятый с трешкой в руке, но Петька хоть и кружил у магазина, но не унизился.

А почему бы тебе не прийти таким же таинственным и загадочным, как Чернышев, только в генеральском мундире? Дескать, вот так, ребятишки, все бывает.

Ну, а реально?

Я смотрю на будильник. Всего шесть вечера. Времени вагон. Пойду лучше в кино.

Открываю шкаф. Пиджак подает мне пустую руку. Быстро переодеваюсь. Так, теперь все в ажуре. Позвонить Петьке?

И автоматически набираю номер Ленькиного телефона. Спокойно. Пожалуй, правильно. Извинись. Скажи, что важное свидание. Может, еще забежишь.

Длинные гудки раскачивают тебя, как качели. Почему никто не подходит? Вдруг все сорвалось? Не нервничай. Ленивым и медленным голосом передай всем привет.

— Ленька!

— Руслан!

— Старая калоша! Тра-та-та-та-та!

— Ах ты гад! Тра-та-та-та-та!

От наших слов впору расплавиться телефонным проводам. Все народные судьи должны плакать от отчаяния, потому что более удобного случая вкатить нам по пятнадцать суток у них не предвидится. Ну, хватайте, судите меня скорее!

— Ленька! — кричу я.

— Где ты?

— А кто пришел?

— Да все. Сейчас подойдет Пятерка!

— Так я через пять минут!

— Стой, я передам трубку Медведю! Он тебе выдаст!

— Не надо, бегу!

— Руслан!

— Мишка!

— Давай только появиись! Будем бить долго, упорно, преимущественно ногами!

— Через пять минут, клянусь!

— Подожди, тут у меня рвут трубку!

— Я одет! Я через минуту!

— Звонок? Ну, старая развалина!..

— Барон?.. Что?.. Не надо, я хороший!.. Какая милиция? Меня забрать? Юрка, уж твой голос я как-нибудь узнаю!

...Рекомендованным путем из подворотни в подворотню, проходными дворами, элегантно огибая тумбы, углы и встречные посудины (как давным-давно, когда я, изображая из себя крейсер «Аскольд», прорывался сквозь всевозможные засады учительской эскадры). Но сейчас я иду тихо-тихо, останавливаюсь на перекрестках, засматриваю в окна, прицениваюсь к серебряным слиткам мороженого, лежащего на лотках. Ноги помимо моей воли двигаются быстрее, но я

сдерживаю себя: шаг, еще шаг, вот так, раз, два. Никогда у меня не было таких счастливых минут. Если бы застыло время! Если бы эти минуты длились бесконечно! Какие короткие пошли переулки! Не успеешь ступить, как они уже кончаются. Юрка, ты помнишь, как в Ростове (да, было очень холодно, мороз, ветер) мы сидели с тобой почти всю ночь? Стой, Чернышев, не торопись с выводами, я тоже кое-что соображаю, не ставь на мне крест, понимаешь, я еще поднимусь! (И Чернышев, смущенный Чернышев — разве кто-нибудь видел его в таком состоянии! — отвечает мне: «Дурак, может, я этого больше хочу, чем ты сам».) Пятерка, ты не сердись на меня, пускай я опять без двух взяток, ну не умею играть, но, слышишь, мне просто очень приятно сидеть с вами; что у вас там, пики козыри? Ленька, давай поймаем «профессора» и отнимем у него завтрак, потом я куплю ему все бутерброды из всех гастрономов города, но сначала давай отнимем? Мишка, как мы тебя проклинали, когда целый час ждали у «Художественного», а ты прокутил свой капитал (три рубля по новым деньгам) на мороженое и воду с сиропом где-то у памятника Гоголю! Ребята, полный порядок, у меня записан телефон девушки Лиды. За ней хвостом ходили Марик, и Толя, и даже поэт, а она смотрела на меня. Почему я с ней до сих пор не встретился? Медведь, ты требуешь, чтобы я дал тебе ее номер, — и ты мигом все устроишь? Нет, уж как-нибудь обойдемся: я же помню, ты опасный конкурент.

И почему переулки стали такими крошечными? Кажется, секунду назад я вышел из дому и вот очутился на Арбате. И Арбат какой-то странный, тихий и маленький. Переходи его в любом месте.

«Ах, Арбат, мой Арбат, ты мое отечество», — и мы идем (смотрите, я в компании высоких, спортивных, веселых ребят, и это все мои товарищи, и мы очень дружим, и нам хорошо вместе) неспешной походочкой, насвистывая, по Арбату, через всю Москву, десять, сто тысяч километров, через всю страну, через всю жизнь.

И тут я не выдерживаю. Я, взрослый, тридцатилетний человек, бегу по переулку (косолапый пенсионер испуганно отпрыгивает в сторону: украл? убил? где дают?); тренеры, изучайте график моего бега, держу пари, что показываю рекордное время (милиционер с хозяйственной сумкой, топающий по своим личным делам, провожает меня профессионально наметанным взглядом); на пути штакетный забор, дворовые лесонасаждения; была не была, перемахнул с ходу (Брумель падает в обморок); «Внимание, внимание, на экране телевизоров вы видите, дорогие товарищи, как Руслан Звонков, подбадриваемый ревом многочисленных зрителей, столпившихся у окон, на балконах, на крышах, заканчивает олимпийскую дистанцию»; вот он, Ленкин дом; частник проклятый рвет тормоза (приходи завтра — по прейскуранту и с гарантией); перед носом машины влетаю в парадное (дверные звонки сами вызывают условным кодом всех жильцов на лестничную площадку), три этажа, шесть пролетов отщелкиваю, как семечки, еще несколько ступенек, —

Оглавление

Тигрушка.....	5
История одной компании	91
Часть первая.....	91
Часть вторая.....	138
Часть третья.....	188
Часть четвертая.....	248
Часть пятая.....	294

Литературно-художественное издание
Легенды оттепели

Гладилин Анатолий

ТИГРУШКА

Генеральный директор издательства
С. М. Макаренков

Руководитель редакции *Ю. Качалкина*
Выпускающий редактор *Е. Крылова*
Компьютерная верстка: *Т. Мосолова*

В оформлении издания использовались материалы
по лицензии © *Shutterstock.com*
Художественное оформление: *С. Лях*
Корректор *Л. Агафонова*

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ

Подписано в печать 02.02.2016 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «PF Agora Serif Pro».
Усл. п. л. 16,8.
Заказ № 1326

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14